

Сергей Редькин

ПАНОПТИКУМ

Сборник юмористических рассказов

2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р 33

Сергей Редькин
Р33 **ПАНОПТИКУМ.** Сборник юмористических рассказов. — Канада,
Торонто: Издательство «Альгаспера», 2022. — 152 с.

ISBN 978-1-30418-007-0

Сборник юмористических рассказов.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Для читателей старше 16 лет (16+)

ISBN 978-1-30418-007-0

© Сергей Редькин, 2022
© Издательство «Альгаспера», 2022

Агентство «Туши свет»
(Цикл рассказов)

БАСЯ

СЕРЁЖА

В собаьем мире, все совсем не так, как в нашем человеческом. Работники там ответственные, да и души у них, в основном, мало испорчены эгоизмом. Вот и героиня моего рассказа, существо крайне порядочное, хотя по виду не скажешь. Маленькая такая собачонка, да еще и брехливая, породы, вроде как, малый шпиц. Ну это по нашим меркам она «так себе», зато по их — первая красавица. Вдобавок еще и редкостная умница. Бася одна представляет собой целое сыскное агентство! Она и сыщик, и бухгалтер, и коммерческий директор. А муж ее, бульдог Сережа, только числится директором, чтобы налоги поменьше платить, инвалид детства все-таки.

Дело первое. **Об обмороженном сыне Главного полицейского**

У начальника службы полиции города в котором жила Бася, был сын, подросток годов 12 (по собачьим меркам, конечно). «Задница» он был редкостная, к тому же, и капризун отменный — постоянно чем-то недоволен был. То в школе учительница «несправедливо» ему 4 поставила, а надо бы 5. То друзья денег в долг не дали, без отдачи, конечно, а суммы ему требовались немалые. Он уже с 10 лет подсел на курительные смеси. Папан-то на него начхал, он ведь вроде был как из детдома взят, так, на всякий случай. Иначе родителю не быть бы генералом.

Бывший губернатор их, по прозвищу «умная голова», потому как единственный из собачьих в то время носил уже контактные линзы. Очень не любил одиноких мужиков, особенно в силовых органах. И вечно не давал им, по мере своих сил, широкого карьерного роста. Ну, а если ты мужчина семейный, то тут уже совсем другое дело. Можешь дослужиться и до полковника. Но главный полицейский не был бы главным полицейским, если бы не нашел ключик и к этой сверхпроблеме. Он взял да и усыновил некоего бездомного щенка. И стал воспитывать того как отец-одиночка. Это произвело такой фурор в обществе городка, что «Умная голова» тот час назначил его начальником самого большого отдела в полицейском управлении. А перед выходом на пенсию, примерно через 6 лет, и вовсе сделал не только начальником всей полиции, но и выбил для него у президента чин генерала, что явно было не по меркам такого заштатного городка.

Вот с той самой поры, как отче стал генералом, и начались проблемы у данного подростка. Папик и вовсе забыл о его существовании, доверив его прислуге: распущенной девице с приятными формами, ко-

торая выполняла в особняке работу гувернантки, и пьянице-истопнику, а заодно сторожу, повару и тому прочее. Вот они-то, собачьи дети, и довели «мальчика» до того самого «чудесного» положения, в котором он и оказался к 12 годам. То есть, стал окончательным поморозком.

Случилось же вот что, иначе, зачем тогда в рассказе присутствуют детектив Бася и ее муж Сережа. Однажды, в студеную пору, правда не зимой, а осенью, но это мало что меняет, так как на улице было минус 5, а в трусах и тапочках не очень-то покомфорствуешь в такую погоду, а именно в таком виде и находился подросток по имени Илья. В данный момент не только генеральский отпрыск, но еще и почти догола раздетый грабителями, в конец обкурившийся недоросль. Как только он малость оттух от действия вредных смесей, то сразу начал как бы ощущать, что что-то с ним не так. А вскоре и вовсе понял, когда замерз как цуцик, что дела его и правда плохи. Его не только раздели, но и обобрали! Так что добраться до дому он мог только пехом, а было это не близко, ведь обкурился-то он окончательно уже не в городе, а где-то в лесопарке. Там-то его местные бомжи и прищучили.

Ну и пошел наш парень, куда глаза глядят — не замерзать же ему в конце концов, ожидая на месте чьей-либо помощи. Тогда он точно окочурится, а так, может, шевеля лапами, и выберется к какому-нибудь тепленькому местечку, да хоть бы и костру шушеры какой-нибудь. Ведь дармоедов и зимой в лесополосе хватает. Кто пьянствует с друзьями, а за одно и жарит шашлыки, дабы хотя бы на капельку забыться от домашних забот. А кто и просто дурью мается — работать не хочет, как все, и, покуда хватает сил, бродяжничает, отогреваясь у костра, пока может. Ну, а когда уж совсем плохо становится, идет сдаваться в ночлежку.

Так что полон радужных перспектив на будущее, Илья двинул аккурат на юг, ибо понимал, что тепло приходит именно оттуда. И надо сказать, что ему действительно повезло. Только ухо одно успел сильно поморозить, как добрался до какой-то избушки. А как углядел, что в доме кто-то есть, ибо в окнах горел свет, и вовсе, как конь бьет копытом, стал ломиться во входную дверь. Если бы не открыли, точно бы снес ее с петель, так хотелось ему бедному согреться. И кто, вы думаете, открыл ему? Увы, вы ошиблись. Это был даже не лесник, а всего лишь директор сысского агентства. Правильно — инвалид Сережа.

— Чего случилось то, поздно ведь уже? — сказал Сережа и пахнул в лицо мальчика перегаром.

— Так это, пустите меня, дяденька, иначе я совсем околею от мороза.

— А почему голый?

- Ограбили меня.
- Много взяли?
- Да все, что было, только трусы и кеды оставили.
- Это я и сам вижу. Плохо дело, если тебе платить нечем.
- Так это, у меня папечка богатый, выкуп даст.
- Богатый, говоришь, тогда — заходи.

Уже у очага, за столом, мальчик отогреваясь, а заодно и попивая кофе с коньяком и мармеладом:

— А чего это вы, дяденька, в лесной глуши околачиваетесь? Вместо того, чтобы в городе быть, как все нормальные люди?

— Здесь мне спокойнее думается.

— Кем же вы работаете, если не секрет?

— Директором.

— Понятно. А мой папка вроде как генерал полиции.

— Блин. Чего раньше не сказал про это. Я бы тебя тогда, может, и не пустил.

— Почему это? Вам что, выкуп не нужен??

— От генерала Захватайкина выкуп не получишь, уж я-то знаю, если только схлопочешь по шее, а то и вовсе на 15 суток угодишь.

— Он что, и директоров лупит?

— Еще как, особенно сыских агентств. Я целых 4 раза получал и один раз 15 суток сидел.

— Ну, папка, он и меня то не жалует. Знаете что — мы разыграем похищение.

— Нет, мой друг. Я лучше позвоню жене, и она что-нибудь придумает.

— А кто Ваша жена?

— Сыщик Бася. Слышал о такой?

— Конечно. Это же лучший детектив нашего города. Так даже мой папа считает.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда сам тебя отведу к генералу. Одевайся.

— Во что?

— Верно, не в чего. Свою же одежду я тебе не отдам. А больше у меня ничего и нет, кроме платья жены.

— Ну уж нет, лучше голым пойду.

— Сиди уж. Придется все-таки звонить Баське.

Достает из ящика стола сотовый, допотопный «кирпич» фирмы Филипс. Начинает набирать номер. У парня при виде такой диковины аж зенки в растопырку.

— Что это за телефон? Им же убить можно.

— И не только. Он еще и заряд по месяцу держит. Я уже здесь вторую неделю сижу, а заряда еще больше половины.

— Надо же.

— Ладно, не трынди, я уже набрал.

— Алло, Басюта, это я, поняла, говоришь, уже. Это хорошо. У меня к тебе дело, причеа срочное. Нет, подождать не может. Приезжай, и точка. Зачем? У меня отпрыск самого генерала полиции. При этом малость помороженный. Нет, это не я его, кто-то другой. Уже едешь?

Когда Бася приехала.

— Бедный мальчик, здорово же тебе ушко прихватило. Ну ничего, хорошо, что дядя Сережа тебя вовремя спас.

— Он пускать не хотел без выкупа.

— Ты чего мелешь, я же пошутил.

— Неужели?

— Так ведь ты сам предложил первый.

— Но вы же не отказались.

— Ребята, потише.

— Главное не в том, кто кому должен, а в том, как бы нам всем с пользой для каждого выйти из этого шекотливого положения. Ведь генерал не дурак, сразу раскусит бредятину.

— Папа — хореk, он и меня-то не жалует, бросил на потребу девке продажной да истопнику-пьянице. А сам еще пуще в полицию ударился.

Сережа:

— Понятно теперь почему ты так далеко от дома без присмотра бродишь.

— Да они там дома, пока папа на работе, творят черт-те что. Даже мне противно это скотство стало. Вот я и пошел погулять, а заодно и перекурить чуток. Да так обкурился, что не заметил как заблудился.

Бася:

— И не только, ты даже не понял кто тебя раздел?

— Не-а. Я тогда прикимарил малость.

Бася:

— Ладно. Теперь уже ничего не попишешь. Чего папе твоему врать будем?

— Не знаю. Я не умею так как вы, тетя Бася, сочинять рапорты.

Сережа:

— Это правильно, рано тебе еще взрослым очки втирать. Подрасти-ка лучше малость.

Бася:

— Цыц, ишь раскукарекался, директор, понимаешь ли.

Сережа:

— Все, уже молчу. Что надумала?

Бася:

— Представим все так. Ты, Сережа, увидел случайно в лесу как на мальчика напали бандиты и грабят его. Пока ты храбро спешил к нему на помощь, они успели-таки совершить, пусть и частично, свое черное дело — раздели его догола и забрали все себе, включая деньги. И, если бы не ты, они наверняка оставили бы его одного, и он бы точно замерз насмерть. Поэтому, честь и хвала герою Сереже. Я полагаю, генерал на это купится, тем более, ушко у мальчика похоже насквозь промерзло, до прежнего вряд ли восстановится.

Сережа:

— А, вдруг, генерал спросит: «Почему это он так далеко оказался от дома, может, вы это сами все подделали?»

Мальчик:

— Не спросит, коли денег просить в награду себе не станете.

Бася:

— Так нам не деньги нужны, а привилегии.

Мальчик, почесав за обмороженным ушком:

— Тогда скажите лучше так, что меня мол хотели продать цыганам в рабство Наталья и Василий, то есть, горничная и истопник. А вы меня отбили. Тогда, может, я от них наконец избавлюсь.

Сережа:

— Глупенький, на их место придут другие, может еще и похуже, папа ведь тебя не любит и заступаться точно не станет. В одиночку же ты против них не потянешь, так что терпи пока этих, а там видно будет. Авось, все само собой и наладится. Через пару-тройку годков возмужаешь чуток, может, уже и тогда будешь их сам воспитывать. Да не сопи ты так, я точно дело говорю.

Бася:

— Блин, пока чесались, кажись, уже и машина приехала. И че теперь делать? Точно это твой папа, я его и за дверью нюхом чую.

Мальчик и Сережа испуганным дуэтом:

— Говори сама что хочешь, только бы поверил.

Генерал уже в избе «сыну»:

— Ну что, чмо мелкое, доигрался?! Ладно хоть обобрали да раздели, а могли бы и пришибить насмерть. У меня ведь недоброжелателей много.

Бася:

— Но мы же с Сережей не дали им этого сделать. Спасли вашего сына.

Генерал:

— Во-первых, не сына, а пасынка. А, во-вторых, сегодня спасли, а завтра уже и не сможете, ведь они же не остановятся, ежели начали.

Бася:

— Это все понятно, но мы-то здесь причем? Мы сделали свое дело — спасли его в этот раз. Может, и снова спасем, кто знает.

Генерал, почесав нос:

— Хорошо, уговорили! Он хоть и не сын мне, но все же человек для меня не чужой. Будет вам за это спасибо.

Бася:

— В какой форме, если не секрет?

— Все «глухари» пойдут вашему агентству!!

Сережа что-то хочет сказать, но Бася одергивает его.

Бася:

— Большое спасибо, товарищ генерал.

Генерал:

— Да полно вам, я же не могу просить помощи у частного сыска в делах, которые мои сотрудники способны раскрыть сами! Пошли щенок-сынок.

С этими словами генерал берет мальчика за лапу и ведет его к машине. На улице все те же минус 5.

После того как остались одни.

Сережа:

— Ты видела, он даже не захватил для малыша одежды.

Бася:

— Ничего удивительного, он же пояснил, что тот ему не сын.

Сережа:

— Тогда зачем было брать его из детдома.

Бася:

— А вот это уже не твоего ума дело!

Сережа:

— Почему?

Бася:

— Ты же не хочешь сам стать генералом.

Сережа:

— Таким, как этот, точно нет.

Бася:

— Вот и славненько. Ну и заживем же мы теперь. Все раскрытые трудные дела будут только наши!

19.09.2017 года

Дело второе и последнее. Полковник Сунь

А ведь есть еще на Земле места, где все происходит по-честному, ежेलю война — то так, что куски плоти летят в небо подобно стаям странствующих голубей (были такие когда-то в Соединенных Штатах, но уже истреблены охотниками), а после падают на Землю градом такой силы и тяжести, что пришибают намертво все, что осталось в мире живого. Ну уж, если объявлен мир, то тогда и черный с белым милуются, как Шерочка с Машерочкой, да и желтый с не желтым, тоже в обнимку ходят. И где вы думаете есть такое чудо?! Думайте, иначе считаю всего до 3 и обвиняю вас в крестинизме. Ну что, испугались? И правильно! Ну, лучше не тужьтесь, все равно не догадаетесь что это всего-навсего собачий Санкт-Петербург. А еще точнее, одна из его провинций под названием Собачья Поляна. Но у людей она почему — то называется Сосновой. Хотя там сосен раз-два и обчелся. Зато собачьего дерьма, можно сказать, горы. И живет в этом засранном уголке, да еще и творит, притом как! знаменитый частный детектив по прозванию Бася. Да, та самая, у которой муж дебилитик Сережа, захребетник, можно сказать, первойшей степени.

То, что я поведаю вам, великая тайна. А подвигло меня на это то, что соседка моя, этот самый детектив Бася, увидела, как я ранним утром, на самом рассвете, когда все порядочные граждане должны еще видеть сны, делал на балконе зарядку, а делаю я ее, надо признаться, в голом виде, что несомненно шокировало бы многих, покажи я им это в открытую.

— Здравствуй, сосед Нахум, да вы почти не изменились и не только душой, но и телом за те 10 лет, что я вас знаю. Хвостик-то по-прежнему торчком, и это уже с самого утра. Вот что значит настоящий мужчина. Не то что мой благоверный Сергей, у которого и хвоста и того отродясь не было. Из хорошего в нем — одни лишь уши. Вот те точно всегда торчком, чтобы хоть что-то пакостное подслушать.

— И что же ему удалось узнать на этот раз? — Уже менее смущаясь своей наготы, спросил я.

— Говорят, прибыл в город полковник Сунь.

— А кто это?

— Известный шпион и бандит.

— Не слышал о таком. Чем же он знаменит?

— Так он шпионит в пользу враждебного нам Кошачьего государства, а заодно обкрадывает квартиры богатых.

— Второе мне не грозит. Я же всего лишь бедный инженер, да и то на пенсии.

— Ну, а первое?

— Это вы о чем, соседка? Да и хватит на меня пялиться. Уберите хоть бинокль, что это вы там пытаетесь разглядеть? Уж не блох ли?

— Если бы это были блохи, но ведь это похоже компьютерные микро-чипы, которые вы зачем-то тайно вживили. Скажем, в хвост. Впрочем, вы и сами знаете, где они.

От неожиданности я настолько растерялся, что вынужден был сесть на попу, чтобы прикрыть уже лапами сокровенное место. Надо же, эта стерва все-таки прищучила меня. Теперь главное — не дать ей докопаться до самой сути.

— Вы правы, соседка. Я действительно секретный работник. И данные чипы есть не что иное, как последняя разработка собачьей мысли. Только уж извините меня, но делиться секретом я с вами не буду. Не то еще в тюрьму упекут за разглашение сверхсекретной тайны.

— Да я и не настаиваю. Я же, как-никак, частный детектив и всегда строго соблюдаю заповедь о неразглашении поведанной мне клиентом информации.

— Вот и славненько, так как я пока точно не ваш клиент.

— Но вы им обязательно станете.

— Отчего это?

— Потому, дорогой Нахум Псоевич, что в наш город прибыл сам полковник Сунь.

— Ну тогда я и сам генерал Висунь, и никакой полковник мне не страшен, — сказал это соседке да и пошел обратно в том же самом виде, в каком и попал на балкон, то есть голышом.

Но как позже выяснилось, жучка соседка была недалеко от истины. Ровно через неделю меня обокрали. Нет, не унесли мои чипы, это было бы практически невозможно, так как я свято оберегаю свой хвостик. Да и не только. Украли мои образцы турмалинов параиба, что я нарыл под Приозерском в том самом месте, где Вуокса впадает в Ладогу. Там был прежде медный, еще петровских времен, рудник. Надо же, нелюди, уперли все 7 моих кристаллов. Ублюдки, оставили бы хоть один. Как же я теперь сделаю очередное научное открытие? Кто мне на слово поверит, а фотографии, это ерунда, даже в суде их как косвенные улики рассматривают. Ну ничего, я с этими ворюгами обязательно еще посчитаюсь.

Интересно, откуда они могли догадаться о том, что больше мне не найти подобных камней. Ведь я не сам нашел их, а изъясил из могилы какого-то древнего воина. Они были в его бронзовом шлеме. Видать, не бедным был этот искатель приключений былых времен. Похоже, соседка-детектив права, придется все же к ней обратиться за помощью. Ну, полковник

Сунь, если это дело твоих лап, то держись — Генерал Висунь при помощи своих умных советчиков, Баси и ее мужа бесхвостого Сережи, сумеет постоять за себя. Теперь, главное, хоть бы чипы не уперли. Все, завтра же пойду к начальнику сдавать их обратно. Не могу, скажу, больше испытывать только на одном себе эту гадость, устал, мол. Думаю — помогут, ведь мне всего год до пенсии остался.

А на пенсии — какой я работник. Так что обязательно найдут «подопытную» свинку помоложе.

Вернув чипы шефу, причем не без труда, пришлось сильно проставиться — даже в голове не укладывается, как можно требовать ящик «Наполеона» за такую ерунду, я срочно двинулся к офису Басьены Шпицвиц, который располагался в уютной мансарде Дворца творчества юных. Там я ей за чашечкой кофе с коньяком и поведал о своих печалях. При этом рассказал не только о том, что меня обокрали, но и о том, что наконец-то окончательно расстался с интересовавшими её чипами. Теперь их будет носить на себе сам подполковник Несун, мой непосредственный начальник.

— Я же говорила вам Нахум, что без меня вам все-таки не обойтись. Да, похоже, и вашему Несуну вскоре.

— Не понял, — честно признался я в ответ на её тираду.

— Турмалины-то ваши я, скорее всего, найду. У моего супруга ведь столько связей в криминальном мире. А вот с чипами дело будет явно потруднее. Ибо полковник Сунь, похоже, уже напал на их след.

— Вы полагаете, что какой-то там Сунь может обнести самого Несуна?

— Более того, я в этом даже уверена.

— Да и кот с ним, я ведь уже за чипы не отвечаю. Мне бы турмалины вернуть. Иначе, как я снова пойду на могилу древнего воина, чтобы там поискать как следует еще чего-либо ценного. Да мне просто совесть не позволит делать этого. Вдруг дух его скажет мне прямо в глаза: «Зачем приперся снова, нечестивец? Неужто все уже пропил?» И что я ему скажу? Так что, Басенька, ищите, уж я за ценой не постою.

— Хорошо, — говорит Барбара, — будем искать. — И откровенно провоживает меня вон. При этом еще и взяв за визит чересчур дорого.

— Ладно, — думаю уже по пути домой, — деньги что, так, — бумага. А вот камушки мои — дело всегда верное. Потому как дюже они редкие. Да еще и похоже старинные.

Только включил я дома компьютер, как мне кто-то уже звонит по скайпу. Дядька, вроде как незнакомый, но что-то памятное для меня в нем все же есть. Оказывается, это и есть полковник Сунь. И что вы думаете, в открытую намекает мне о том, что это, мол, он похитил у меня мои камушки. И вернет их взамен на те чипы, что я на себе ношу, а иначе

не видать мне моего сокровища. Выходит, даже этот пройдоха еще не знает о том, что их у меня уже нет. По сему тяну резину, говорю, что должен подумать немного.

— Думайте, — соглашается полковник, — но не долго. Даю вам срока 3 суток. Хватит?

— Вполне.

— Тогда до связи, — заявляет некто.

Экран гаснет. А что я мог ему возразить, не посоветовавшись прежде с детективом. Окончив разговор, я тут же двинул к Баське уже домой. Открыл мне Сережа, ее супруг. При этом вид у него был странный. И я его даже не сразу узнал. Потом вдруг вспомнил, что я его не видел уже года с два. Так что человек мог за это время измениться. Сказав, что Баси еще нет дома, он тут же закрыл передо мной дверь, нагло сославшись на то, что ему мол сильно не здоровится. Пришлось проглотить и звонить детективу Шпицвиц уже по сотовому.

— Барби, не мое это, конечно, дело, но твой супруг совсем нюх потерял.

— Что случилось-то?

— Так он меня даже не впустил на порог. Сказал, что тебя нет дома.

— Ну и правильно.

— Но он меня, кажись, не узнал. Тоже мне, сосед хренов.

— Это с ним бывает, правда, не часто. Только тогда, когда он зубрит новую роль.

— Так он у тебя что, еще и в театре подрабатывает?

— Точно, в самостоятельном.

— То-то я гляжу — рожу у него какая-то не такая стала. Вроде как загромировали под кого-то. Интересно, под кого?

— А ты подумай. Ведь не дурак же, раз тебе первому доверили сверхсекретные чипы. Впрочем, перейдем-ка лучше к делу.

— К какому?

— По которому и звонишь. О пропаже твоих турмалинов.

— О, блин, совсем старый стал. Ни хрена не помню уже. Ну и как там?

— Я уже напала на след.

— Говори, не томи, кто это?

— Будто ты сам не знаешь? Он же тебе только что звонил.

— По скайпу что ли?

— Ну, да

— Так, значит, он не врал мне?

— Конечно, нет.

— И кто это был?

— Полковник Сунь собственной персоной.

— А чего требовал, знаешь?

— Догадываюсь.

— Трое суток только, сучок обломанный, на размышление дал. Если, говорит, не дашь мне чипы, то и турмалинов своих заветных, стало быть, точно не получишь.

— Но ты же чипы уже Несуну отдал.

— Вот и я о том думаю.

— Давай сделаем так: когда ты чипы ему передавать будешь взамен на турмалины, мы его возьмем с поличным.

— А это реально?

— Вполне. Моя фирма веников не вяжет. Так налетим исподтишка, что и не пикнет как уже с кляпом в пасти будет.

— Согласен. Осталось теперь только вернуть себе чипы. То есть, стащить их тайно уже у Несуна.

— Ты уж постарайся, коли хочешь возвратить камушки.

Пришлось согласиться.

Уже на работе. В кабинете подполковника Несуна.

— Говоришь, Нахум, не видать тебе камушков, пока не обменяешь их на чипы. Рад бы тебе помочь, да как? Ведь они настолько секретные, что коли вот так, запросто, попадут в лапы к нашим врагам, то точно полетят с плеч и не такие головы, как наши. А оно мне надо?

— А ежели сделать копии?

— Чего??

— Я имею ввиду, испорченные. Но так, чтобы сразу было не понять, что что-то здесь не то.

— Это можно было бы попробовать. Но ведь враг — не дурак! Вряд ли он отдаст тебе камушки сразу.

— Ну, уж хрен ему, иначе я не соглашусь. Думаю, чипы для него гораздо нужнее, чем камни, пусть и особо ценные.

— Ладно, подготовлю копии. Но ты уж, браток, не оплошай там.

— Постараюсь, шеф.

И вот в назначенный день и час я в условленном месте.

Встретиться договорились в семи соснах на поляне. Есть такой парк неподалеку от моего дома, где все просматривается вокруг. Враг не подберется к тебе незаметно, если ты, конечно, дремать не будешь. Стою, жду, когда придет обменщик. Вот он идет, невысокий такой, кряжистый кривоногий. Походка вроде молодая, а морда вся в морщинах. Подошел, поприветствовались, сели на скамейку да и давай обмывать обмен. Только, значит, выпили по второй, нас и повязали. Причем меня — невесть кто, а его точно Баськины люди. Я ее Сережу

в одном из них узнал, только под какого-то полковника загримированного.

Короче, приволокли меня в какую-то контору, бросили за решетку и были таковы. Сижу я, думаю, кто же это так меня отделал лихо? Глядь, а он, этот самый лиходея, по чьему приказу я был так бесцеремонно схвачен, уже тут как тут. И это не кто иной, как мой шеф, подполковник Несун.

— Ты, что, — говорю, — полковник, не в себе что ли, зачем это сделал??

— Ну ты, Нахум, и debil. Для конспирации и никак не меньше. Теперь враги точно поверят в то, что ты принес не липу, раз был схвачен своими как подлый шпион.

— А потом что, когда прознают правду?

— Мы тебя теперь не скоро отпустим. Так что не переживай. Показывай камни.

— Как же, ждите. Ваши идиоты так быстро нагрянули, что мы даже обменяться еще не успели.

— Врешь, сволочь. А за что же тогда пили?

— За знакомство.

— Идиот! Да я тебя за такой провал кастрирую, нафиг.

— Э, шеф, не кипятитесь очень уж. Я знаю, где икать этого шпиона.

— Это ты специально так говоришь? Чтобы я тебя отпустил? Дудки!

Докладывай вначале, а там посмотрим.

— Ничего я вам не скажу, хоть режьте на части.

— Ублюдок, камни-то твои сколько стоят??

— Семь лимонов баксов, как минимум.

— Не врешь?

— Да что Вы, зачем же я их тогда хранил в укромном месте.

— Это дома-то?

— Почему нет? Я же не знал, что этот ворюга такая умная bestия.

— Тогда так — поделим все поровну когда вернешься ко мне с камнями.

— Но ведь 7 пополам не делится.

— Короче, тебе — 3, мне — 4.

— Но почему?

— Четвертый — цена твоей свободы.

— Однако, впрочем, я согласен и на такой дележ. Шкура всяко дороже.

— А то!

Отпустил он меня из каталажки. Ну я и пошел домой. Там меня уже ждут. Видать, сам полковник Сунь и с ним еще двое.

— Вернулся-таки, ублюдок, — говорят. — Ну сейчас мы тебе вломим.

— За что? — спрашиваю.

— Чтобы впредь делом занимался, а не пьянствовал в столь ответственный момент.

— Так не я же первый начал, — говорю, — он мне сам предложил обмыть, а потом уже — меняться. Видать надуть меня хотел опоив.

— Он уже ответил за свой просчет.

— А почему вы, полковник, сами не пришли, испугались?

— Молчать, сосунок. Забирай свои турмалины и гони чипы. Тоже мне спектакль устроил, я сразу понял, что тебя свои же и умыкнули.

— Так вашего же тоже забрали, только детективы. Они его точно расколют и выйдут на вас. От Баси Шпицвиц еще никто не уходил.

— Хватит трындеть, где чипы?

— Где турмалины?

— Да на, подавись.

Сказав это, полковник сунул мне под нос кулак в перчатке. И разжав его, представил мне пред очи семь моих камушков. Тогда и я протянул навстречу ему руку с зажатыми в ней чипами. Так обмен и произошел.

— Только вякни кому-нибудь об этом, мигом пришибем.

— Не маленький, — говорю я, — уже давно понял что вы за люди.

— Вот и молодец.

Сказав это, враги гордо ретировались прочь. Только как они вышли из квартиры я не понял. Потому как неожиданно получил по башке кулаком от последнего из проходящих мимо меня. Да так, что сразу отключился. Когда я очнулся, камней у меня уже не было. Ублюдки, и тут нагрели. Ну ничего, будет еще и на моей улице праздник, как говорят. Знали бы они, кто я на самом деле, точно поостереглись бы делать подобное.

Постскриптум.

Когда я набрал секретный номер Верховного Главнокомандующего и он сам взял трубку, я честно признался ему в своих промахах. Он крепко пожурил меня. Но пообещал разобраться, и слово свое он сдержал.

Подполковник Несун был срочно отправлен на пенсию, благо выслуга ему это уже позволяла. Детективное же агентство Баси и Сержа тоже вскоре закрыли. А сами они исчезли бесследно в неизвестном направлении. Полковник Сунь, впрочем, я и сам догадался кто им был, ибо вчера случайно углядел на балконе новых соседей точно такую же перчатку, которая служила игрушкой их ребенку.

Когда я спросил откуда она у них, они сказали, что это имущество прежних жильцов. Да, хорошо быть сыном первого в стране человека и при этом жить инкогнито совсем под другой фамилией. Вроде как и не при делах, а все равно круче всех прочих сынков.

01–10.01.2018 год

Зеленый брюлик

(Цикл рассказов)

Зеленый брюлик

I.

Ох как трудно живется творческому человеку в наше непростое время. Даже хлеба насущного, и того в доме не каждый день досыта водится. И так мне от подобной срамной моей участи однажды невольно стало, что решил я заняться, наконец, и дурным делом. А чего тебе еще остаётся иного, когда видишь как приятели твои, пошедшие по данной кривой дорожке, день ото дня лишь процветают, не в пример тебе, горемычному. Но чем мне заняться? Организовать какую-либо афёрную контору?! Да только, похоже, для этого кишка у меня тонковата. Но вот схимичить что-то пакостное в одиночку, это еще с детства горазд. И задумал я такое дело. На все оставшиеся у меня свободные деньги, под залог своей квартиры, арендовал в одной ювелирной фирме на месяц зеленый бриллиант в полкарата. Чего смеетесь?! Вполне приличный размер для вредных действий. Как получил я это сокровище на руки, так и решил тотчас действовать. Я еще заранее приметил этот ювелирный магазинчик на окраине. Там был всего лишь один продавец. Да и тот, похоже, дурилка картонная. Во всяком случае, так мне показалось по его общению с покупателями.

Зашел я, значит, в эту забегаловку. Подошел к прилавку с ювелирными вставками. Да и говорю ему: «Камни-то у вас крупные, да и цены, похоже, для таких размеров умеренные. Только сдаётся мне, что всё это — липа!»

— Как можно, — обижается на мои слова продавец. — Ведь этот товар скорее для ювелиров, а не простых обывателей. А уж их-то на мякине не проведешь.

— А вот это мы сейчас проверим, — говорю я ему и показываю на шикарный, чистейшей воды рубин стоимостью в 25 тысяч. — Спорим, что я его поцарапаю простым изумрудом!

— Это не можно, — возражает продавец, — ибо рубин значительно тверже последнего!

— Правильно, — вторю я. — 9 против 7,5. И все же?

— Покажите Ваш изумруд.

Даю ему пощупать.

— Ха, да это вовсе и не изумруд, — смеётся парень.

— А что? — вкрадчиво спрашиваю я. А сам в глубине души думаю: «Вдруг всё же догадался, сволочь? Тогда придется отделаться шуточками».

— Так это, скорее всего, зелёный агат. Сейчас, знаете, какие умеют. Уже выращивают такие, что от изумруда только специалист и может отличить. — При слове специалист продавец самодовольно ухмыльнулся.

«Слава богу, не додул-таки», — сказал я про себя, и промокнул платочком лысину, сославшись на то, что нездоровится малость.

— Ну как, не передумали спорить? — Теперь уже парень спрашивает.

«Как же, передумал», — думаю я. Да у такого я могу и несколько камней уделать.

— Доставайте, — сказал я. Тот и достал. Я чиркнул аккуратно, конечно, по тыльной стороне, чтобы поменьше в глаза бросалось. Но результат был для магазина всё равно плачевный. Мой «изумруд» оказался значительно тверже его рубина.

— Как же так, — говорит парень, — быть этого не может.

И тянет теперь уже сапфир, а у них твердость с рубином одинаковая. Хрясь — и сапфир тоже повержен! Думаю, пожалуй, хватит, иначе он заставит меня так полмагазина перечиркать. А это уже грозит не только одним мордобоем.

— Ну что, убедились какова в действительности ваша продукция?

— Я-то тут причём? Это дело хозяина. Покупать за наличные будете?

— Какой покупать, да я на вашу лавку в суд подам за мошенничество, да еще и за моральный ущерб.

— Ой, прошу вас, не делайте этого. Хозяин тогда меня точно с работы выгонит, и куда я пойду? Хотите уступлю вам товар по закупочной цене.

— И сколько это?

— Треть от продажной. Итого с вас 11 тысяч.

— Ладно, поступим так, — говорю. — Я возьму тот, что поболее поцарапал, а второй вы лучше продайте. Так вам даже лучше будет. Всяко выручите за него тысяч 13–14. Еще и в наваре будете на пару тыщенок.

— Идет, — сказал продавец. И отдал мне рубин

II.

— Шеф, у нас ЧП.

— Что такое?

— Да один покупатель с какой-то зеленой стекляшкой сказал, что это изумруд, наш лучший рубин из отдела вставок попортил.

— Изумрудом рубин? Странно!

— Да это и не изумруд был, а скорее зеленый агат.

— Но это уже вообще нонсенс.

— Вот и я о том толкую, Израэль Залманович.

— И что было дальше, Иван Петрович??

— Он хотел на нас в суд подать, у него мол дядя судья. Точно бы не отмылись.

— И что ты сделал?

— Отдал ему камень за молчание.

— Молодец, нам излишняя шумиха не нужна. Но я всё равно вычту с тебя 1 000 рублей.

— За что?

— Именно во столько мне и обошлась данная подделка.

— Это был что, не рубин?

— Ха, это был всего лишь искусственный камень, умело мной загримированный.

III.

Подобную аферу я проделывал еще несколько раз. И всегда с успехом. К концу срока аренды бриллианта у меня накопилось 13 камней. Чему я был более чем рад. Сдав камешек обратно, и вновь получив документы на квартиру, я тотчас же отправился к знакомому ювелиру. И попросил оценить его плоды моих трудов. Каково же было моё разочарование, когда ни один из принесенных мной камней не оказался настоящим. И я заработал вместо ожидаемых мной 130 тысяч всего 13. И тогда, видя моё беспримерное горе, ювелир сжалился надо мной и подарил мне настоящий бриллиант. Он был плохого качества, но достаточно крупный, примерно $\frac{1}{3}$ карата. Это он сделал для того, чтобы я и впредь мог пользоваться его услугами, принося ему поцарапанные камни. Ведь не могут же все, занимающиеся ювелирным делом граждане быть одними мошенниками. Но я-то знал правду. И поэтому с этого самого дня навсегда завязал с подобным порочным занятием. Через пару дней я устроился дворником в ЖЭК, где и познакомился с доброй и порядочной женщиной, на которой вскоре женился. Бриллиантик же этот я продавать не стал. Он может еще сослужить когда-нибудь добрую службу. Не мне, так моим детям. Ведь живем-то мы в какой стране!

21.03.2016

Перстень Распутина (Небылица)

Проживал у нас в Питере в начале 90-х один замечательный игрок в блиц. Звали его Фима Малофеев. Был он просто машина. Ставил себе всего 45 секунд и громил при этом под 0 даже мастеров. Говорят, однажды он обыграл так и самого Тайманова. После того, как перед этим изрядно проигрался в покер. Был бы он в нормальном душевном состоянии, то вряд ли бы себе подобное позволил. Ведь Тайманов был в то время чересчур уважаем, и не только в шахматных кругах. И наживать себе подобного недоброжелателя ему явно не улыбалось. Но что тут поделать, коли натура русского человека такова, что он вначале делает и только уже после этого думает.

Обиделся дядя Марк на это, похоже, круто, хотя виду не подал, сославшись на то, что, мол, он нынче не в форме. К концерту персональному готовится. Будет выступать перед самим Собчаком. Где тут всерьёз о каких-то шахматах думать. Но Фима был тертый калач. И поэтому, словно бы шестым чувством, всё же заподозрил неладное. По сему при первой представившейся для этого возможности — жена денег на шубу норковую попросила — продал все свои особо ценные вещи из антиквариата. Даже перстень самого Распутина с жёлтым бриллиантом в 16 карат и тот задвинул. Правда, заказав у знакомого ювелира перед этим копию из позолоченного серебра с фианитом. На всякий случай. Чтобы сразу не догадались, что он для чего-то ценности срочно сливает. Ну, а вырученную от продажи вещей валюту передал со знакомым дипломатом маме в Иерусалим. Да и стал, как и прежде, поживать, то есть в шахматы всех драть. А чего ему было печалиться. Ведь шубку-то он супруге купил. К тому же она даже и не подозревала о подлинной ценности проданных им вещей. Думала, что и их на шубку может не хватить. А оказалось даже еще и осталось с лихвой.

Ну а господин Тайманов, как и прежде, продолжал готовиться к персональному концерту в мэрии. А о том, чтобы мстить Фиме Малофееву пока, видно, у него намерений не имелось. Было лишь одно светлое желание — как можно больше угодить господину мэру, чтобы тот оценил его услуги. И всё-таки поговорить с Малофеевым надо бы. Хотя бы пригласить для вида на концерт, чтобы он чего плохого о нём раньше времени не подумал. А после концерта — видно будет. Может и помилую этого отщепенца — думал гроссмейстер, хотя, вряд ли. Когда они в очередной раз встретились за тайной партией в покер в одном из кабинетов Астории, Малофеев счел за нужное обязательно выиграть, хоть немного, у Тайманова. Ведь в тот раз гроссмейстер-пианист, можно сказать, раздел его. А то что он сам надрал его затем в шахматы и этим нанёс немалый урон самолюбию последнего, это уже не то — это всего лишь душевный урон.

Но одно дело сказать, и совсем уже другое воплотить сказанное в реальность. Короче, опять вдрызг проигрался Фима. Хорошо что хоть с собой взял не так много баков, иначе бы ему был вообще полный пипец.

— Ну что, Марк Соломонович, закончим уже? Я совсем пустой.

— А на перстень сыграть не хочешь, Фима? Больно он у тебя хорош. Стоит небось не меньше 50 тысяч зеленых.

— Да ну Вас, господин гроссмейстер, я за него выложил еще в Советсах 55! А нынче он все 70 потянет.

И тут Фима-шахматная машина понял, что он серьёзно прокололся, ведь в советское время валютные спекуляции ох как строго пресекались. Вдруг и сейчас по какой-либо статье притянуть за старое можно?

— Ну так как? Играем? Или уже совсем испугался, — спросил Тайманов и презрительно взглянул на Малофеева. Это решительно того задело, и он согласился. Впрочем, чем он особо рискует? Перстень-то липовый. Любой хороший ювелир это после экспертизы сразу определит. Надо только не полениться вынуть камешек из оправы. Правда, если он проиграет, обязательно потом поползут слухи о том, что он лгун и обманщик. Но это уже, как говорится, издержки производства. Но, если он всё же победит Тайманова, то сумеет, не только отыгаться, но и возместить за свой моральный ущерб будьте-нате. Ведь проиграл-то он только 10 тысяч.

— Хорошо, — сказал наш герой, — во сколько оценим перстень?

— 60 и точка, — сказал Марк.

— Согласен. Кто раздаёт?

— Я.

— Почему это?

— По старшинству.

— Хорошо. Пусть будет так.

После того, как фальшивый перстень был бесцеремонно сорван с его пальца, Фима не на шутку задумался. Что же делать? Теперь точно ославят на весь город. Ведь Тайманов обязательно отнесет перстень на проверку перед тем как его кому-нибудь из своих друзей-богатеев продать. Остаётся, видно, только одно — решил Малофеев и смахнул ладошкой набежавшую слезу.

— Да не переживай ты так, в шахматы всё равно потом наверстаешь. Ты же блиц-машина. Даже я, гроссмейстер международного класса, вынужден это признать.

После чего, дружески пожав друг другу руки, они расстались.

На концерте, состоявшемся в зале заседаний Смольнинского дворца, народу было валом. И все сплошь известные личности. Сам Гарри Каспаров — шахматный гений — и тот был. Уже после первого отделения в комнату отдыха гроссмейстера-пианиста зашла сама госпожа Нарусова

выразить своё восхищение по поводу его мастерства. Тут она и увидела зло полученный им перстень.

— Ах, какая редкая вещь, — восхитилась дамочка.

— Конечно, его сам Распутин носил.

— Вот бы моему муженьку такую на предстоящий юбилей подарить. Что скажете?

Ясное дело, на какое-то время воцарилось тягостное молчание, затем всё-таки последовал робкий ответ.

— Но он ведь очень дорогой.

— Сколько?

— Даже не знаю.

— Думаю, мы всё равно сможем договориться.

И они, конечно же, договорились.

Но Фима Малофеев об этой сделке знать ничего не знал, ибо в это время был уже вместе с семьёй в салоне самолёта, летевшего прямым курсом в Тель-Авив. Проверив перстень на всякий случай у знакомого ювелира, Нарусова поняла, что её жестоко надули. Но мстить не посмела — побоялась огласки. Перстень-то ей достался, можно сказать, даром. Так сказать, за её невероятную сексапильность и клятвенное заверение оказать в нужный момент должную протекцию через связи своего супруга. Вот почему, дорогие мои сограждане россияне, вы не увидели знаменитый перстень на руке мэра Собчака во время телетрансляции его юбилея.

Куда же делся настоящий перстень Распутина — непонятно. Он словно в миг канул. Ведь с тех пор, а прошло уже немало лет, о нём ни слуху ни духу. Вполне возможно, что ушлый ювелир, прикупивший его у Фимы Малофеева, затем прибыльно продал его за рубеж одному из тайных коллекционеров. А эти люди предпочитают не афишировать свои приобретения.

24–25 марта 2016 года

Врач

Одно время я довольно долго сотрудничал с одним молоденьким ювелиром по прозвищу «врач». Почему его звали врачом, когда он работал совсем по другой специальности, я не понимал. А спросить в лоб, почему его зовут приятели именно так, я почему-то стеснялся. Видимо, сказывалась значительная разница в возрасте. Мне было уже хорошо за пятьдесят, ему, по виду, едва за тридцать. Работник он был знатный. И все мои задумки воплощал достойно. Я в то время подвизался работать в роли художника по ювелирным изделиям у одной зажиточной дамы бальзаковского возраста.

Ох, и любила же она побрякушки. Одних только перстней у неё было не меньше сотни. Но все они, как я объяснил ей при нашем более тесном знакомстве, есть халтура, потому как серийного производства. А такой культурной женщине, как она, необходимо совсем иное. А именно, эксклюзивные изделия, сработанные специалистом только для неё.

— Так ведь они же могут потом сделать копию для кого-нибудь другого, — изумилась моя знакомая, — зачем мне это?

— Ну уж нет, — уверил её я, — всё будет тип-топ, — я сам займусь этим.

— Так, стало быть, вы умеете по ювелирной части? — спросила меня дама.

— Увы, нет, — зато я хорошо рисую и могу набросать любой эскиз согласно вашим пожеланиям.

— А как же быть тогда с ювелиром? Ведь надо хорошего мастера!

— Есть у меня один на примете, истинный виртуоз в своём деле! К тому же еще и богобоязненный человек. Такой лишнего греха нипочем на душу не возьмет, — нагло соврал я и преданно взглянул в её голубенькие глазки. А она очень даже ничего, решил я. Но тут же отмел мысль о каком-либо ином сотрудничестве, кроме делового. Ведь я человек, как мне казалось в то время, истинно порядочный, и, по сему, не должен заводить шашни с деловыми партнёрами.

— Ну-ка, нарисуйте мне чего-нибудь интересенького, — сказала тенька и скромно потупила глазки.

Ну я и нарисовал шариковой ручкой наскоро её портрет, причем очень похоже. Это ей так понравилось, что она сразу дала мне добро на работу. Причем требования её к эскизам были самыми простыми. Главное, чтобы я всё выдумывал из головы, а не слизывал у кого то, выдавая за своё. На том и порешили.

Через день я ей показал набросок перстня и печатки, которые ей чрезвычайно понравились. Ну и отправился к ювелиру. А так как я врал насчет того, что он (ювелир) у меня уже есть, то, недолго думая, нашёл по Интернету ближайшего от моего местожительства ювелира-частника. Да и отправился к нему. Так я и познакомился с этим самым «врачом». Договориться с ним было несложно, так как дела в то время у него шли неважно, и он брался без разбора за любую подвернувшуюся работу. Уже с самого начала я строго предупредил его о том, чтобы он не делал копий кому-либо иному кроме меня. Ибо это приказ заказчика. А с таким клиентом, как она, шутить не стоит. Может, если что, не только засудить, но и вообще заживо зарыть, и за это ей точно ничего не будет.

— Что вы, Сергей Владимирович, как можно, я же честный ювелир, у меня и лицензия есть.

И он показал мне на стену своей каморки, где в самом центре покоилась эта самая лицензия, да ещё и в золоченой рамке.

— Добре, — сказал я. — За сколько дней справишься?

— Если пробу в инспекции не ставить, дня за три.

— Не, надо всё по-честному.

— Тогда за две недели.

— Черт! Это, пожалуй, долго. Ладно, потерпит. Идет! — Сказал я и протянул ему аванс. Но он даже от этого отказался. Сказал, что приучен брать деньги только после выполнения заказа.

— Но ведь камни стоят больших денег, — изумился я. — Или у тебя уже есть готовые?

— Достать в долг для меня не проблема.

И он сказал, сколько примерно будет стоить его работа.

— Всего-то, — сказал я, зная, что такую сумму она потянет точно. Заодно спешно соображая, сколько мне ещё и самому надбавить.

А так как вкус у меня был хороший, а деньги у дамочки имелись немалые, то скоро мы загрузили «бедного» ювелира работой по самое «дальше некуда». Ведь дамочка наивно полагала, что именно эксклюзивные украшения и есть самое надежное вложение средств на будущее. Примерно через пару месяцев мы скорешились с ювелиром настолько, что стали иногда попивать коньячок вместе. Но всему хорошему обязательно когда-нибудь всё же приходит конец.

Случилось же вот что. Однажды, после выполнения им доселе невиданного по размерам заказа от моей благотельницы, что-то около полусотни предметов, мы на радостях напились настолько, что он, к моему удивлению, обычно такой скрытный, напрочь развязал свой язык. Оказывается, он до того как стать частным ювелиром, работал по медицинской части. И иногда, он явно бравировал этим, умудрялся переспать со всеми своими пациентками. Причем предпочитал тех, что покрупнее. Чему я нисколько не удивился, ибо знал, что щедрые мужики всегда тянутся к большим бабам.

— И вот, понимаешь ли, дядя Сережа, на днях я встретил свою старую любовь. И меня потянуло к ней с такой силой, что я не сдержался и вновь вступил с ней в связь.

— Подумаешь, — сказал я, — лишь бы кто не надо не прознал об этом.

— Более того, я при расставании подарил, точнее надел на её шейку кулончик, сделанный по одному из ваших эскизов.

— Ты что наделал, ведь, ежели заказчица узнает, нам обоим полный трюндец будет.

— А может, и обойдется. Ведь есть же в нашем мире хоть какая-то справедливость.

— Будем надеяться, — сказал я и отёр пот со лба платочком. Хорошо, что я лишь только вспотел от такого. А ведь мог и описаться.

— Эх, ты, ветеринар хренов, — сказал я и, собрав побрякушки, отправился к заказчице. При слове ветеринар, ювелир мой отчего то смущенно зарделся. И хотел, видно было, что-то прояснить. Но мне было уже не до него. В тот миг я думал лишь о том, как мне выкрутиться, если благотельница все-таки прознает о подобной утечке. И она таки прознала.

Оказывается, у богатых всё как-то между своих увязано. Не прошло и трех дней, как она и говорит мне по телефону:

— Сергей Владимирович, а вы меня всё же обманули. И я разрываю с вами договор о сотрудничестве.

— Почему? — Чуть не плача от злости уточняю я.

— Так собака моей подруги пришла на днях с прогулки с точно таким же кулоном, что вы для меня по вашему эскизу сделали. Выходит, вы не сами, а слизали у кого-то этот образец!

Я не стал даже оправдываться и положил трубку. Так вот ты, оказываешься, что за фрукт, а еще назвался ювелиром с лицензией.

23.08.2016 года

А ты на что готов ради друга

Собрались мы недавно нашей честной кампанией, то есть те мужчины, которые равнодушны к драгоценностям, да и стали обсуждать насущные проблемы. В основном они сводились все к тому, кто из нас собирается удивить остальных своими украшениями. Когда очередь дошла до меня, то я почему-то вместо того, чтобы хвалиться своим новым перстнем с бразильским турмалином величиной аж в два сантиметра, что, без сомнения, большая редкость, вдруг, неожиданно для самого себя, завел речь о том, что, мол, геи почитают ювелирные украшения ещё почище, чем мы, обычные мужчины. Особенно минусы. И тут самый почтенный из нас по возрасту поэт Видов перебил меня таким замечанием:

— Ан не скажи, Сергуша! Я вот о чем недавно прослышал.

И он тут же, ясное дело без моего дозволения, на правах патриарха, поведал нам всем такую историю.

В одном из питерских элитных гей-клубов был некогда один известный модник, носивший аж по два перстня на каждом пальце как левой, так и правой руки.

— А я что говорю, — попытался было я укрепить свою идею подобным утверждением.

— Да погодь ты с выводами, — перебил меня Видов и продолжил историю дальше. — Так вот, был у этого модника в клубе разлюбезный дружок, тоже весь увешанный перстнями. Правда, из уважения к их дружбе, носил на один меньше, чем его приятель. Так вот, он-то и был пассивный.

— Подумаешь, — обиделся я. — Главное в том, что он тоже гей.

— А теперь, слушайте, ребята, главное. Однажды герой наш, тот, что с десятью перстнями, взял да и не с того ни с сего пропал без вести. Причем, что с ним и где он последний не сообщил даже своему закадычному другу. Месяца через два друг его настолько разволновался, что стал метать такую икру, что их сообщество не на шутку разволновалось. И одному из них, генералу правоохранительных органов, удалось всё же напасть на след нашего героя.

Оказывается, его похитили злые люди, прельстившись его перстнями, а после уже, за ненадобностью, продали в рабство кавказцам, чтобы он у них на родине пас высоко в горах баранов. Ведь, сами знаете, их молодежь не очень-то теперь падка до такой тяжёлой работы. Всё в большой город норовят, дабы там найти, как они считают, более достойную работу. А так как освобождение человека из рабства дело весьма дорогое, то на средства не скупилась. Короче, отрядили этого самого минуса с «девятью перстнями» с целым мешком денег, да ещё с двумя дюжими милиционерами в придачу, что бы те, если что, правильно ему подсобили.

Ну, те и подсобили. Когда нашли наконец-то нашего главного героя в одном из горных селений в яме на цепи за очередное непослушание. Взяли да и урыли прочь с этим самым мешком денег. Причем так, словно у них были не ноги, а крылья. И остался бедный «минус» гол, как сокол. Как тут выручишь друга из беды! А ведь надо. И пошёл он на поклон к местному мулле, чтобы тот надоумил его как быть. Тот и надоумил. Отнял у него все девять перстней. Три отдал за выкуп раба хозяину. Остальные же шесть забрал себе без зазрения. Но что стоят даже девять перстней, пусть и очень дорогих, по сравнению со свободой твоего лучшего друга. Ведь именно так и рассуждал благородный гей, отдавая перстни пройдохе-священнику. А ты, Сергуша, мог бы пожертвовать всеми своими цацками ради свободы друга?

— Мог бы, — сказал я, — только его у меня пока еще нет.

— Ну, тогда я стану им, или ты против?

И что я мог ответить на подобное предложение. Только согласиться. В тайне надеясь, что такое чмо, как Сашок Видов, никто не пожелает похищать.

Вот так-то, други мои, заводить разговор не по теме, для того, чтобы блеснуть знаниями.

23 августа 2016

Конфуций

Вчера погода выдалась особенно поганой. Дождь зарядил ещё с самого утра. А ведь сейчас самый что ни на есть разгар лета — середина июля. Ну и когда он кончился к обеду я, от нечего делать, двинул в китайский ресторанчик, что находится в соседнем доме. Там я заказал рисовой водки и порцию жареной говядины по-китайски. Когда мне всё это принесли я, отведав водочки для аппетита, тут же принял, сверкая перстнями, — а я люблю это дело — изучать, что же в действительности из себя представляет говядина по-китайски. Ибо заказывал подобное блюдо впервые.

Сами знаете, что у китайцев под видом одного кушанья принято подавать совсем иное, только с похожим вкусом. Но как ни пытался, так и не смог понять, что это: курица или свинина. Я уж было собирался спросить об этом официанта. Интересно было бы послушать, как он оправдается теперь. В прошлый раз он, шельма, сослался на то, что это просто у них укус для вымачивания мяса такой специфический. Как вдруг, повертев по сторонам шеей, заметил недалеко от себя за столиком трёх шикарных девиц: беленькую, рыженькую и черненькую. И так на них засмотрелся, что и думать забыл об официанте. А посмотреть было на что. На безымянном пальце у каждой было кольцо редкой красоты. И пока я как знаток, облизываясь, во все глаза рассматривал камни в них вставленные, одна из девиц — брюнетка, тихо так говорит подружкам, но я-то слышу:

— Смотри, как дедок справа пялится на наши перстни, а у самого аж на каждом пальце, стыд да и только. А еще мужик. А сам небось и не знает, что перстни наши называются камнями.

Тут я не выдерживаю — ещё бы обозвали дедком, а ведь мне только через два года на пенсию. И начисто забыв о говядине, подхожу к ним. И вежливо так, с небольшим оскалом заявляю:

— Дамы (хотя девицам на вид лишь немного за двадцать), извините меня за вторжение, но я вынужден вам все-таки объяснить, что не во все ваши кольца вставлены камни.

— Как это, — удивляются девицы, причём все сразу. Даже не подумав огрызнуться на мою бестактность. — Нас что, обманули???

— Не совсем, — отвечаю я.

— Тогда объяснитесь, — говорит брюнетка. Она у них, очевидно, за старшую.

— На вашем пальце действительно камень. У рыженькой же инталия, а у блондинки и вовсе гемма.

— То-то, я смотрю, они какие-то и впрямь разные, — вроде как искренне удивляется брюнетка. — На моём изображение вроде как плоское, на Манькином (рыженькая) похоже выпуклое, а у Аглашки — блондин-

ки — и вовсе вырезанное вовнутрь. И у кого из нас что, уважаемый, если это, конечно, не секрет.

— Лучше сами поройтесь в Интернете, — гордо заявляю я и с высоко поднятой головой направляюсь к выходу, начисто забыв заплатить за «говядину», так как был слишком впечатлен тем, что ловко утер нос наглým «сыроежкам». Но на пути к дому я все же вспомнил, что не заплатил. И, как всякий честный человек, непременно решил вернуться. Не брать же греха на душу, которого можно легко избежать. Оказывается, я всё-таки опоздал. За меня заплатили эти самые три девицы. Они всё никак не могли понять, как такой умненький старикашка мог не знать о том, что в этой жизни за всё надо платить монетой.

— Я чего-то не понял, — поинтересовался я у администратора ресторана, уже довольно сносно, балакающего на русском. — Они что, этим пытались унизить меня?!

— Не думаю, как я понял, плата была гонораром за вашу консультацию.

— Коли так, то это другое дело. Но они же снова обозвали меня стариком.

— Они, видимо, имели в виду, что вы мудры, как сам старец Конфуций.

На это я уже ничего не стал возражать. Ведь чем чёрт не шутит. Может, китаец и прав. Я просто взял да и пошёл, наконец, домой, чтобы уточнить в энциклопедии, кто такой Конфуций.

18 июля 2016 года

Моторкин

Велика тундра! Да и нет земли краше. Особенно хороши таймырские пейзажи. Пустынно и просторно на много верст вокруг. Ни тебе деревца тундрового, ни кустарника захудалого, один только олений ягель из-под земли торчит. Вообще-то полуостров Таймыр — в моей жизни место особенное. Ибо там я и услышал от одного старожилы историю о шамане Бяке Моторкине, которую я и собираюсь преподнести теперь на суд читателя. Возможно, кому-то она покажется примитивной и даже глупой. Что же, как говорится — каждому своё. Но лично для меня она является ярким примером того, как именно должен поступать человек в моменты экстремальных ситуаций.

Так вот, это случилось во времена, когда первые охотники за легкой поживой стали проникать и в такие далекие места русского севера, как

Таймыр. Жил, значит, в одном селении на самом берегу студеного океана один знаменитый тамошний колдун, по-ихнему — шаман. Звали его Бяка. И был он настолько силен в своём искусстве, что даже знаменитые долганские шаманы и те уважали и побаивались его. Принадлежал Бяка к народности ниа. Теперь их почему-то называют нгасанами, то есть настоящими людьми на языке энцев.

Случилось же вот что. Однажды, во время своего похода за лечебными травами, — дело было летом, ведь только тогда, примерно на месяц, тундра превращается в нечто похожее на захудалый лужок, — нашёл Бяка Моторкин случайно дикий камень, самоцвет красоты невиданной, цвета зелёного и прозрачности не хуже куска озёрного льда, причем величиной с кулак, не меньше. А так как он сразу понял, что камень этот необычный и посему может заключать в себе силу диковинную. Взял он этот камень с собой да и сделал впоследствии одной из своих ритуальных реликвий. Долго пользовался Моторкин этой вещью. Много доброго принесла она в их селение. Помогала даже от порчи, если подержать её в руках. Но как говорится, всему в мире есть предел, даже хорошему. Вот и тут случилось нечто подобное. Прослышали плохие люди о том, что у шамана Бяки есть штука заветная. Да и донесли о том до слуха любителей поживы за чужой счет. И задумали те заполучить камень данный любой ценой. Коли не удастся сторговаться, то тогда уж и вовсе сжить шамана со свету. Не владеть же ему чумазому одному вещицей, достойной быть проданной, может даже самой императрице Екатерине Великой. Заслали, значит, они под видом хворого, специалиста по камням к Бяке. Ну, тот и доложил по пришествии, что камень есть не что иное, как изумруд огромный. Причем отменного качества. Даже в таком первозданном виде и то потянет тысяч на десять рублей чистым золотом.

Прознали о том злодеи треклятые, так и накупились подлой сворою на селение Бяки Моторкина. Стали ножи да ружья кремнёвые предлагать в обмен на украденie камня заветного. Но охотники местные настолько боялись своего шамана, что никакими посулами не могли вдохновиться на похищение изумруда. Тогда злые люди сами пришли к Моторкину и предложили ему за камень дюже солидную по тем временам цену, примерно тысячу рублей золотом. Мотивируя свой поступок тем, что это золото позволит ему купить у них много ценных вещей, которые нужны его племени для того, чтобы жить стало легче, ведь у них нет ни ножей булатных, ни ружей кремнёвых. Одни лишь ножи костяные. Долго не поддавался на их уговоры шаман, понимая, что замыслили они нечто недоброе, хотя, вроде как, на вид и дело стоящее. Но потом всё же сдался, зная натуру пришедших жестокою. Ведь если откажется он от обмена, тогда уж точно возлютуют коварные. А это ему ни к чему. Не только силой камень

отнимут, так еще и всё селение на корню разоружат. И поэтому отдал им Бяка камень чудесный взамен на золото. Ну и поехали те обратно домой, довольные тем, что обдурили аборигена никчемного.

Камень же этот и есть тот самый «большой изумруд» из коллекции семьи Романовых. Так что порой лучше отдать великое за малое, чем не сделав этого, всё равно лишиться первого. И одержимые идеей тут ни при чем, ведь мы Люди, а не всего лишь ослы упрямые.

21 января 2017 года

Покрасовался

Хотя живу я на свете уже не мало, но до сих пор всё ещё поддаюсь никчемным соблазнам. Вот и недавно, ни с того ни с сего, вдруг втемяшилось в лоб мне пойти в мебельный салон да и присмотреть там себе диван, мой-то весь уже поизносился. Долго не думая, зашёл в тот, что поближе. Присмотрелся повнимательней, вроде есть что выбрать. Ну и выбрал — диван кустарного производства, тот, который мне больше всех понравился. Они пусть дороже фабричных да и грубее сделаны, зато в надежности превосходят первые. Заказал доставку на вечер того же дня. Затем расплатился да и пошел до дому.

Дома же, возрадовавшись от мысли о том, что наконец-то бока перестанут болеть, ведь в диване моём только что пружины не пролётанными остались, напаялил на себя все свои цацки: перстень позолоченный с синтетическим рубинчиком да печаточку из серебра грамм на пятьдесят, кстати, тоже золоченую. Да и стал отплясывать буги-вуги по всей квартире. Кончив плясать, выпил стакан коньяка, ну и уснул ненароком. Начисто позабыв снять с руки «безделушки». А зря!

Разбудил же меня настойчивый звонок во входную дверь. Кто бы это мог быть? Изумился я, но тут же вспомнил, что это, скорее всего, доставка дивана на дом. Так оно и оказалось. После того как купленный диван был поставлен на своё новое место, а старый с позором выставлен на лестничную площадку, старший из грузчиков дал мне на подпись документ, где была указана сумма доставки с учетом стоимости всех работ. Как я и думал, эта фирма не обманывала клиентов — взяли ровно столько, сколько и было оговорено.

Я даже прослезился, наблюдая подобную порядочность. Углядев слезу, блеснувшую в уголке моего глаза, добрый грузчик тут же истолковал это явление по-своему, предложив мне услуги по выносу старого дивана аж до самой помойки, чтобы память о нём не печалила боле так сильно

мою душу. Я было возразил на это, что, мол, кто-либо из соседей всё же заберет его на дачу. На что грузчик резонно ответил, с явным интересом поглядывая на мои перстень и печатку: «Впрочем, как знаете». Пришлось согласиться. Ибо какое нынче время! Дадут по башке и ищи с концами. Они же не знают, что вещицы-то мои всего лишь фальшивки. А так заплачу за унесение старого дивана и, стало быть, спасусь от расправы. Не поверите, даже больше дал, чем предложили, только бы поскорее избавиться от их присутствия. Короче, все остались на тот момент довольны. Как говорится, не только ваши, но и наши. Зато потом, успокоившись уже окончательно, я нещадно клял себя за то, что излишне потратился. Впрочем, сам виноват, на кой я не снял с себя цапки. Впредь надо быть скромнее в проявлении своих чувств, иначе может случиться кое-что и похуже!!

31 января 2017

Рюрик и Олег

Гостил я тут недавно на собственный день рождения у своей лучшей знакомой в городе трудовой доблести и славы Волхове. Ну и повезла она меня на личной автомашине в Старую Ладугу, чтобы показать где, мол, зародилась русская земля. Потоптались в начале у могилы вещего Олега для приличия, потому как от ярла Рюрика и вовсе ничего не осталось. Да и двинули к более интересным местам, то есть монастырям да музеям.

Крепость на меня не произвела должного впечатления — слишком уж она была невзрачной как внутри, так и снаружи. А экспонатов в ней было и вовсе — с гулькин нос. В собор, что во дворе, нас не пустили, сославшись на то, что сегодня нельзя — погода слишком сырая и фрески могут повредиться от принесенной туристами сырости. Пришлось ограничиться осмотром памятника Рюрика и Олега, что у краеведческого музея. Тут-то и приключилось главное. Стала меня моя дама фотографировать у этого памятника, чтобы запечатлеть одновременно уже не двух, а трёх великих лиц. Надо отдать ей должное, старалась она очень, целых десять кадров сделала.

Под конец этот процесс мне порядком надоел. И в промежутках между снимками я стал нагло осматриваться по сторонам в поисках чего-либо более интересного. И чисто случайно сильно ткнул спиной в памятник да так, что не только кости у самого затрещали, а еще, ко всему прочему, откуда-то сверху на мою голову упало что-то увесистое. Как оказалось, это был миниатюрный сундучок для драгоценностей с семью предмета-

ми внутри. Когда мы со знакомой внимательно рассмотрели его содержимое, стало явно не до съёмок. Более того, мы срочно влезли внутрь её «Матиза» да и двинули во всю его вялую прыть прочь от этого опасного места, чтобы на мою, теперь уже точно раненую голову, не свалилось ещё чего-нибудь тяжёленькое. Типа удара кирпичом и последующей конфискации заветного сундучка. Окончательно успокоились мы только у неё дома, да и то лишь запершись на все имеющиеся там засовы.

— Как делить будем, — спрашивает знакомица. — Тут три перстня мужских и четыре женских.

— Вообще-то, один из них, похоже, унисекс, — робко заявляю я, наивно полагая, что на правах нашедшего могу претендовать на бóльшую часть. Но не тут то было.

— Это какой же? — грозно спрашивает дамочка и смотрит на меня многообещающим взглядом.

— Который с самым большим камнем, к тому же он тебе будет великоват, я же вижу.

— А это мы сейчас проверим, — говорит «Любимая» и тут же хватает перстень наманикюренной ручкой. Слава Богу, на этот раз я оказался-таки прав. Перстень ей действительно был велик, даже на большой палец.

— Хорошо, забирай, — сказала Надюша, это будет тебе от меня подарок на твой следующий День рождения.

— И на том, спасибо, — сказал я. И как можно скорее, пока она не передумала, сунул подарок в самый дальний карман.

После того как я прибыл уже к себе домой в Сосновую Поляну, я тут же спрятал свои трофеи в шкатулочку белую. Теперь-то она была, наконец, полна до краёв, что обрадовало меня чрезвычайно. И я решил отметить данное событие коньячком. И так как русский человек не знает меры ни в радости, ни в горе, то набрался, стало быть, основательно. Когда я наконец очнулся уже глубокой ночью для того, чтобы сделать пи-пи, внимание привлек какой-то посторонний шорох из соседней комнаты, словно там был кто-то. А ведь я точно помню, что никого не приглашал погостить. Мгновенно начисто протрезвев от мысли о том, что меня могут запросто ограбить, а потом ищи правды! Ведь всё равно полицейские не поймают преступников. Я, ползком подкравшись к маленькой комнате, осторожно заглянул вовнутрь. Благо я заранее позаботился о том, чтобы дверь в неё всегда была открытой. И увидел чьи то ноги, обутые в тяжёлые сапоги со шпорами.

— Надо же, — подумал я, — да их ещё и двое. Черт с ними, с ценностями, пускай забирают. С двумя мне нипочем не справиться. Только, значит, я собрался ползти обратно в большую комнату, как один из бандюг вдруг неожиданно оборачивается. И обращаясь, прямо ко мне, как углядел-то

что хозяин всё-таки объявился, говорит с каким-то странным акцентом, сразу видно что не местный.

— Пронюхал, стало быть, сволота, что мы к нему явились забрать своё.

Ну и хам, оскорбляюсь я, он меня ещё и сволотой обозвал. А у самого рыльце-то поболее в дерьме будет. Я всего лишь нашёл, а он и вовсе нагло отнять хочет. Тут уж я решил — будь что будет и поднял шею, а заодно и глаза повыше. Мать моя, да это никак сам древний русич ко мне в гости зашёл. Тут и второй, как назло, оборачивается. Этот ещё больше на русича похож. На пол головы выше и в полтора раза шире.

— Вместо того, чтобы на нас пялиться, — объясняют мне «русичи», — взял бы лучше да и сам показал добровольно, где хранишь ворованное.

— Какое ещё ворованное, — уже немного осмелев, заявляю я. — Нет у меня такого добра.

— Ой, не гнечи Одина, — заявляет тот, что побольше, — иначе точно плохо будет. А не ты ли завладел драгоценностями, что принесли Рюрику и Олегу?

— Так вы что, ожившие памятники? — спрашиваю я русичей.

— Ага, — отвечает меньшей. — Я — Рюрик, а он — Олег.

— Отдай наше пододру-поздорову. Тебе же лучше от этого будет.

— Но у меня только половина, остальное же совсем в другом месте, — сказал я и тут же понял, что сморозил глупость. Вдруг они всё же не видели сколько было перстней в сундучке. Ведь не ожившие же памятники они в самом деле??!

— Нам известно всё, — говорит Рюрик, он у них, очевидно, за старшего. — Отдай свою часть. Остальное уже у нас вместе с сундучком.

— Хорошо, — говорю, — забирайте. Они вон в той шкатулке. Надеюсь, вы и сами знаете, как они выглядят.

— Значит, не хочешь помогать? Тогда мы заберем всё, — говорит всё тот же Рюрик и уже тянет жадную лапищу к шкатулке. «Ну уж нет», — думаю.

— Всё точно не отдам, — говорю я. И быстро, как могу, принимаю вертикальное положение.

— Вот так бы и давно, — говорят уже хором русичи.

После того как я отдал им перстни, они, предварительно заперев меня в туалете, чтобы не сообщил куда не следует, благополучно покинули мою квартиру. Очевидно через дверь, потому как я слышал звук открываемого кем то замка.

Выбраться из сортира мне удалось далеко не сразу. И даже не потому, что шпингалет был крепок, просто, сидя там, понял, что мне действительно есть о чем подумать. Когда же, наконец, я всё же решился позвонить

по телефону, то набрал отнюдь не номер полиции. Я позвонил своей даме в Волхов и спросил о том, всё ли у неё в порядке, целы ли её перстни?

— А почему ты об этом спрашиваешь? Что случилось-то?

— Да так, ничего особенного. Скажи Димке и Ильюше, чтобы впредь так не шутили.

— С кем?

— С дядей Сережей.

— Не поняла?

— А ты сама у них спроси.

Перстни-то мне вернули. Надя сама их и привезла. Божилась, что ничего не знала о намерениях племянника и зятя. А потом всё же призналась, что те, мол, хотели всего лишь проучить меня за непорядочность. Надо ведь было обязательно сообщить куда положено о находке. Ибо самому хватило бы и двадцати пяти процентов — вещи-то ценные.

— Ой, ой, — подумал я, уже обоим по тридцать, а какие еще все-таки дурачки. Мне, может быть, и хватило бы этих процентов, а вот Надежде Павловне — вряд ли. А я так не хотел огорчать её, ведь это моя любимая женщина.

03 сентября 2016 года

Я был знаком с самим Л. Черным

Взглянув на мою худосочную комплекцию и зачуханную физиономию, мало кто может представить себе, даже во сне, то, что я прослужил целых полгода бок о бок в одном подразделении с одним из братьев Черных, ныне известных израильских миллиардеров. А случилось это вот как. Имея от природы слабое здоровье, а заодно и очень плохое зрение, я, в принципе, не должен был служить в вооруженных силах. Но так как обычно в военкоматах всегда почему-то недобор призывников, видать, «блатников» много. И так было да и будет всегда, пока существует армия, рядовой контингент которой призван не на контрактной основе. А раз недобор, то и меня вызвали в призывную комиссию. И как я не показывал врачам с погонами то, что ну никак не годен не только к строевой, вообще, ни к какой службе. Вес 61 килограмм при росте 180 сантиметров. Зрение и вовсе ни к черту. Без очков правый глаз — 01, левый — 03. В очках левый вроде можно и поднять до 08, да и то благодаря большой дальнозоркости, она у меня и тогда была не меньше 5 на лучший глаз. Меня эти нелюди все-таки определили годным к обслуживанию вертолетов в Заполярье. Кстати, там меня и откормят на северном, особо калорийном пайке. Сачок, понимаешь ли, всего не хватило килограмм веса, чтобы его, «бугая»,

не взяли служить из-за дистрофии. Но тут вступился за меня мой папа, он был военнослужащим и сумел-таки договориться с военкомом. Нет, не о том, чтобы меня не взяли служить, об этом в те времена без взятки не могло идти и речи даже между близко знакомыми людьми. Денег же у папы на это в то время не было. Мы только на днях всё лишнее потратили на чехословацкий гарнитур.

Поэтому единственное, что он сумел «выбить» за ресторанной беседой у своего приятеля, это то, что меня, как человека «отменного» здоровья и почти 100 % зрения, направят на призывной пункт Красная горка. Откуда я буду отправлен в какое-либо из подразделений ВМФ нашей доблестной Родины. На первый взгляд может показаться, что служить на корабле, а уж тем паче на дизельной подлодке, не шибко лучше, чем обслуживать вертолеты в тундре. Но папа мой был тот еще хитрец (вечное ему от меня спасибо за его доброту). Он сумел при помощи подставного человека, попросил кого-то из сидевших рядом призывников, пройти за меня глазника, тот и согласился. Как он мог отказать старшему офицеру ВМФ. Ясное дело, в документах меня тут же наградили в очередной раз отменным зрением.

После этого папа уговорил своего почти подчиненного, ибо вечно долбал его проверками, начальника 132 ВППШ города Кронштадта взять меня к себе, иначе еще ту же будет с проверками. Там-то я и познакомился с господином Черным. Это был невысокий крепыш приклатненного вида с вечно сонным и в то же время всецело бдительным выражением лица. Вскоре я понял, что данный вид это всего лишь обманка. Парень оказался на редкость шустрым. На камбузе ел быстрее всех в нашем взводе. Да и обучался воинскому искусству тоже шустрее многих. Но была у него одна странная особенность, по-моему, и вовсе не подходящая для военного человека. Он любил подкалывать, причем зло, тех, кто был непутевым. Поэтому больше всего страдал от его поползновенний именно я, так как был в то время «галошей» да еще и плохо видящей даже в очках.

И однажды я не выдержал и вызвал его на поединок. К тому времени я прибавил в весе килограммов 10 и поднимал одной рукой штангу в 45 килограмм. И так как я старался тренироваться тайно, иногда даже ночью, после туалета, бегал в спортивный зал и там неистово, пока было сил, жал гири. Черный вряд ли мог даже предполагать, какого он в данный момент имеет в моем лице серьезного оппонента. Договорились на 2 часа ночи. Я должен был разбудить его, так как в этот день стоял дневальным, и мой наряд заканчивался в 6 часов утра. Затем уже в одном из коридоров, подальше от спальных мест, начать драчку, ясное дело, до тех пор, пока один из нас не сдастся.

Но все, к моему великому изумлению, произошло совсем не так, как я ожидал.

Разбудить-то я его разбудил, но он, «козлина», пока дрых, начисто забыл для чего ему это было нужно. А может, всего лишь сделал такой вид. Кто его знает? Ведь не зря же говорят, что чужая душа — потемки. Увидев его заспанное и в то же время какое-то и впрямь озадаченное лицо, я решил подыграть ему. Мне ведь тоже были не нужны лишние неприятности. Характер-то свой я уже проявил хотя бы тем, что не побоялся не только вызвать его на бой, но и сам еще напомнил об этом, разбудив в условленный час.

— Ах, да, — воскликнул Ленька Черный, еще раз пристально посмотрев мне в глаза, но уже менее озадаченным взглядом. — Ты, Серега Редькин, настоящий пацан! Не забыл-таки, что я просил тебя разбудить меня именно в два. Мне ведь надо успеть постирать и высушить форму — завтра мама с братом ко мне приезжают.

Услышав о том, что ему предстоит завтра, я и вовсе подобрел. Ведь я-то ходил в увольнение каждую субботу, ибо жил в двух километрах от школы на улице Инге.

На этом наши конфликты с Ленькой закончились. Он вроде как-то сразу зауважал меня — видать, за мою честность. А когда я положил на лопатки ради хохмы — никто в это не хотел даже верить — кандидата в мастера по вольной борьбе прапорщика Кривошея (он был 90 кг, а я лишь 70), будущий олигарх и вовсе обещал помнить об этом всю оставшуюся жизнь. Может, и сегодня он еще не позабыл об этом событии. Надо бы напомнить ему о нашей былой дружбе.

Времена сейчас трудные, еле свожу концы с концами. Может и подкинет пару «лимончиков», да хоть бы и рублей. И то — неплохо. До пенсии точно хватит. Мне ведь уже 59 стукнуло!!! Да только не привык я просить, а почему — и сам не знаю. Видать, боялся, что могут отказать. А всё же встретить его хотелось. Интересно было бы узнать на чем он сколотил свой стартовый капитал? Небось, «общак» чей-то с братом зажулили?! Впрочем, это я так шучу из зависти. Сам-то ничего путного в жизни так и не достиг.

31.08.2017 года

Нахум и Наум
(Цикл рассказов)

Прогулка

История эта случилась не в заправдашной жизни, а понарошку, то есть в сказке. Пошли как-то двое маленьких волчат погулять. Это были два брата. Одного звали Наум, а другого — Нахум. Они были так похожи друг на друга, что папа с мамой их постоянно путали. Поэтому папа с мамой решили одного из них пометить меткой, чтобы была возможность не путать братьев. Для этого папа-волк, а волк животное жестокое, хотя и справедливое, прокусил одному из братьев ушко. И в эту маленькую дырочку вставил серьгу. Пострадавшим был волчонок по имени Нахум. Но он не очень расстраивался содеянному с ним родителем, потому, что теперь, как ему казалось, он выглядел значительно эффектнее своего брата.

Так вот, вышли, значит, наши братья-друзья из своей избушки и пошли в сторону чащи в самую глубь леса. Волки, как и все дикие животные, любят жить отдельно от других животных, в особенности людей. Идут братья по лесу, пробираются между кустов и деревьев, когда наступают на бурелом и ветки, то шум в округе стоит просто невероятный. Уже издалека их не только видят, но и слышат. Они еще глупенькие, маленькие, самостоятельно добывать еду не приучены. Папа с мамой пока кормят их.

Дошли они, значит, до болотца, которое было аккурат в самой глухомани их леса. Дошли, сели, выставили вперед передние лапки, а задними почесываются, а заодно и думают — чем бы им заняться. В такой глуши родительское око и зубы не достанут, а набедокурить-то хочется, ведь они еще детишки несмышленые, хотя и зверята.

— Ну и ну! — говорит Нахум, так как он считает, что если у него в ухе серьга, то он должен быть старшим в их паре, — послушай, Наум, чего это в болотце-то делается: пузырьки какие-то постоянно и какая-то живность длинноногая с кувшинки на кувшинку прыгает.

— Эх ты, — говорит ему Наум, — я хоть и без серьги в ухе, не так помеченный родительской заботой, но и я знаю, что эти прыгалки называются лягушки.

— Лягушки, — повторил Нахум, — а я слышал, что есть не только лягушки, но ещё и жабы.

— Про жаб ничего не слышал, — отвечает брату Наум, — про лягушек слышал, думаю, это они.

А Нахуму стыдно признаться, что он не такой образованный, как брат (серьга в ухе обязывает ко многому). Он и говорит:

— А давай спросим у них, кто они есть на самом деле: жабы или лягушки?

Ну, и кричит прыгающим созданиям:

— Ребята, прыгайте к нам.

Одна из этих длинноножек, наверное, самая смелая, возьми да и соскочи на берег. А в следующий прыжок очутилась перед самым носом маленьких шалунов. Посмотрел на неё Нахум: «Че за такая мелочь?» Подумал, ну возьми да и спроси:

— Ты есть кто за тварь?

А живность глазами своими крутит, ротик разевает, зачем-то надувается и всё: «Ква-ква».

— Чего это она? Разговаривает так что ли с нами? — Спрашивает Нахум у Наума.

— Не знаю, — говорит Наум. — А давай-ка я её сейчас лапкой пошевелю, чтобы знала своё место. Если так каждая мелочь будет вести себя с нами, будущими волками, что же тогда в лесу делаться то будет? Порядка точно не будет. Тогда дедушка медведь нам точно выговор на лесном собрании сделает. И папе нашему заодно выплёт, а разве это дело?

Ну и тронул созданище лапой. Та вроде сначала опешила, а потом глазки свои как выпучила да и как прыгнет с криком «Ква» прямо на нос Науму. От неожиданности тот даже на спину упал. А Нахум, тот и вовсе как увидел, что случилось с его братом, тут же дунул, что было сил, до дому, так что уши по ветру развевались. Наум же, хоть и упал на спину, быстро пришел в чувство. Открыл, значит, глазки, увидел, что лягушка перед самым его носом всё также квакает и ещё больше глазки выпучивает.

«Ну, — думает, — пропал. Если прыгнет, то со страху если не помру, то описаюсь. Что же делать?» Закрыл, значит, глаза Наум и резко перекатился в бок, после этого вскочил на лапы и тут же опрометью кинулся вслед за братом. А что делать, если зверь такой несговорчивый, да еще дерется первый.

Долго бежали они, потому что со страху-то побежали куда глаза глядят. Ну и занесло немного их в сторону от дома. Но волчий нюх это даже не собачий. Нашли они всё-таки дорогу домой под самый вечер. Как заявились они, папа всыпал им ремешком по первое число. И правильно сделал — опоздали ведь намного. Мама всегда добрее, чем папа. Поэтому мама, успокоив своих непутевых детишек, стала спрашивать у них, что же способствовало тому, чтобы настолько задержаться?

— Видите, как папа расстроился.

— Мы не виноваты, — хором закричали волчата, — это нас пучеглазый «Ква-ква» так напугал, что мы со страху даже заблудились.

— А как он выглядел, этот «Ква-ква»?

— Да зелененький такой, маленький, пучеглазенький, — ответил Нахум. Потому что, несмотря на своё позорное бегство, он всё равно чувствовал себя старшим. Ведь именно поэтому ему вставили в ухо серьгу. — Наум, мама, так испугался, что даже на спину повалился.

— Да, — перебил брата Наум, — если бы на тебя она прыгнула, ты вообще бы даже описался, а я — нет.

— Ладно, дети, — сказала мама, — я знаю, кто это был. Это была всего лишь лягушка.

— Как лягушка, — удивились братья, — неужели это и есть лягушка?

— Конечно, только лягушки «квакают».

— А кто такие Жабы? — спросил Наум (он больше пострадал от нападавшего на них чудовища).

— Жабы, — сказала мама, — это те же лягушки, только очень большие. Они не «квакают», а «гукают». Если бы на вас напала жаба, вы, беденькие, могли бы совсем сильно испугаться. И тогда вы не только к вечеру не пришли бы домой, а, может быть, даже плутали бы несколько дней.

— Все, — сказали братья, — не пойдем больше к этому пруду, не нужны нам жабы и лягушки, мы лучше с кузнечиками попрыгаем.

— Правильно, — ответила мама, — вы еще малы для таких серьезных впечатлений, поиграйте с кузнечиками да бабочками. А как подрастете, я сама свожу вас на этот пруд и мы покажем лягушкам, а, может быть, и самим жабам, кто в нашем лесу хозяин.

9 ноября 2019

Хитрецы

Послал как-то папа-волк Нахума и Наума в Сельпо за продуктами. Видимо, решил побыстрее их во взрослую жизнь выпустить. Ведь скоро им в начальную школу идти, а всё как щенята малые. По хозяйству ну ни хрена не помогают! А могли бы. В цыганских семьях детишки уже с измательства на родных вкалывают. Эти же оболтусы, словно баре, знай на них только и работай!

Послал, значит, папа их. А они, зверята жадные да ушлые, только о выгоде своей и пекутся. Но понимают, что с папой шутки плохи. Коли что не так сделают, точно накастыляет. Да ещё и мама в угол поставит за непутёвость. Она вечно за папу. Говорит, что, мол, так и надо. Иначе что это за семья, где отец последнего слова за собой не имеет! Идут они по дороге к Сельпо, а заодно вслух и размышляют.

— Эх, — говорит Нахум, — сколько денег нам папа отвалил. И всё придётся на продукты потратить!

— Да, уж, — соглашается Наум. — И всё на какие-то там капусту, морковь, свёклу и подобную гадость. А ведь мог бы и на мороженое добавить. Но ведь пожалел!

— Мороженое — это сила! — говорит Наум. И непроизвольно начинает облизываться, словно его уже сглотнул малость.

— Знаешь что, — заявляет Нахум. — Я, кажись, кое-что придумал.

— И чего в этот раз?

— Давай немного денег прижужим. Купим на них мороженого.

— Хорошо бы! Только как? Папашка небось всё до копейки просчитал. Во какой список вручил! — Достает из кармана курточки большой кусок туалетной бумаги, на котором сплошь столбцы каких-то записей.

— Не говори, брат. Зря что ли он нам по рюкзаку солдатскому дал! Похоже, насили лишь допрем. Но видишь ли, ведь кое-чего из этого мы можем и не покупать.

— Не понял?

— Свеклы и морковки мы можем попросить у дяди Вовы-кролика.

— Может, проще стащить?

— Скажешь тоже. Конечно, попросить. Если пожалеет, тогда я его сыну Димке точно накостыляю!

— Да и я тоже! Думаешь, даст?

— А то нет. Он мужик умный, ведь не зря же очки носит. Да и на агронома, кажись, учился. А они, эти самые агрономы, любят, когда их труд уважают.

— Точно, да ещё и продукцию ихнюю хвалят.

— Ага, вот и ты, наконец, додул!

— Неужто сомневался, я же твой единокровный брат!

— Стоп, кажись пришли. Точно, Вована это пенаты. Вон и сам его Димка из-за куста смородины выглядывает. Шпион обалдуевский. Считает, тупендай, что мы его ещё не заметили. Объясни-ка ему, Наум.

Наум, сложив передние лапы трубочкой, орёт что было сил:

— Димка, козёл длинноухий, выходи из-за куста, дело есть.

Кролик Димка, осознав что его инкогнито все же раскрыто:

— Привет, братаны, с чем пожаловали?

— Отец твой дома?

— Нет. Ещё с утра поехал в райцентр за какой-то рассадой.

— Тогда ты дашь!

— Не-не, я без папы в доме не хозяин!

— Наум, чего ты с ним церемонишься. Коли откажет, сразу вломим. А затем на него же бате его и пожалуемся!

Кролик, как бы сразу подобрев:

— Ребята, я же всего лишь пошутил. Чего хотели-то?

Наум, глянув в список:

— Нам надо два кочана капусты, кило моркови и кило свеклы. Но денег у нас нет. Потеряли по дороге.

— Врёте!

Волчата оба хором:

— Нет, сейчас точно получишь!

— Всё, уже молчу!

После того как дело было уже обтяпано.

Братья, не только не пожав кролику на прощанье лапу, но даже не сказав тому спасибо, смело двинулись дальше по дороге в глубь леса, где за пасекой Михайлы Потапыча, на полянке и находилось Сельпо. Прошли примерно шагов с триста, как вдруг в голове Нахума вновь заройлось нечто гениальное! Да и как этому было не случиться, если зоркое око его узрело пасеку.

— Наум, братик, а не отведать ли нам медку?

— Медку? А зачем? Папа его в списке, кажись, не указал.

— Ну ты и балбес! Это будет ему от нас презент. Да и сами нажрёмся. Потапыч, он добрый.

— Это можно. Потопали что ли??

И вот они уже стучатся что есть силы «руками и ногами» в дверь ко-солапого. Насилу достучались. Михайло Потапыч ведь задремать уже успел после сытного обеда. Однако обошлось, старик, похоже, не обиделся на подобную бесцеремонность. Он понимал детишек, потому как до пенсии в лесной школе природоведение в начальных классах преподавал.

— Чего ломитесь, родимые? Уж не обидел ли кто вас?? Потому и зашиты моей ищите?

— Нет, дедушка Михайло Потапыч, — говорит Нахум, он ведь за главного. — Никто нас не обижал! Просто мы решили в гости к тебе зайти.

— Для чего?

— Мы слышали, что у тебя самый вкусный мёд во всем лесу.

— Это точно! Хотите попробовать?

— Так у нас денег нету!

— Да чтобы я с ребятишек, да ещё из нашего леса, за мёд деньги взял. За кого вы меня принимаете. Досыта накормлю, да ещё и в дорогу дам!

Как сказал дедушка медведь, так и сделал.

Наконец, волчата все-таки добрались и до Сельпо. Купили на вверенные им деньги остальные продукты из папиного списка и поняли, что, если бы они не попросили у кролика капусты, свёклы да моркови, то ничего бы у них от отцовых денег не осталось. А так, благодаря их предусмотрительности, не только по эскимо, но ещё и по плитке шоко-

лада на мордочку перепало. Мороженое они сразу слопали, побоялись, что может за дорогу растаять. Плитки же про запас оставили. Посчитав, что они меньше таянью подвержены. Сварганили дельце да и пошли домой.

Приходят гордые тем, что так ловко справились с возложенной на них задачей. Папа-волк был доволен. Наконец-то и его мальчики хоть что-то путное сделали. На радостях за ужином аж по целой сосиске разрешил скушать. Обещал еще и перед мамой похвалить, когда та из командировки вернётся. Но не похвалил. Потому что на другой день, когда Нахум с Наумом пошли прогуляться перед обедом для усиления аппетита, к ним домой зашёл кролик-агроном и скромно поинтересовался о том, понравилась ли волчатам капуста, свёкла и морковь с его огорода? И хотя Нахум с Наумом были дюже ушлыми зверятами, но и им пришлось целый час простоять на горохе прежде чем их накормили обедом!

25.04.2020

Бражка

После того как Нахум с Наумом доели мёд и догрызли последний кусок шоколада, с папой-то они не поделились, посчитали себя обиженными за стояние на горохе, захотелось им ещё чего-нибудь вкусенького. Но не так, чтобы на это выклянчивать у родителей, а снова самим заработать, путём своей изворотливости да хитрости.

И случай им для этого вскоре представился. Папа их обнаружил в Зверинном интернете рецепт старинной бражки из черники. Её, как было писано, пивал еще сам Владимир Красное Солнышко! И потому как папа волк круто уважал историю своей Отчизны, то тут же шибко загорелся идеей и самому попробовать этого зелья. Чтобы хоть в этом уподобиться одному из основателей Святой Руси.

Недолго думая, родитель взвалил задачу по добыче сырья на своих отпрысков. Почему бы и нет. Пускай ещё чуток понюхают настоящей жизни, пока мамы нет дома! Ведь вернётся из командировки, снова их опекать начнёт. Дал, значит, им денег на ягоды, ну и послал побираться дальше. Серый-то понимал, умудрённый уже и собственным опытом, что эти пострелята обязательно попытаются хоть что-то да прижудить из выданных им денег. Взяв деньги и ягодные корзинки, Нахум с Наумом тут же поспешили на рынок, ибо понимали, что выпросить черники у садоводов не удастся. Они, видишь ли, её не сажают. Вместо неё, понимаешь ли, у них для браги черноплодная рябина!

Пришли братаны на рынок: ходят, смотрят, прицениваются и выходят, что не только им не удастся сэкономить баблосов, им вообще их не хватит на то, чтобы заполнить продуктом оба лукошка! Ай да папка, славно он их развёл в этот раз! И что же им теперь делать?? Коли принесут одну лишь корзинку, наполненную пусть и отборными ягодами, точно взгреет! Ведь не поверит, что черника стоит так дорого. А чтобы самому пойти да проверить, это он нипочём. Не зря же мама его во время ссоры постоянно обзывает лентюхом!

Погрустили они малость. Нахум, как более чувствительный, даже слезу пустил. Да и купили себе по эскимо, чтобы хоть как-то скрасить своё горе. А на оставшееся накупили черники погаже. В аккурат хватило на корзинку с четвертью. Пожалели было они потом, что потратились на две порции, но вскоре все же поняли, что всё равно бы на две корзинки денег не хватило. И сразу вроде как успокоились. Недостаток же ягод решили доложить чем-то похожим на чернику. Но, чтобы не покупать, потому как уже не на что, а выпросить, или, в крайнем случае, украсть.

На обратном пути стали, значит, они искать по знакомым садоводам. Вроде и нет ничего похожего. Если только чёрная сморода, но она совсем не такая на вкус. Да и растёт гроздьями. Можно, конечно, на дно положить, а сверху настоящей черникой прикрыть. Но ведь гроздь целиком не положишь. Надо одни ягоды, а это столько работы! Не, такое не годится. И тут Наум неожиданно вспомнил, что кто-то из соседей балакал о том, что черноплодка сладкая на вкус да и ценится меньше, чем сморода. Так что за кражу её, коли что, не так сильно достанется. К тому же и собирать её проще.

Воспользовавшись тем, что Михайло Потапыч до пасеки пошёл, они втихаря нажрались этой черноплодки по уши. Не то чтобы она им очень понравилась, а так, чтобы было что вспомнить. Не забыли они и для папы сколько надо в корзинки положить. Ясное дело не сверху, а на самое дно, как и договаривались. Пришли они домой сытые да довольные. Ну и подают папе каждый по корзинке. Тот явно доволен. Он ведь не ожидал, что за такие деньги они так много принесут. От радости он даже не стал перебирать ягоды, а сразу же пустил их в дело. Когда бражка была окончательно готова, а это случилось в тот самый день, когда мама волчица наконец-то вернулась из командировки, папа-волк за ужином решил отметить оба этих торжественных события. Ну и налил всем по чуть-чуть.

— И что же это? — с хитрым прищуром спросил папа.

Волчата сказали, что это, какой-то странный сок. При строгой маме они явно побаивались называть некоторые вещи своими именами.

— Ну вы даёте! — рассмеялся папа. — Это же та самая бражка, чернику для которой вы мне добыли.

— Старый, ты что, совсем что ли дурак? Разве можно детям такое?!

— Так я же самую малость. Да оно и не крепкое.

— Кстати, там не только черника, но еще и черноплодная рябина. А она, резко снижает давление! Ты забыл что ли, что сам гипотоник?

— Черноплодка, да еще и снижает давление? Ну спасибо «мальчики», удружили! Уж поверьте, папа вам этого долго не забудет.

— Не смей их обижать! Сам виноват. Зачем плохому детей учишь?

— Да, папа, — сказал Нахум, — мы же хорошие!

— Вот мы и сделали так, чтобы и ты это наконец понял! — Добавил в тон брату Наум.

Что оставалось папе-волку? Лишь рассмеяться да сделать вид, что он пошутил.

20.05.2021

Порадовали!

Решили как-то Нахум с Наумом основательно порадовать своего папашку. Как никак на носу у того юбилей! Ну и устроились подрабатывать помощниками на пасеку к Михаилу Потаповичу, чтобы денег накопить да и опыта понабраться. Опыт ведь в жизни всегда пригодится, особенно в трудную минуту. Работают они день, два и хорошо, видать, дело делают, раз Потапыч им уже денег стал подбрасывать. Проработали так они, значит, с неделю. Уже и уходить собрались. Денег-то они на подарок к этому времени уже поднакопили. Скажете — маловато будет на юбилей-то! Ан, не скажите. Не покупать же всякому зверюге что-либо стоящее, пусть и на юбилей. Он же тогда от радости в конец ошалее! И в будущем начнёт уже только что ему хочется на дни рождения получать. А оно разве надо его близким. Ведь он-то их подарками не балует.

Вот потому Нахум с Наумом и подарили папе лишь серебряную трубку с янтарным мундштуком. Выменяли на три горшка с мёдом у козлика Серёжи, известного местного сладёны. Ему она от деда досталась, тот, говорят, жуть курящий был. Даже ночью её и то под подушкой держал. Только собрались братья брать расчёт, как Потапыч возьми да скажи им, что папа волк ему сегодня на них жаловался:

— Совсем, говорит, Нахум с Наумом оборзели! С утра до вечера где-то шастают, а как домой приходят, то сразу, даже не жравши, ложатся спать. И уже через минуту храпят как сурки! А утром, чуть свет, их уже

и нет. С неделю уже сами себе завтрак готовят! Не пойму, что с ними происходит. Жаль, мамка их снова в командировке. Не то точно всыпала бы им за такое. У меня, вы сами знаете, на подобное дело лапы просто не поднимутся. Очень уж они нам тяжельно достались. Супруге-то из-за них даже кесарево делали!

Но я, ребята, ему не выдал вашей тайны! Как он у меня того не допытывался. Видать, подозревает, что я всё же кое-что о вас знаю. Так что вы в самом деле молодцы, что решили ему такой достойный порядок сделать.

— А вы, Михал Потапыч, откуда уже знаете о подарке? Мы же вам ничего ещё не говорили.

— Так Серёжка, сластёна, с утречка прибежал. Просил ему ещё пару горшочков мёда продать. Говорит — очень уж у вас, Потапыч, мёд вкусный. Откуда, спрашиваю, знаешь, что в этом году мёд у меня особенно удался. Так, говорит, Нахум с Наумом мне вчера три горшочка по кило триста на трубочку моего дедка сменяли.

— Вот козёл! — говорит Нахум.

— Да врёт он всё! В горшках было ровно по кило, — это уже Наум.

— Да полно вам оправдываться, ребята. Я ведь вовсе не сержусь. Я этого козлика тоже не жалею. Вот и взял с него цену даже не двойную, а тройную!

— И он дал?? — Оба одновременно.

— Даже не поморщился! Ведь его родители в нашей местности главные торговцы молочными продуктами. Более того, хочу предложить вам ещё на меня поработать. Поверьте, не пожалеете!

Нахум, он ведь у них за старшего:

— И что это за работа?

Потапыч:

— Я собираюсь новую баню строить. Для этого мне нужны помощники.

— Мы согласны, — говорят волчата. — А какова оплата?

— Денег я вам не дам! — заявляет им медведь. — Зато научу бесплатно как построить, в случае чего, и самим баньку. Кроме того, все брёвна после разборки прежней бани достанутся вам, на ваше полное усмотрение. Ну так как?

Немного подумав, а заодно и обиженно посопев, волчата соглашались.

— Добре, — говорит Потапыч, после чего все трое дружно принимаются за новую работу.

В таком духе и провели они очередные две недели. Пока старую баньку разбирали да потом новую до ума доводили, столько время и прошло.

Папе же, чтобы поменьше злился на них да маме чего не надо не наябничал, сказали, что всё ещё учатся плотницкому делу, только теперь платят уже материалами, а не прокормом. Подумав, папа-волк дал добро. Ведь они обещали, что заработают, снести на их двор. Ну и нанесли они туда такую кучу, которой точно бы хватило на постройку чего-нибудь стоящего. К примеру, амбара или даже хлева.

К этому времени и мама вернулась из командировки. И папа ей ничего про них не только плохого не сказал, напротив, он даже похвалил их за усердие. Критически осмотрев принесённую мальчиками кучу, как ей казалось всего лишь древесного хлама, мама всё же сочла нужным согласиться, что подобного количества дров им определённо хватит на всю зиму. Ну и после уехала вместе с папой в город покупать тому подарок на юбилей. Ну и так они старались, что вернулись обратно только через пять дней!

Этого Нахуму и Науму, правда, при содействии Потапыча, хватило на то, чтобы из этого, как говорила мама хлама, сварганить хорошенькую по виду да ещё и вместительную внутри баньку. Старый медведь не смог отказать ребятам в подобной бездельице. Ибо понимал, что волчата сами могут и не справиться потому, что опыта в строительстве у них пока маловато. И когда папа с мамой въехали во двор на мотоцикле с коляской — это, как оказалось, и был подарок к юбилею, — взорам их представилось неожиданное зрелище, а именно та самая баня, которую построили Потапыч и волчата.

— Сколько же может стоять такая красота? — спросила удивлённая мама папу-волка.

— Дорогая, право, не знаю, — ответил тот, явно смутившись.

— Не волнуйся, мама, — сказали Нахум с Наумом, — вам с папой придётся заплатить лишь за работу, да и то только Михаилу Потаповичу, а он обещал много не драть!

Папа с мамой: — Упс!

— А это, папа тебе уже он нас лично, — сказав это, волчата передали папе-волку трубку.

Еще один: — Упс!

Ведь мама возила папу в город не только ради покупки тому мотоцикла, а скорее для того, чтобы зашить его у экстрасенса от табачной зависимости. Оказывается, папа-волк давно уже хотел избавиться от этой пагубной привычки, но без специалиста, ему явно было не справиться.

27.07.2020

Пивка не желаете? Или мудрый благодетель

Оказались однажды Нахум с Наумом на сельской ярмарке. Как попали туда — сами не поняли. Мама, вроде как, в Сельпо послала за продуктами. А они возьми и очутись совсем в другом месте. Видать, перепутали. Читать-то они тогда ещё не умели. Ну и ходят там, где не походя. Продукты, что поручила купить мама, выбирают. Но странное дело — того, что им перво-наперво заказали, найти не могут. Так, понахватали из списка лишь всё по мелочи!

— Что же это делается? — рассуждают они. Много вроде чего разного тут есть, а домой всё равно не принести главного. Нет здесь ни чулок итальянских, ни духов французских. Даже такого пойла, как виски, и то не имеется. Грустные проходят они мимо одного из ларьков, не обращая внимания на то, чем в нём торгуют, а оттуда неожиданно выпростается огромная волосатая лапа и упирается Нахуму кружкой прямо в нос да и говорит как бы не сама, а откуда-то из глубины помещения пропитым басом:

— Мальчики, пивка отведать не желаете?

— Боимся, — говорят волчата. — Мы ещё не знаем, что это такое.

— Да ну вас, дурачье, — говорит хозяин «руки». Это был огромный толстый барсук. — Я лучше сам тогда выпью!

Но не тут-то было. Нахум с Наумом уже и тогда отличались в поступках решительностью. Посему, услышав об отказе, тут же вцепились в кружку передней лапой. Нахум правой, а Наум левой. Ну и повисли на ней, как сосульки на козырьке крыши. Которые отлепить, лишь сломав можно. А затем стали и тянуть её к себе, что было сил.

— Ладно, сдаюсь! — сказал барсук и, улыбнувшись, отпустил кружку.

Ребята тогда и попробовали, да так, что мало не показалось. Короче, пришлось их барсучине в детскую комнату сдать, чтобы там их хоть в какое-то чувство привели к приходу родителей. Старый выпивоха и представить себе не мог, что ныне волчья детвора стала такой хлипкой. Его внучок, к примеру, а он приблизительно с них ростом, один такую кружку выпивает и ничего, после этого ещё и в карты садится с дедом поиграть. И выигрывает же, шельмец! Видать, они и правда делали это в первый раз. Зря не поверил. Впрочем, не велика беда. Оклемаются обязательно. В нашем детском уголке специалисты хорошие.

Детские специалисты и в самом деле оказались хорошими, только по-своему. В чувство их часа два приводили! И привели-таки. Да и обобрали лишь малость. Купленной вещи ни одной не тронули. Лишь деньжатами

малость побаловались. Впрочем, и то п-честному. Ровно пополам. Ни копейкой больше не взяли. Молодцы, да и только! Однако же ребятишек, как те оклемались, все же выпроводили сразу. Чтобы чего не надо вовремя не заметили. Ведь могли бы и хай поднять, кто их знает, чьи они дети, может, у них воспитание начисто отсутствует. А так пойди потом докажи, что брали. Они могли и сами деньги обронить случайно. А то и вовсе потратить, потому как выпивши были.

Окончательно оклемавшись где-то примерно уже на полдороге к дому, волчата принялись изучать свои котомки и карманы. Ибо почти ничего не помнили из того, что с ними приключилось. Вот что значит не по Сеньке шапка! Да ещё и в ранней юности.

— Послушай, братец, — говорит Нахум, — как ты думаешь, мы всё купили из того, что нам мама поручила? Денег-то у меня в карманах уже почти и не осталось.

— Да и у меня, похоже, тоже. Что-то голова сильно разболелась. Похоже, мы чем-то отравились.

— И не говори, братик, — отвечает ему Нахум.

— Нахумчик, а ведь, кажись, я вспомнил кое-что.

— И чего?

— Мама говорила о каких-то духах французских.

— Точно. И чулках!

— А папашка, тот просил купить какое-то виски.

— Уж не та ли это дрянь, чем нас медбратья в детской комнате потчевали?

— Да уж, гадость! Не хотелось бы, чтобы наш папа её бутылками пил.

— И что теперь делать будем? Главного не достали, а денег уже почти тью-тью.

— Придётся идти к Потапычу на поклон. Он нас как внучат своих любит.

— Точно, даже одной палкой за краденные яблочки потчует.

Сказано, значит, сразу сделано! Только так зверям в лесу жить и надо. Если будешь откладывать в ящик, то задумка может потом и не пригодиться. Михайло Потапович в тот час пирожки с грибами медовой запивал. Потому находился в добром расположении духа. Пришли, значит, они к медведю да и давай плакаться тому. Так, мол, и так, выручай, старче, не то дюже им плохо придётся. Мама — это вам не папа! Враз за недостачу на ночь на горох поставит. Хотя и папа у них тоже строгий.

И так как Потапыч довольно близко знал их родителей, то поверил им безоговорочно. И, конечно, сразу же попытался им чем мог помочь.

Ибо, в сущности, был он добрый старикан. А злым только для вида иногда прикидывался в воспитательных целях.

— Чулки я вам найду. Я недавно для невестки прикупил несколько пар. Хотел порадовать. Она у меня — большая труженица. Так что с вами поделюсь. Духи французские у жены одолжу, она всё равно ими не пользуется. Потом чем-нибудь иным с ней рассчитаюсь. А вот с виски дело плохо. Лишь бутылка пустая осталась.

— Что же делать? — спрашивают волчата. — Нельзя нам без виски. Очень уж жалко папу. Маме всё, а ему ничего!

И так они от этого расстроились, что даже заплакали. Задумался тут Потапыч не на шутку. Надо бы детям помочь, ишь как папку своего чтят!

Ну и решил в конце концов рискнуть. Как он понял, папа-волк этой дряни никогда ещё не пробовал, так что обмануть его просто будет. Главное, чтобы бутылка была настоящей. Ну и налил в эту самую бутылку обычной ячменной водки, только для колера добавил малость жжёного сахара. Налил, закупорил как следует да и передал волчатам.

Финал же истории таков: папа с мамой остались довольны! Нахум же с Наумом долго ещё после этого трудились на пасеке Михаила Потаповича, причём безвозмездно! Этим они как бы благодарили его за широту души.

29.07.2020

Надя

Когда Нахуму с Наумом исполнилось по пять лет, папа с мамой наконец-то разрешили волчатам совершать прогулки в лес подальше. Вплоть аж до дороги в соседнюю слободу. Ну и пошли они на радостях по этой самой дороге. И куда бы вы думали? Правильно, прямёхонько в саму слободу. Идут, значит, улыбаются. Иногда даже песни поют. Детские конечно. Иных они пока ещё не умеют. Глядь-поглядь, а на встречу им знакомец их, козлик Серёжа. Он хоть и постарше братьев был, да только и мелюзгой не брезговал. Очень уж поболтать любил. Так своим сверстникам да и старшим надоел этим, что они от него уже шарахаться стали.

— Привет, братаны, — говорит им Серёжа. И тут же, даже не дождавшись ответа, начинает им рассказывать историю о том, как он на днях познакомился с одной тёлочкой. Те, ясное дело, внимательно его слушают да и вопросов лишних не задают потому, что ничегошеньки не понимают из его болтовни. А он им всё вкручивает да вкручивает, что

тёлочка эта, коровка значит, вся из себя такая ладная да видная. Молока, правда, пока ещё не дает. Но зато всех соседских козликов от него отгоняет. Когда те бодаться к нему лезут за его над ними подшучивания. Агафоске так на днях всыпала, что у того шишка на лбу вскочила. Это у козла-то!

— И кто этот Агафоска? — спрашивают ребята. Они ведь в соседней слободе еще ни разу не бывали.

— Эх, темнота вы мелкая! Это же мой первейший в прошлом кореш, а ныне враг! Сын соседа нашего. Того, который с вашим Потапычем дружит. Теперь-то вам понятно!

— Вроде да, — соглашаются братья. — А ты куда сам-то собрался?

— Я к вам на двор как раз и шел. Хотел вас в гости к себе пригласить. Говорят, что вам родители наконец-таки разрешили гулять по дороге в нашу слободу. Заодно я бы вас и с Надей познакомил. Ну что, пошли что ли?

— Пошли, коли приглашаешь сам.

И они уже втроем бодрой трусцой почапали в соседнюю слободу.

— А вот и мой дом, — примерно через час сказал Серёжа, указывая на двухэтажный коттедж в альпийском стиле с зелёной черепицей. К этому времени волчата уже изрядно вспотели да и устали. А ведь им ещё надо было домой возвращаться.

— Далеко же ты забрался, — отирая со лба лапой пот, говорит Нахум.

Наум, тот и вовсе платочек достал. И ну давай им утираться! Не только лоб, заодно и шею протёр.

— Чудики! Да это же самое что ни наесть лучшее место, прямо на склоне! Мы ведь, козлы, любим поскакать по кручам.

— Понятно, чем потчевать будешь? — спрашивают братья. И при этом смотрят на козлика уже не таким добрым взглядом.

— Как это чем? Конечно же — фруктами да конфетами! Я ведь их страсть как люблю.

Братья хоть и любили сладкое, но всё же не до такой степени, чтобы есть его постоянно. Поэтому и намекнули скромненько Серёже о яичнице если не с беконом, то хотя бы с молоком. Омлете, то есть. Козлик вначале вроде как оторопел от их наглости. Глазища выпучил, бородёнку распушил, но потом всё-таки опомнился и пообещал угостить хотя бы молоком. Тут-то как раз и объявилась эта Надя. Словно бы из ниоткуда выскочила. Да и давай сразу волчатам права качать!

— Как вы разговариваете со старшими?! Серёжа хотел вас порадовать, даже в гости пригласил. А вы ещё и кочевряжитесь. Желанья ему там всякие высказываете! Не стыдно ли?

— Стыдно, — говорят Нахум с Наумом, — только есть очень хочется!

И если бы сам козлик за них не заступился, неизвестно в чего бы эта беседа вскоре вылилась. Возможно бы и накостыляла малышам эта тёлка. Шибко вид у неё свирепый был.

— Да не шуми ты так, дорогуша. Лучше сбегай к мамке за свежим молочком. Ребята пить отчего-то захотели.

— Молочка, значит, им лоботрясам, говоришь, захотелось. Ладно, будет им его за это вдоволь. — Сказала да и поскакала галопом к своему дому.

— Мальчики, кажись, вы и вправду здорово влипли, — ехидно сказал Серёжа.

— Почему это? — удивились волчата.

— Скоро сами узнаете.

Волчата: — Упс!

— Выходит, эта Надя всё своё свободное время у твоего дома ошивается, охраняет, небось? — спрашивает Нахум.

— Думаю, можно сказать и так.

— А коли поточнее? — интересуется уже Наум.

— Она в меня влюблена!

— Не поняли, — говорят братья, — что это за слово такое любовь, в чём его суть?

— Да ну вас! Вечно вы с глупостями не вовремя лезете. Глядите, она уже возвращается. Блин, целый бидон прёт!

— Большой? — интересуются братья. Они уже знают, что это такое.

— Не меньше трёх литров, — ухмыляется Серёжа.

— Нет, нам столько не выпить! — говорят братья. И тут же от страха падают в обморок.

— Чего это с ними сделалось? — спрашивает Надя. Она уже здесь.

— Бидона твоего испугались.

Надя ставит бидон на землю, затем отпивает из него молока, после чего плюет им на волчат. Чтобы те в чувство быстрее пришли.

— Надо же. Какие они еще глупые.

Отпивает еще молока и снова плюет на малышей.

Наконец-то один из них открывает глаза. Это Нахум. Серьга в ухе просто обязывает его быть за главного. Очнувшись, он первым делом смотрит на бидон и только потом уже на приведшую его в чувство коровку.

— Там еще много осталось? — тусклым голосом вопрошает он.

— Молока? Да еще больше половины! — отвечает за Надю Серёжа.

Услышав об этом, Нахум снова делает вид, что потерял сознание.

Тут в чувство начинает приходить и Наум. Он, правда, пока не открыл ещё глаз, но уже с чувством пробормотал:

— Мама, спаси меня, я больше так не буду!

— О, и второй заговорил, похоже, скоро совсем оклемается. — Снова недобренько пошутил Серёжа и при этом подмигнул Наде.

— Нет, у тебя определённо камень вместо сердца, Сержик! Они ведь совсем ещё мелкие. Таких больше жалеть, чем пугать надо! — сказала Надя.

После чего уже из самого бидона более основательно плеснула в мордочку братьев. От этого душа братья вскоре очнулись уже окончательно. Видать поняли, что в бидоне уже немного осталось. Очнулись они, ну и заявляют, что, готовы мол, понести возложенное на них наказание. То есть допить остаток молока. И в своих желаниях, впредь быть намного скромнее.

Коровка хотела было простить их, ибо поняла, что они искренне раскаялись. Ведь молока-то она специально так много принесла, чтобы скорее проучить, а не напоить ребят. Но козёл был вредный и настоял на том, чтобы они все же допили молоко. Впрочем, он от этого немного выиграл. Молоко-то Нахуму с Наумом и в самом деле понравилось. Да и порция оказалась той, что им и нужна была для того, чтобы насытить свои желудки.

Подкрепив силы, мальчики хотели уж было пуститься в обратный путь, сославшись на то, что им надо быть к обеду дома, а идти им далеко, но Серёжа и тут был против. Теперь он хотел их угостить уже в своём доме.

Тогда им пришлось пойти на хитрость. Наум как бы невзначай спросил у брата:

— Нахум, ты не знаешь, что значит слово любовь?

— Нет, — ответил Нахум, — не знаю!

— И я не знаю! Зато я знаю о том, что дядя Серёжа нам недавно говорил про то, что тётя Надя его любит, а он её вроде как нет!

— Что? — взревела коровка Надя. — Это мы ещё посмотрим, кто за кем бегаёт!

И стала сразу выяснять с козлом отношения. Воспользовавшись подобной передышкой, братья что было сил пустились бежать по дороге к дому. Причём в этом так преуспели, что прибыли ещё задолго до обеда.

— Ну как, нагулялись? — спросил папа.

— Ещё как! — ответили братья.

— Проголодались, небось? — это спросила уже мама.

— Не-а, — накормили всласть. — Молоком!

— Чем, чем? — изумились папа с мамой. — А кто?

— Козлик Серёжа из соседней слободы!

— Гадёныш, — сказал папа. — Пожмотничал, выходит!

— Надо посоветовать Потапычу, чтобы он ещё выше приподнял их семейству цену на мёд! — сказала мама.

30.07.2020.

Сакура

Когда Нахум и Наум настолько повзрослели, что родители стали отпускать их уже не только в длительные прогулки по окрестностям, но даже в турпоходы, им посоветовали посетить сад дедушки Пин Фо, который находился аж в соседнем лесу!

— Что же в нём такого хорошего? — спросили Нахум с Наумом.

— Именно в нём с сегодняшнего дня началось цветение сакуры. А на это, поверьте, стоит посмотреть!

И волчата поверили. Спросили на всякий случай у мамы денег побольше на приобретение, если понравится цветов, а может, и ростков этой самой сакуры. Да и двинулись в путь, не забыв перед тем плотно позавтракать.

Идти-то им было далеко, едва ли ещё сегодня воротятся. Посему папа и в рюкзаки им кое-какой снеди забросил. Идут, значит, они. Нет, песни уже не поют, только анекдоты травят. Песни — это удел несмышлёнышей! Позубоскалить же анекдотом над чьей-нибудь глупостью да непутёвостью — это уже совсем иное! Можно сказать, дело уже для стоящего человека. Много разных встречных расспросили они на своём пути, прежде чем добрались до садика дядюшки Фо. Но внутрь их не пустили, потому что было уже темно. Сказали:

— Приходите завтра с утра. Купите билеты и будете глядеть сколько душе угодно.

Ну они так и сделали. А всё из-за того, что изгородь оказалась под током. Лезть же через такую они, ясное дело, не рискнули. Тока ведь все боятся, даже толстокожие слоны.

Когда уже утром, они, купив два билета, всё-таки проникли внутрь, то оказалось, что смотреть, в общем, не на что! Нечто подобное они наблюдали каждую весну во время цветения слив и вишен в саду Михаила Потаповича. Правда, эти деревца поменьше, но цветов на них почему-то было явно больше. Причем, и это поразило волчат больше всего, они были не только обычного белого или розового цвета, а еще какого-то странного, вроде как золотисто-коричневого. Более того, на некоторых деревьях имелись цветы всех цветов!

На одном из таких они и обнаружили старичка-малую панду. Который, сидя к ним спиной на одном из самых нижних суков, усердно

молился просыпающемуся солнцу. Чтобы не мешать ему расспросами, братья принялись вслух рассуждать о том, что же это всё-таки за деревья — сливы или вишни? Они так увлеклись своим занятием, что даже не заметили, как заспорили, и потому перешли с робкого шёпота на крик.

— Не пойму, — говорил Нахум, изловчившись-таки допрыгнуть до одного из цветков белого цвета и сорвать его. — Вроде вишня. Те же зубчики по краям, только цветок, похоже, великоват размером.

Наум к этому времени умудрившись сорвать розовый цветок:

— Лично у меня, брат, не вишня точно! Зубчиков совсем нет, хотя цветок и маленький.

— Странно, — сказали братья. И сразу же вдвоем, полезли на дерево, где были представлены все цвета и оттенки. А дедушка Пин Фо всё ещё продолжал, как ни в чем не бывало, молиться.

— Нет, это определённо вишня, только какая-то хитрая! — решил Нахум, тщательно обследовав несколько цветков.

— А я тебе говорю, что это всё же слива! Только цветы у неё мельче, чем обычно.

После чего они с чувством выполненного долга стали спускаться вниз.

— Это, блин, ещё что такое? — сказали братья хором уже на земле, подняв с земли по цветку из тех, что были принесены ветром за время их отсутствия откуда-то из глубин сада.

— Гляди-ка, брат, — сказал Нахум, — это, кажись, и слива, и вишня одновременно.

— Похоже, что так. Но разве такое бывает?

Тут-то дедушка Фо наконец соизволил отвлечься от молитв и сойти до ответа.

— Почему бы и нет, мальчики! Ведь это сакура! — сказал дедушка Фо мелодичным и певучим голосом. Каким умеют говорить лишь малые панды.

Потом он обернулся и пристально взглянул сверху на волчат. Глаза его лучились не только добротой, но и мудростью. Братьям стало стыдно оттого, что они не знают, что такое сакура. Поэтому один из них покраснел. А другой и вовсе — прослезился.

Дедушка Фо, в силу своей мудрости, не только понял смущение и печаль братьев, но и сам, избегая ненужных затруднений, рассказал им о том, что в японском языке на самом деле подразумевается под термином Сакура. Слово сакура обозначает не конкретный вид дерева. А то явление, когда деревья зацветают ранней весной, еще не распустив листьев. Хотя волчата, в сущности, правы, среди сакур есть как сливы, так и вишни.

После того, как наполненные знаниями о причудах дальнего востока дальше некуда, Нахум и Наум вернулись в родительскую усадьбу, уже следующей весной в их саду зацвели две сакуры. Одна слива и одна вишня. Ведь дедушка Фо по доброте своей подарил им не по саженцу, а по целому деревцу-бонсай в горшочке!

Деньги же свои они потратили на иное благородное дело. Подарили папе и маме по кружке с изображением малой панды. То есть дедушки Пин Фо. Из которых те теперь пьют чай. Прежде-то они лишь стаканами пользовались. И совсем для другого дела! Воистину, только искренняя доброта способна творить чудеса!

10.09.2020

Зябликовы
(Цикл рассказов)

ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ ЗЯБЛИКОВ

Каждый сверчок — знай свой шесток!

Стояла почти безмолвная ночная тишина.

Медленно и величаво катил свои студёные воды могучий Волхов. Вокруг, куда ни глянь, ни души. Оно и понятно, все нормальные давно уже почивают, что звери, что люди. Лишь кое-где на противоположном берегу ещё виден в избах отблеск одиноких свечей. Это местные ведуны-цыгане втайне даже друг от друга варят свои зелья. Чтобы на другой день попытаться вдуть их доверчивым обывателям. И есть такие, что клюют на их удочку. Да что там говорить, некоторые это уже в привычку взяли!

Луна в ту ночь светила особенно ярко. И видать не потому, что нынче было полнолуние. Просто, скорее всего, на этот раз успела отоспаться за день. Вот и решила блеснуть теперь своей удалью. Наконец-таки полностью освободившись от всех домашних дел, домовый по прозвищу Михалыч (так друзья его прозвали, тоже явная нечисть, за то, что уж больно походил на медведя, причём как нечесаного, так и немытого) решил чуток культурно отдохнуть хотя бы уже перед самым сном. Для этого он вылез через окно чердака на крышу. Не забыв при этом прихватить с собой баночку клубничного варенья, что стащил у хозяйки дома, а заодно и электронную сигарку коею уже позаимствовал у барчука Яши, пока тот отсыпался в отдельной комнате после очередного дежурства в дневную смену. Жена же его в это время укладывала полуторагодовалую дочурку спать. А иначе ей было просто не выйти прогуляться на дискотеку.

И пока сама хозяйка, закрывшись в своей комнате, гадала на кофейной гуще в поисках богатого старичка, а Яша с супругой основательно отдыхали: он в постели, а она на дискотеке, Михалыч, свесив ножки с самого края крыши, уплетал клубничное варение, а заодно и покуривал электронную сигаретку. Да уж, тяжела доля домового в таком заштатном городишке, как этот. Какие тут к чёрту развлечения кроме как пожрать всласть да сигареткой оттянуться малость. Ни театров нет, ни какой-то там консерватории, даже зоосада заваливающего и того нет! Тоска, да и только.

Ведь не бежать же ему, Михалычу, к примеру в Питер, пусть там житуха не чета этой! Так патриоты не поступают. Станция Званка его Родина. Значит, в этих краях он и должен закончить свой земной путь. Эх, все бы думали так как он! Особенно человеческая молодёжь. Её хлебом не корми, дай только в Санкт-Петербург выбраться!

И тут Михалыч вдруг почувствовал, а позже уже и заметил, что он на крыше уже не один. Кто-то очень большой, явно не из местных домовых, тоже выбравшись на крышу, стоя на четвереньках, внимательно обшаривает, а заодно, по возможности, осматривает её поверхность.

Озлился вначале Михалыч на то, что ему так бесцеремонно помешали. Скоты, мол, уже и ночью не дают отдохнуть! Хотел было права качнуть. Он ведь всё-таки колдовское существо, что там ему человек, пусть даже и большой. Если надо — враз зачарует, да так, что и родная жена не признает! Что это человек он понял сразу потому, что тот ругался матом. Волшебная же живность такого себе никогда не позволяет. Потому что живет много дольше и уже успела окульгуриться. Но после, когда понял кто это, — он узнал его по красным борцовкам, буквально горевшим пламенем при таком ярком свете луны, — то решил вести себя смирно. Более того, даже сумел тайно проскользнуть мимо колосса и спрятаться за трубу дымохода. После чего сразу же избавился от сигареты, подкатив её ловким толчком поближе к обладателю борцовок. Банку же с вареньем оставил пока у себя. Прodelав это, он стал с интересом наблюдать, что произойдёт дальше.

«Да ты, Яша, ко всем прочим грехам, ещё и лунатик, — рассудил домовой. — Умеют же некоторые устроиться! А я, горемычный, всё сам и только честным трудом!» При этой мысли от так расстроился, что непроизвольно всхлипнул.

— Эй, кто там? — раздалось где-то впереди робким баритоном. В ответ молчание. — Блин! Видать показалось. Не, пора бросать курить, а то без сигарки больно нервным становлюсь.

«Так ты, оказывается, не лунатик, а всего лишь притвора! Надо будет при первой представившейся возможности супруге твоей и об этом напеть в сновидениях. А то, понимаешь ли, каков. Не только спит от жены отдельно, так ещё и умничает. Ладно, трусишка, теперь уж я тебя пугану по-настоящему! Ну, дружок, что скажешь на это?»

Сказав это, Михалыч, тщательно прицелившись, сколь было в нём силы метнул банку с остатками варенья прямо в район красных борцовок. Ну и, конечно, попал! Только не в переднюю часть как метил, а в заднюю. Но удар получился настолько сильный, что даже такой титан как Яшка и тот плюхнулся на крышу всею филейною частью (задницей). И попал «зайчик» прямо на раскуренную сигарету.

Что тут было! Вначале мат, затем вой, да какой! Видно, сигарка и за живое его задела. Как углядел Михалыч, что придумка его с Яшкой сделала, то так возрадовался своей пакостью, что пустился в неистовый пляс по всей крыше. Ведь пострадавший-то давно уже был внизу, тушил свою объятую пламенем задницу в дочкином надувном бассейне. Не, не через чердак спускался, а так прямо с крыши вниз сиганул на копну сена. Домовой же до того доплясался, что, поскользнувшись, свалился с крыши, впрочем, тоже удачно, только попал не в копну сена, а в навозную кучу.

Вылечившись, Яша действительно бросил курить. Ибо к электронным сигаретам он теперь боялся даже прикоснуться. А к обычным его уже и не тянуло. Правда, без хобби он не остался. Вскоре в жарчку ударился. И теперь он чемпион уезда по Сумо!

Домовой же по прозвищу Михалыч, тот в чужие края вскоре подался. Говорят, на родину своей мамы. Видно понимал, нехристь, что всё равно о проказе его рано или поздно хозяева прознают, и тогда уж точно попытаются затравить нещадно всякими там закланиями! А оно ему надо?

Хозяйка дома Елена Карповна всё-таки сумела нагадать себе богатенького старичка-женишка и ушла жить к нему. И теперь на радостях и носа не кажет ни внучке, ни сыну. Те же к ней тоже особо не навязываются. После того как она ушла к своему Соломону Акакиевичу, отношения в семье её сына вроде как наладились. Невестка перестала ходить на дискотеки, пока муж спал. Да и до того ли было ей, ведь теперь всё хозяйство возлегло лишь на её хрупкие плечи. Да и Яша без поддержки мамки вынужден был малость свой гонорок поунять.

22.07.2020

Заветный гвоздик

Яша Зябликов считал себя человеком особенным. Потому и женился в тридцать три. Поздновато, скажете? Возможно. Зато на красавице. Да какой! Топ-модель да и только! И по возрасту ему подходит. Всего на три года младше. А так как Яша был мальчик солидный — при росте метр восемьдесят ровно сто килограмм, — то и свадьбу сыграл солидную. Вначале напруг маму, а заодно и будущую тещу на баблосы, а там уже и сам залез в кредит. После такого можно подумать, что эта очередная бестолочь решила создать новую ячейку общества, то есть семью, как и водится, надеясь на авось, что особенно свойственно русским людям (Да не тут-то было!). Яша был хотя и русский, но родом из Прибалтики. А там никто ничего не делает зря. Он лучше тогда вообще ничего не делает! Поступая именно так, он рассчитывал прежде всего на щедрость своих приятелей. Короче, думал, переумок, что все расходы отобьёт одними свадебными подарками.

Не поверите, не ошибся! Надавали друзья, а это в основном бизнесмены были (по старым понятиям — просто бандиты), целых пару сотен тысяч! Так что на отбив ему вроде как хватило. Да тут он ещё и машину продал за триста кусков. Она ему что-то перестала нравиться. Потом, правда, немножко взгрустнул, когда понял, что ничего равноценного найти даже за подобные деньги не может!

Посоветовавшись с мамой, он по-тихому реквизирует машину у новоиспечённой супруги. Она ведь всё равно в декретном отпуске. Если что, он её и сам отвезёт куда надо. Жена же его была девушкой характера решительного, да и командовать любила. Ещё бы, работала-то она учительницей начальных классов! Ну и стала жена Яши Рада и дома пытаться порядок наводить. Первым делом решила Яшу под себя подгрести. Но не получилось, тот оказался чересчур толстопятым. Тогда она на свекровь Елену Карповну перекинулась. Но та была тоже не промах. Посему ругались по чём зря! Даже матом друг друга обкладывали. Но до драки дело пока всё же не доходило.

Чтобы чего уж совсем пакостного между ними не вышло, тёща Зябликова, Марья Петровна, женщина тоже очень красивая, вдобавок ещё и физически авторитетная, пыталась их в меру своих сил мирить. Только не всегда это у неё получалось. Ведь дочь у неё была по гороскопу дракон, а свекровь — крыса. А это, сами понимаете, и есть самое зверское да мерзкое зверье на свете. В общем, трое были уже на взводе. Лишь один Яша себя покамест от этого как мог, предохранял. Много ел и пил, а ещё больше — спал! Как не спросишь по телефону: где Яков? Ответят: либо на работе, либо всё ещё спит.

Вообще-то полицейский должен беречь себя сам. Иначе как ему тогда выжить? Ибо всё и вся против него! Хулиганы да наркоманы там всякие, а ещё и пенсионеры непутёвые, которых даже в электричке надо охранять, так как ездят-то они бесплатно, а обычный народ этого не любит! Берёг, значит, себя Яша. И до того доберёгся, что задумал и супруги машину продать, якобы для взноса на ипотеку. Потому как и он наконец понял, что лучше жить раздельно. Как говорить, чем будет бóльшим начальный взнос, тем меньше в итоге им заплатить придётся. А всё-таки балбес он, хоть и считает себя умным. Мог бы для начала хоть квартиру поснимать, коли помогло бы, тогда можно было уже и об ипотеке помыслить.

Но продать машину в наше время не так просто. И тут дело не только в цене и пробеге. Тут ещё и страна изготовителя учитывается. И коли это Китай, тогда дело с продажей туго. Уже и Раиска у них родилась, а воз был, по-прежнему, всё там же. За такую цену машина ну никак не продавалась! И потому ипотека Яше да, полагаю, и Раде всё также лишь снилась. Марья Петровна уже и отговаривать дочку стала от продажи автомобиля. Боялась, что не только та останется без машины, так ещё и без ипотеки. Ведь Яшенок сумел исподтишка свою половину свадебного подарка из шкатулочки уже и в банк определить. Рада сама и обнаружила.

Хорошо, что хоть по совету мамы тоже удосужилась свою часть построить туда же. Причём на срочный вклад, чтобы соблазна снять меньше

было. О чём с форсом доложила мужу. Тот вроде согласился с тем, что это разумно. А потом, бац тебе, всё и вышло! Раисочка к этому времени уже в садик пошла. Только папа Яша снизил малость цену на машину, как она сразу продалась. Почему сам решился, не посовествовавшись с женой? Так та сама ему на всё давно уж генеральную доверенность выписала. Приходит, значит, она домой после того, как забрала дочку из садика, а Яков уже в смартфоне новый «поджопник» себе ищет.

— Зачем тебе ещё одна машина? — спрашивает Рада. — Эту продай вначале! Кстати, где ты её поставил?

— Ха, так я её уже продал! Правда, на тридцать штук меньше, чем хотели. Но продал-таки!

— Где деньги??

— У меня. А что?

— Отдай, это моё!

— Не понял? А на что же я куплю себе «поджопник»??

— На свои, дорогой!

— Но ведь свои я положил на срочный вклад. Если сниму, то потеряю проценты!

— А мне пофиг!!

— Блин! Выходит, ты мне не доверяешь. Это мужу-то! А я считал, что всё у нас общее. Нет, даже обидно. Вот это супруга! Имея деньги, не считает нужным одолжить мужу каких-то 150 тысяч! Я же разрешу и тебе на ней ездить.

— Что? Да ты ещё и аферист! Обмануть меня задумал. Подлец ты, а не муж!

— Сама ты дура! Я тебе это запомню.

— Попробуй только не отдать мои деньги! Маму Машу на тебя на травлю. Так «обосрёт», что не отмоешься! Можешь и с работы вылететь.

— Ну, ты совсем уж обнаглела! Я её пою, кормлю, покупаю ей кое-чего из одежды, а она мне за это чёрную, понимаешь ли, неблагодарность преподносит! Поддать бы тебе разок!

— Только попробуй. Засужу сразу!

Не только не поддал. Деньги и те наутро вернул! На кухонном столе оставил, уходя на работу. Елена Карповна встречать в их спор не стала. Только плакалась Марье Петровне, когда та пришла в гости к внучке зятя уму-разуму учить. А тот в это время, как всегда, дрых после дежурства.

— Маша, она так его оскорбляла! Он даже чуть не заплакал от обиды. И жадный, мол, он. И толстый! И курильщик каких-то смесей. Да к тому же ещё и горький пьяница! А он ей, бедненький, в ответ, лишь одно: «А я-то считал, что мы с тобой одна семья, и стало быть, всё у нас общее».

Цирк, да и только. Хорошо, что мне через Марью Петровну удалось-таки Радугу уговорить и эти деньги отнести в банк. Но класть уже не на срочный вклад, как в прошлый раз. А на «Пополняй и снимай» с наименьшим неснимаемым остатком в тридцать тысяч рублей. Так и потерь меньше при закрытии счёта, да снять всегда можно. И лишь затем уже вести переговоры с мужем, хотя бы по поводу перемирия.

Как только Яша понял, что деньги жены перекочевали из квартиры куда-то в иное место и что вернуть их вскорости вряд ли удастся, как тотчас побежал в банк и, рискуя потерять проценты, снял часть денег. И тут же покатил в Питер на электричке покупать через брата Илию (тот торгует автозапчастями и имеет кое-какие нужные связи) подержанное авто. И купил, притом за один день, Митцубисси Ланк 2003 года в приемлемом состоянии, всего за сто пятнадцать тысяч «деревянных». И в тот же день пригнал его в свой городок. Марья Петровна, узнав о таком даже не от дочери, а от самой Елены Карповны (та не преминула похвастаться тем, что какие, мол, её сыновья дружные, как они выручают друг друга), тут же задумала своими глазами увидеть данный «поджопник», ведь ей и его расхваливали.

Ну, сказано, значит, — сделано! По-иному Марья Петровна просто не умеет. Когда она на следующий день повела внучку из садика домой к Зябликовым, Яша, уже выпавшись, стоял во дворе дома рядом с серебристым Митцубисси и внимательно рассматривал колеса этой машины.

— Привет, Яша! Это она и есть?

— Да, Марья Петровна.

Марья Петровна тоже внимательно присмотрелась к тому месту, куда был направлен взгляд зятя.

— Яшунчик, да у тебя, кажись, колесо спустило?

— Да я вижу, как будто кто специально это сделал. Ведь когда брал и даже пригнал сюда, этого ещё точно не было!

— Не везёт тебе в жизни, Яша! Впрочем, заслужил ты это! — подумала Марья Петровна. — Видать, Радугу опять выручил её заветный гвоздик!

14.09.2020

Убью гадину!

Помирившись, а заодно и обмывши новую машину, Зябликовы вновь усердно занялись дачей. Они и так пропустили несколько дней из-за того, что были без авто. Приехали на дачу. Молодые с дитём загорают. Елена Карповна на грядках ковыряется. Часа через два после начала «работ» Рада и говорит мужу:

— Пошёл бы мамке помог, ведь скоро обед, а она путного так ни хрена на огороде ещё не сделала!

— Устал я что-то, — говорит Яша.

— Помочь матери — это святое. Иди хоть траву покоси.

— Ладно уж, покошу. А ты сваргань пожарть пока. Да за Раиской не забывая смотреть.

— Приготовлю и присмотрю, а ты иди.

Ну муж и пошёл. Взял газонокосилку да и пошёл бродить по участку. Поначалу шумел много. И всё поближе к грядкам, чтобы дочку с женой не пугать. Те в беседке на другом конце участка обед готовят. Территория-то у них немаленькая, соток сорок примерно. Так что Раиска не очень-то шума издавала перепугалась, пока он работал даже ни разу не заплакала. А вот собственной матери Яша так надоел своим гудением, что она попросила его немного передохнуть. Иначе она не успеет закончить к обеду прополку из-за его косьбы. Очень, мол, шум её отвлекает. Перечить маме Яшуня не привык, поэтому сразу согласился на предложенное. И недолго думая, прилёг на травке за копной сена.

Елена Карповна уже и работу свою закончила, и на стол помогла Раде накрыть, а сын всё спит да спит! Стали звать и его, долго кричали (видать устал очень, потому и крепко задремал), потом всё же добудились. Это когда Раиса громко вскрикнула. Её комарик в щёчку укусил. Не зря видно говорится, что ухо родителя, как ничье другое, чутко к крику своего отпрыска!

Вскочил Яша, спросонок понять ничего не может. А рядом с ним змея! Тоже на солнце греется. Он и попятился как мог от этой змеюки. Да так при этом старался, что на карачках, только задом наперёд, аж до самой беседки догрёб! То-то смеху было!

— Ты чего это? — ехидно спрашивает Рада, — испугался что ли?

— Спросонья показалось, что змея рядом!

— Так взял бы да и убил её! Вдруг она ядовитая. А у нас, сам знаешь, маленький ребенок где попало бегают!

— Зачем же сразу убивать. Змея, она ведь, тоже не глупая, кого не надо не укусит. Впрочем, мне могло и показаться.

— Понятно! Чего же тогда так торопился?

— Так, кажись, Раиска кричала. Думал, может чего надо.

— Ладно. Садись обедать.

— Верно, сынок. Покушай немного. Тебе ведь ещё докосить надо!

— Докошу, конечно. Только без палки я туда не пойду! Вдруг не показалось.

— Правильно, сынок. Может, она ещё и ядовитая. Кобра какая-нибудь плюющаяся!

— Ты думаешь??

— Да ну вас! Кобры на шестидесятой широте не водятся, тем более плюющие.

— Ну, мать, у тебя и шуточки!!

— Да ты кушай, сыночек, заодно и стаканчик водочки для храбрости выпей!

Покушал Яшуня, затем и водочки выпил, как маман просила. Правда, всего полстакана. Ведь ему ещё работать надо. Пьяный же работник, сами знаете, хоть и храбрец, да сноровка у него совсем уже не та! Посидел немного, чтобы водочка уже по всему телу прошла. Да и пошёл, взявши палку, до места. Ну а там змеи след давно уж простыл. Обрадовался он, что не пришлось ему со змеем воевать. Да и стал от этого косить, причём так, как не косил никогда прежде! Раиса даже рот открыла, когда увидела, как папа её, пыхтя как вол, словно слон в посудной лавке, шебуршится на участке, не только кося траву, но и топча кое-где «копытами» ещё не прополотые грядки!

— Стой! — орёт ему мать. — Затопчешь насмерть ведь!

Яша делает вид, что не понимает, чего от него хотят. Тогда ему объясняют на пальцах. Оказалось, далеко не дурак да не так уж и пьяный. Враз понял, что хотят лишить его ужина. Ну и остановил свою тарахтелку. Остановил да и пошёл первым ужинать. Ужинает он, а заодно смотрит по сторонам, проявляет этим бдительность. Хочет ошибки свои загладить перед матерью, ибо потоптал огурцов немало! Вдруг как заорёт:

— Это что же делается-то в нашем мире?! Змеюка нашу клубнику, кажись, жрать собирается!

— Где? — в один голос интересуются мать и жена.

— Да вон там, на шестой грядке слева от нас.

— Вижу, — говорит мать. — Это там, где ты начинал. Видать, сынок, тебе не показалось!

— Не, ну это надо же!

— Поди прогони, — советует мать, — пока, ещё не поздно. У нас в этом году и без того клубники мало.

— Змеи клубнику не едят, только кусают, — поясняет Рада.

— Зачем это? — спрашивает Елена Карповна, она более любопытная, чем её сын.

— Это чтобы мышки, крыски, птички и прочая там всякая гадость, сожравши ягодки, падали замертво. А змея их потом и пожирала, уже дохленькими.

— Надо же, — изумилась Елена Карповна, — и эти тоже не хотят работать!

— Умная, значит, говоришь? — Сказал Яша и взял палку.

- Ты только прогони её, — просит Рада, — она безобидная!
- Ты-то откуда знаешь?
- Я же вижу, что это всего лишь уж.
- Точно не гадюка?
- Точно, точно!
- Ну, тогда вообще убью!

Но не убил. По пути споткнулся о кем-то брошенную палку. А когда очухался, ужик уже уполз! Откушав половинкой ягоды садовой земляники. А за компанию и отобедав жирным слизняком, сидящим на ней.

14.09.2020 г.

Лучший друг

Видно не зря говорить, что и вода плешь проест, если долго капать в одно место. Вот так и Рада додолбала-таки своего мужа насчёт ипотеки. Иначе, говорит, не жить нам больше вместе! Обязательно к маме уйду и Раису с собой заберу. Что тут скажешь? Пришлось согласиться. Принимая такое ответственное решение в своей, можно сказать, ещё неокрепшей жизни, тридцать пять лет разве возраст по нынешним временам (честно говоря, впервые), Яша не только пропотел и не однажды во всех местах своего сочного тела, но и вдобавок ко всему и всплакнул пару раз. Правда, в туалете, чтобы в глаза меньше бросалось. Ведь это сколько денег надо потратить на какую-то бабью прихоть! Но как вложиться так, чтобы денег потратить поменьше, а пользы было бы побольше, чем обычно бывает в таких случаях.

Долго думал наш Яша, а заодно и денюжат прикапливал. Полгода — не меньше! Потом всё-таки придумал такую, как бы помягче выразиться, скажем, комбинацию. О чем не замедлил доложить на семейном совете. Елена Карповна была против высказанной им идеи! Пыталась даже отговаривать сына от подобной, как она выразилась, аферы! Зато жена почему-то клюнула на его заманку. И посему большинством голосов Яшина задумка была утверждена.

Состояла же она вот в чём. Зябликов решил вложиться в квартиру с самого начального этапа строительства. То есть с котлована. Так вышло намного дешевле. Лучше уж подождать три года пока дом достроится, чем заплатить за точно такую в уже построенном доме в два раза дороже. Как я уже говорил, жена согласилась с его доводами и одобрила идею. Родная же мать его была против! Считала, что их обязательно обманут. Либо дом вообще не построят, и тогда судись с ними годами

за возврат средств. Или всё равно в итоге заставят что-нибудь да доплатить.

Теперь Зябликовым оставалось лишь одно: собрать как можно больше бабла. Дабы поменьше влезть в долги перед банком. И тогда Рада придумала такую комбинацию. Она стала в наглую пропихивать среди своих, а для количества и мужа родственников идею о том, что квартира в конечном итоге нужна не им, а Раисочке! Им, мол, и в этой неплохо. А вот ребёнку надо будет с чего-то начинать свою взрослую жизнь. Так пусть у неё жильё хотя бы будет!

— Кстати, — добавляла при этом она, и все, надо отдать им должное, внимательно её слушали, — мы будем брать всего лишь студию, причём не в городе, а в Мурино, а это область, там всяко дешевле!

— И сколько всё это будет стоить? — спрашивали озадаченные родственники.

— Всего миллион двести тысяч! Но дом будет готов только через три года.

— Это ничего. Можно и потерпеть, лишь бы не обманули, — авторитетно заявляли родственники. Особенно со стороны Яши.

— Мы сами уже набрали ровно половину. Так что, если что, то и остальное через банк выдужим! Только бы Раисочке потом было хорошо.

— Да не, разве мы против того, чтобы помочь, — хором загалдели родственники. Ну и собрали ещё пару сотен тысяч. Итого стало у Зябликовых теперь целых восемьсот тысяч «деревянных».

Но супруги Зябликовы, в особенности когда размышляли вдвоём, были не по годам мудрыми. Поэтому и решили они: зачем идти сразу в банк для получения ссуды, а затем за это платить годами немыслимые проценты, когда можно одолжить недостающие деньги, притом беспроцентно, у их приятеля Кирюши Капустикяна. Хозяина пары местных бензоколонок. Разве это для него сумма?

В залог же, на всякий случай, оставим ему документы на владение нашей дачей.

— Яша, а Елена Карповна ругаться не будет?

— Да она, блин, даже не помнит, где они лежат! К тому же мы когда-нибудь обязательно вернём Кирюше деньги.

— Правильно, пусть потерпит сколько надо, а иначе какой же он тогда друг?

Но Кирюша дал им денег и без залога. Сказав, если что, то он у них дачу и без документов отберёт!

— А разве так можно? — удивился Яша. Он ведь всё-таки юрфак закончил, поэтому кое-что понимал и в законах.

— Можно! Я её спалю на хрен, — как бы пошутил Кирюша. На том и порешили.

Внесли, значит, Зябликовы деньги за строящуюся для них квартиру. Да и стали тут же рассуждать о том, как лучше её использовать до тех пор, пока дочка их вырастет и сможет сама уже ей распоряжаться по своему усмотрению. Рада предлагает Яшину маму поселить там, чтобы им поменьше мешала. Яша же против этого. Он считает, что лучше ссориться иногда с мамой, чем терять деньги от сдачи квартиры в аренду. Чуть не подрались, но так ничего толком не решили! Так и спорили они друг с другом, причём не один месяц, как им быть после того, как им построят квартиру.

Примерно через год они всё-таки поняли, что со стройкой, видимо, что-то не то. Обещали к этому времени четыре этажа из двенадцати построить, а сделали пока только фундамент! Обеспокоенный Зябликов срочно стал наводить справки. Благодаря связям в Областном комитете по строительству ему удалось узнать, что дата срока полного ввода объекта в эксплуатацию действительно откладывается, но всего на год, не больше! Причём уверили в том, что это уже окончательно. Пришлось смириться и продолжить ожидание.

А ту ещё и Кирюше надоело отдачи долга ждать! И он уже пару раз обмолвился в разговорах о том, что если не начнут срочно отдавать хоть по сколько, то он точно их дачу коли не спалит полностью, то обязательно малость да подпалит! Пришлось начать отдавать, хотя бы по пятнахе в месяц! Больше пока не могли. И тут им вдруг улыбнулась удача! Елена Карповна, вслед за своим братом Ляксем Карповичем, решила перебираться на постоянное жительство к своей престарелой маме в Воронежскую область. Там у мамы было целых два каменных дома на участке. Правда, в одном из них жил сын, самый младший из братьев Елены Карповны, Пётр. Но зато в другом доме жила лишь одна мать. А мать с дочерью обязательно должны найти общий язык, иначе какие же они после этого мать и дочь.

И так как Карпыч, продав квартиры, свою и бабушки молодой жены, купил неподалёку дом аж о восьми комнатах и двух этажах, то, стало быть, больше не считал для себя нужным претендовать даже на часть маминого наследства. Иначе зачем тогда покупать такие хоромы! А другому брату два дома жирно было бы иметь. Елена Карповна и решилась на это трудное для себя решение. Ведь она оставляла вдали от себя двух своих сыночков — Илию и Яшеньку! Да любимых внученек — Мелашу и Раисушу.

Когда мама Лена уехала, Яша вначале шибко загрустил. Как же им теперь отдавать долг Кирюше, ведь за квартиру уже самим платить при-

дётся! А она четырёхкомнатная. Рада же, напротив, обрадовалась. Потому что не надо было больше собачиться со свекровью за продвижение своих интересов. Но вскоре и она поняла, что не всё так уж и благостно, как ей показалось на первый взгляд. Кирюша доставал их всё чаще, уже в наглую, торопя с отдачей. Посему и задолженность за квартиру росла тоже как на дрожжах. Нужно было срочно что-то придумать, чтобы продержаться до тех пор, пока они не продадут дачу. А с долгами затягивать сильно никак нельзя. Потом точно не отмоешься от грязи. А Яше нельзя лишний раз светиться. Он ведь служит в полиции. И не сержантом каким-нибудь, а офицером! Скоро должны и третью маленькую на погоны повесить.

Долго не думая, Рада обратилась за советом к Марье Петровне. Та малость покумекала и кое-что придумала.

— Ладно, — говорит мама Маша дочери, — так уж и быть, позвоню Сергею Вольдемаровичу. У него всё равно вторая квартира пока пустует. Сдавать, сама знаешь, он не любит. А продавать при нынешней власти почему-то побаивается.

— Так ему платить придётся!

— Полагаю, договоримся на сущей мелочи. Свои всё же люди. Думаешь, он зря называет меня своим лучшим другом? А вашу сдавать будете! Четырёхкомнатная как-никак.

Малость подумав для приличия, Рада согласилась, что можно попробовать.

Сдали они свою квартиру четырёхкомнатную очень даже неплохо заезжим таджикам. И так как тех было дюже много, а брали они с носа, то и в сумме получалось довольно немало. Гораздо больше, чем общий бюджет семьи среднего достатка из трёх человек. Ну и стали, значит, проживать у Сергея Вольдемаровича в двухкомнатной Сталинке близ метро.

Так продолжалось несколько лет! За это время они уже и долг Кирюше отдали, и дачу продали, да и новую квартиру уже пару лет как сдавали.

Видя, что от них, похоже, не избавиться хотя бы в обозримом будущем, ведь их всё устраивало, в особенности плата за пользование жильём, Сергей Вольдемарович решил тогда предложить им выкупить квартиру, с учётом оплаченных прежде денег, как бы в ипотеку, только без процентов.

— И сколько стоит твоя квартира Сергей Вольдемарович? — поинтересовалась Марья Петровна.

— По последним данным, не меньше шести миллионов!

— Так ты, стало быть, хочешь и моим продать её за подобные деньги??

— А что? Разве дорого? Я же их не тороплю. Пусть выкупают постепенно. Только платят уже не по десятке плюс коммунальные услуги, а, скажем, хотя бы по тридцатке!

— Включая в эту сумму и коммунальные услуги!?

— Хорошо, да будет так! — нехотя согласился Сергей Вольдемарович, понимая, что иначе он не получит даже этих денег.

Так как это было Зябликовым выгодно, то они исправно платили оговорённую сумму. Когда сумма всех выплат Сергею Вольдемаровичу достигла примерно половины от стоимости квартиры, Яша задумал некий финт. Он захотел приобрести особняк. Но не брать же и его в ипотеку! Эдак, никогда с долгами не рассчитаешься. И тогда они с Радой придумали вот что: решили продать квартиру Сергея Вольдемаровича, ведь она стоила даже несколько лет назад уже шесть миллионов. Сейчас же она явно стоит дороже. И добавив своих денег, а они у них были, купить готовый особняк за наличные. Яша уже присмотрел один такой в цыганском посёлке под Стрельной стоимостью в девять лямов. Шикарный «домишко», три этажа, евроремонт, гараж на две машины, общая площадь четыреста пятьдесят квадратных метров. Должно было хватить на него денег. Одних своих к этому времени у них накопилось почти четыре миллиона! А Сергею Вольдемаровичу так и будут продолжать и дальше выдавать по тридцатке в месяц, пока всё не выплатят. Может всё и не придётся выплачивать. Не молод уже! Через год восьмой десяток стукнет.

Ну и провернули операцию, как хотели. Правда всё получилось немного иначе. За квартиру им не только не дали шести миллионов в теперешних деньгах! Её им удалось с трудом лишь за пять пристроить, да и то бартером в оплату особняка его же хозяину, цыганскому барону. Хорошо, что хоть он-то сговорчивым оказался. Но всё равно, это сильно ударило по их карману! Ведь они разом лишились всех накопленных денег.

Когда Сергея Вольдемаровича обвинили в обмане, он оправдываться не стал. Спросил только:

— А не смогут ли они отныне платить ему больше, так как у них теперь появились шальные деньги?

Пришлось пожаловаться Марье Петровне. Но и та не смогла повлиять на Сергея Вольдемаровича. Обозлившись на ябедников, он потребовал выплатить незамедлительно всю оставшуюся сумму, пусть даже это будет не три, а всего лишь два миллиона двести тысяч. Но лучший друг, он и есть лучший друг! Удалось-таки уговорить Марью Петровну Сергея Вольдемаровича не брать всех денег сразу. Даже сумма оплаты осталась прежней. Ровно тридцать тысяч рублей в месяц до тех пор, пока не выплатят всех шести миллионов!

15.09.2020 г.

Приплыли

Я хоть и офицер полиции да и человек ещё достаточно молодой — 35 лишь недавно стукнуло, — однако, имею лишний вес! Стыдно, конечно. Да чего уж поделаешь, если никак, как ни пытаюсь, не избавиться от телесного излишества. Так что приходится ох как пыхтеть, когда гоняешься за правонарушителями. А тут ещё на вверенном мне участке новый бродяжка появился. И такой неординарный, что только держись! Все-то он законы, а особенно права граждан, можно сказать, на зубок знает. К тому же ещё и умный, зараза! Высшее образование в каждой фразе так и проглядывает. Да ещё и очки носит! Жаль, что не тёмные. А так бы уже за одно это ему бы дубинкой и по башке постучал. Не люблю, когда перед представителем закона пижонить начинает всякая шушара! И оправдали бы! Я ведь на боевом посту. А он, можно сказать, вместо того, чтобы трудиться в поте лица, в рабочее время тунеядством тут развлекается!

И, что самое интересное, бродяга этот топчется среди своей братии не каждый божий день, как остальные, а в аккурат два через два. Будто где-то ещё подвизается. Блин, вдруг это и вовсе шпион какой-нибудь?! Послежу-ка я за ним, возможно, что и отломится. Вдруг раскрою такое дело, что мне сразу присудят очередное звание. А, может, и орден даже дадут!

Ну и стал следить. Старался очень. Да только что толку? Он, хоть и старше меня, а бегаёт гораздо быстрее. Бывший спортсмен, не иначе! Пару раз я почти догнал его. Но в первый раз его спас перегородивший мне путь шлагбаум. И пока я пережидал проходящий мимо меня поезд, он окончательно успел ушмыгнуть! Во второй же раз я, уже схвативший его за шиворот в подворотне, неожиданно поскользнулся на банановой кожуре, да так, что завалился напрочь. И пока я вставал да отряхивался, нельзя же в грязном виде на людях быть, когда на тебе офицерский мундир, он уже окончательно растворился где-то в неизвестности.

Ну, что тут остаётся? Только сплунуть да растереть! Чтобы этим малость спустить пары у своей злости. А так как следующие два дня я был выходной, то поручил следить за этим фуфелем своему сменщику Илюшке Домкратову. Тот и начал! Звоню ему вечером.

— Ну как, уследил, мол, чудилу этого?

— Нет! — говорит.

— А почему?

— Так его, вроде, как и не было.

«Вот, блин, — думаю, — гадина! Специально, небось, сделал так, чтобы в мою смену перед глазами болтаться! Ну, я устрою тебе, неугомонному! Или я не лейтенант полиции Яков Моисеевич Зябликов, а какое-то там ЧМО непутёвое!

И так я разгорячился от этой мысли, что в ярости столь сильно скрипнул зубами, что аж две пломбы — одна в нижнем ряду, а другая в верхнем — напрочь вывалились! Хорошо хоть нервы в этих зубах уже удалены. А то вою бы было! «Плохо дело, — подумал я. — Завтра с утра, непременно иду к зубному. И так уже лет пять не был». Сказано — сделано, по-иному я просто не приучен! Мы, русские, бежавшие после развала СССР из Литвы в Россию, всегда отличались особой порядочностью. А иначе в чужой стране не выжить!

Пришел, значит, в поликлинику. Взял номерок к платному. К нему быстрее попасть можно. Да и пошёл искать рожна уже вблизи самого кабинета. Сажу жду, ясное дело, волнуясь, потому и потею. А раз потею, то и хую! Вроде бы и хорошо. Чем больше прождёшь, тем больше, стало быть, и стонишь с себя веса, а это то, что мне и надо! А всё равно нервничаю. Хочется всё-таки зубки свои починить. Не то как же я буду свиные рёбрышки грызть?!

Жду, значит. А меня всё не зовут! Только через час с небольшим меня войти пригласили. Захожу в кабинет, сестра просит пройти к креслу. Говорит, врач сейчас будет. Сажусь. На всякий случай закрываю глаза, дабы сосредоточиться. Процедура ведь ответственная. Слышу невдалеке чьи-то упругие шаги. Затем чей-то вкрадчивый голос говорит совсем уже рядом. Наверняка мне!

— Можете открывать глаза, я уже пришёл!

Что-то не понравилось мне уже в самом тоне этого голоса. Ну, думаю, попал! Открываю глаза и взглядываю, эдак, искоса, на сказавшего данную фразу. Странно, но мне кажется, что где-то я уже эту рожу видел. Только где?? Он тоже смотрит на меня, причём не менее внимательно. И сразу видно, что тоже в чём-то сомневается. После чего он достаёт из нагрудного кармана футляр, вынимает из него очки и надевает их на нос.

Тут-то я и узнаю его! А он меня! Да это, никак, тот самый бродяга, которого я невзлюбил!

Что же дальше? Вначале — немая сцена. Точь-в-точь как на картине «Не ждали». Кто написал её, точно не помню. Вроде как Репин. Но потом всё вроде как устаканилось. Вскоре мы и вовсе подружились! Теперь он уже больше не бродяжничает в свои выходные, а проводит их на даче моей тётки в Горгале. Где помогает ей в сельскохозяйственных и садовых работах за соответствующее вознаграждение!

Типажи
(Цикл рассказов)

Умник

Мы мало что знали об этой планете. А уж о жителях её тем паче. Поэтому командир и послал меня на разведку. Но я же не дурак! Посему заранее подстраховался. Взломал по инету главную библиотеку наших заклятых врагов Сирианцев, ну и обнаружил в одном из научных изданий несколько статей по интересующим меня вопросам. А главное — обнаружил рисунок, на котором местный абориген был представлен во всей своей природной красе. Да это дело плёвое, решил я! Они выглядят точь-в-точь как наши медведи, только ходят на задних лапах. Интересно, какого же они роста? Тут об этом ничего не сказано. Плевать, со своими двумя метрами я всяко не буду самым плюгавеньким. Общаются же они, похоже, лишь жестами. А с этим мой лингво-переводчик, я уверен, справится запросто. Блин, где же у них всё-таки гениталии? Вроде как в этом месте ничего и нет. Ладно, сварганим всё так, как показано на рисунке.

Заказав нашему портному костюм по рисунку, я прямиком отправился в каюту капитана, чтобы более подробно обсудить с ним своё задание. Главное, что я почерпнул из разговора с капитаном, было то, что он настаивал на том, чтобы я прежде всего занялся разведкой полезных ископаемых данной планеты. И уж после этого, в случае явной необходимости, шёл на контакт с аборигенами, коли они объявятся в месте моих изысканий. Самому же первым не идти на контакт ни под каким видом, ибо наш корабль прибыл сюда не для того чтобы цивилизовать каких-то жалких местных людишек. А для того, чтобы суметь наложить лапу на богатство их недр. «Ладно, чёртов умник, — подумал я, примеряя костюм у портного, вспомнив слова капитана, — так ли ты толков, как хочешь себя представить. Может я и поумнее тебя буду! Впрочем, время покажет».

Сунув скатанный костюм под мышку, я двинул к капсуле и, сев в неё, через стыковочный шлюз покинул корабль. Приземлился я где-то в горах, подальше от всякой цивилизации, если она, конечно, существует на этой планете. Перекусив, я тут же занялся возложенной на меня миссией. Напялил костюм аборигена, накинул на плечи рюкзак для сбора образцов, взял в руки победитовый топорик-молоток да и отправился к ближайшей гряде скал. Когда я наполнил уже большую часть рюкзака, они и явились!

Я откровенно пожалел об этом. К тому времени внутри рюкзака у меня было три рубина величиной с кулак да пара изумрудов с куриное яйцо и всё отличного качества — хоть сразу пускай в огранку без всякого облагораживания. Только одно, малость, успокаивало меня: это то, что они были ростом по полтора метра. Даже самый высокий из них, а это был, без сомнения, главарь, и тот бы едва достиг мне груди, привстав на

цыпочки. Я приказал им жестом оставить меня в покое, но они почему-то не послушались.

Тогда я снял рюкзак с плеч и поставил его на камень повыше, чтобы недомерки сразу не достали. Зажав топорик-молоток уже двумя лапами, я грозно двинулся им навстречу. Но они не испугались, напротив, набросились на меня как саранча! Облепили всего словно мухи да и повалили наземь. Как я при этом не отбивался! После чего связали и, словно кабана на жерди, поволокли куда-то. Тут-то я окончательно и разобрал, что костюм мой сработан на совесть, потому как по внешнему виду от них ничем не отличался.

Долго кружили они со своей ношей, то есть со мной по горным тропинкам, видать, запутывали след. Затем всё же приволокли к какой-то пещере да и бросили вместе с жердью, как куль на землю. После чего старший пошёл уже в самую пещеру. Очевидно доложить обо мне вышестоящему начальству. Так оно и оказалось. Спустя примерно минут десять ко мне всё-таки вышел глава в сопровождении свиты. Причем, странное дело, между ног почти у всех из них что-то болталось! А у тех, кто взял меня в плен, да и у меня самого почему-то этого не было. От одного моего вида у главы, а он был самым низкорослым из всех присутствующих, не только глаза на лоб полезли, но ещё и слюни из пасти полились. А отчего — непонятно. То ли от слабоумия, а может и похуже, от самых что ни на есть каннибальских склонностей.

«Ну и попал! — расстроился я. — Эти дебилы если заживо и не сожрут, то уж точно доброго тебе по скудоумию своему вовек не сделают». И тут я взгрустнул окончательно, осознав своё не светлое будущее. Я даже слезу от расстройства пустил, чем немало удивил главного. Он сделал какой-то повелительный жест и те, у кого между ног ничего не было, без лишних слов перерезали мои путы. А за тем и вовсе всем скопом поставили на ноги. Впрочем, крепко при этом удерживая меня за доступные им части тела. Глава пристально осмотрел меня со всех сторон, потом дружески похлопал по попе. Видно, по спине ему было из-за мелкого роста несподручно. После чего жестом пригласил внутрь пещеры. Пришлось покориться. Так мы и дошли с ним, можно сказать рука об руку, к самому почётному у них месту. То есть большой нише в глубине пещеры. Внутри её стояло что-то наподобие каменного трона. Потом он с помощью одного из телохранителей с трудом взобрался на него. Мне же жестом приказал встать рядом. Вот теперь-то мы стали определённо одного роста. После чего главный обратился к толпе, как я понял, с торжественной речью. А так как я в языке жестов не силен, как, впрочем, и во всех остальных, то счёл нужным обратиться за помощью к своему электронному переводчику. Хорошо что я хоть теперь вспомнил о том, что он у меня взят с собой.

Вы не представляете, что творилось в моей душе, когда я наконец постиг полный смысл его речи. Оказывается, я ему очень понравился. И он не только не собирается меня съесть, он даже согласен взять меня к себе старшей женой, а прежнюю выгнать из племени. Выходило что те, у кого между ног что-то висело, были мужчинами, а те, у кого этого не было, — женщинами. Как я клял в эти мгновения своей жизни чёртов сирианский справочник! Да и их самих за то, что не удосужились сделать ещё одного рисунка аборигена уже другого пола.

Но ещё больше я матюкал себя за то, что решил связаться с этими плюгавенькими охотницами. Глупец, разве может мужик потягаться в коварстве с бабой. Вот и получай теперь за это по полной! Ну уж нет, только не это. Лучше уж погибнуть смертью храбрых, чем быть оприходованным, да еще таким карликом. Но почти тотчас понял, все-таки магистр природоведения, что погибнуть за идею дело нехитрое. А вот выжить с утратой чести по минимуму — дело совсем иное! И решил я посредством моего переводчика на языке жестов запутать этих мелких хлюпиков. Авось и удастся.

Для начала мне бы хоть оттянуть наступление брачной ночи. А там, может и вовсе чего путного придумаю. Чем чёрт не шутит. Возможно, не только избежну плачевной участи, а то и вовсе убегу отсюда на хрен на свой корабль! После того как главный закончил свою речь и ещё разок взглянул с плотоядным вождением на меня, я решил действовать.

На языке жестов я поблагодарил присутствующих и, в первую очередь, главного, теперь и я понял, что это их вождь, за оказанное мне доверие и честь. После чего, сославшись на то, что у меня месячные, попросил отсрочить дату церемонии. Вождь вначале заартачился, но потом вынужден был признать, что я более чем прав, так как хотел зачать наследника как можно быстрее. А в месячные, сами знаете, сделать это мудрено.

Получив некоторую передышку, я сразу начал налаживать контакты с аборигенами, надеясь с их помощью найти путь к побегу. Во время вечерней трапезы, а я столовался отдельно от вождя, так как не будучи пока ещё с ним в близких отношениях, не имел морального права принимать пищу в его присутствии, я разговорился с той самой предводительницей охотниц, так бесцеремонно пленивших меня. Она оказалась очень болтливой особой. Более того, именно она и подсказала путь к возможному успеху.

Прежде, рассказывала она, в их племени правили женщины. Но поколение назад, случилось так, что все взрослые дамы племени, внезапно умерли от неизвестной болезни. Детей же и мужчин хвороба отчего-то пощадила. И тогда, посоветовавшись, мужчины выбрали вождём самого сильного. Ведь племени нельзя без вожака. Иначе точно порядка не бу-

дет, и всё племя вскоре вымрет от междоусобиц. Этим вождём и был отец нынешнего владыки. Он был хорошим и справедливым правителем. Но пять лет назад и он отошёл в мир иной, только не от хворобы, а, скорее, по старости. Родился-то он примерно за четыре поколения до этого. Посему вождём стал его старший сын.

— Почему же на совете не избрали более достойного? — поинтересовался я.

— Насколько мне известно, так было всегда, — сказала охотница и продолжила рассказ дальше: — Только в исключительных обстоятельствах вожди избирались путём голосования.

— Но этот же не тянет быть вождём!

— А советники на что? Неужто не помогут.

— Конечно, помогут! — говорю я. — Небось женщинам обидно, что мужики теперь в племени командуют?

— Многим даже очень! Ведь они нами помыкают!

— Вот именно! Заставляют воровать для себя женщин чужого племени.

— Об этом мне неведомо. А тебя мы случайно взяли. Ты портила наше святое место!

— Как это??

— Зачем же тогда стучала топором по нашим певучим скалам?

— Я искал, искала, — поправился я, чтобы не быть прежде времени раскрытым, — ценные минералы.

— Что такое ми-не-ра-лы?

— Это то, на что можно обменять, к примеру, еду.

— И много набрала?

— Ты же видела — целый рюкзак!

— Рюкзак — это та кошёлка странного вида, что ты положила на высокий камень?

— Ага.

— Жалко, что она пропала?

— Конечно!

— Хочешь, pošлю девчат, они принесут?

— Да можно бы. Так ваш вождь все равно потом всё у меня отберёт!

— Этот может! Он захапистый. Ишь, какую краплю себе зацапал!

— Ты о его старшей жене говоришь?

— Нет, о тебе. Ты на голову выше даже её.

— Понятно теперь, почему он решил её прогнать.

— Прогнать, это ещё мягко сказано. Он её, лучше по-тихому продаст соседнему племени, что живёт по ту сторону горы. Сильные женщины всем нужны.

— Там тоже правят мужчины?

— Не, как и прежде — женщины!

— Почему же вы не позовёте их на помощь?

— Так не принято. Каждое племя само за себя.

— Эх вы!

— Знаешь, а ведь старшая жена вождя — моя младшая сестра. Я её, можно сказать, вырастила. Папа погиб на охоте ещё до её рождения. Мама же наша умерла, когда малышке было всего полпоколения.

— Надо же! И ты способна допустить, чтобы я заняла её место?

— Так, видно, хотят боги!

— Я не знаю, чего нужно вашим богам. Но лично я не хочу замуж за вашего вождя. Более того, у меня уже есть муж.

— Ты точно не из соседнего племени. У тебя разрез глаз совсем не такой. Ты откуда-то издалека.

— Точно, совсем с другого конца земли. А сюда я послана на разведку.

— Да ты ещё и шпионка?

— Тыфу ты! Это я так, к слову. Так что будем делать?

— Ты о чём?

— Спасать твою сестру и меня надо!

— А как?

— Мне устроишь побег. Тогда уж вождь вынужден будет оставить твою сестру по-прежнему старшей женой.

— Но я вряд ли смогу сделать это.

— Почему?

— Выход из пещеры охраняют стражники-мужчины. Они мне не подчиняются!

— Поговори тогда с сестрой. Может, она поможет.

— Так и ей они не подчиняются.

— Что же тогда делать?

— Хочется тебе помочь ради сестры. Даже гнева вождя не испугалась бы. Но как?

— Действительно, как? — Тут меня словно кто надоумил: — Блин, а ведь есть идея. Что если из меня сделать мужчину и провести затем в таком виде мимо стражников? Якобы, пошли, мол, поохотиться.

— Мысль неплохая. Можно было бы попробовать. Только как тебя переделать в мужчину? К тому же ростом ты аж на полголовы выше самого рослого из них.

— Это уже не твоя забота. Я что-нибудь сам придумаю. Если что, прикинусь согбенным старостью.

— Но таких не берут на охоту!

— А в качестве следопыта?

— Можно, конечно, попробовать. Но и это тебе не помогло бы. Ведь ты женщина.

— А вот это уже совсем не твоя забота. Я знаю как их обмануть. Ну так как?

— Хорошо, рискну тебе поверить на слово. Только надо идти ещё за-темно, пока вождь не проснулся.

— Как скажешь.

— Иди в свою нишу. Перед рассветом я приду за тобой.

Я и пошёл — вначале подремать чуток, а затем уже переменной пола заняться. Ну и проспал, конечно. Очнулся только тогда, когда она уже пришла и толкнула ногой в бок.

— Ну как, готов? — Спросила меня эта мужественная женщина. И хотела уж было пригласить в путь, но взглянув куда следовало, тут же поняла, что со мной определённо что-то не то. Я это сообразил по её вздоху. Тогда я тоже посмотрел туда. Надо же, а ведь я подвёл её, так и не сделав нужного дела.

— Дай-ка мне ножик, — говорю жестами я, — а сама отвернись.

Она хоть и окрысилась, но дала.

Отворачиваться же почему-то не хочет. Видать интересно ей, как я это проделаю. Тогда я, отвернувшись от неё влоботорота, чтобы ей не всё было понятно, разрезал ножом костюм медведя в том месте, где было необходимо, да и вывалил своё хозяйство наружу. И только тогда уже повернулся к ней лицом.

— Надо же, — говорит она, присмотревшись, — ты и впрямь теперь стала мужчиной. Правда причиндалы у тебя маловаты для мужика подобного роста! Впрочем, оно и понятно, ведь ты прежде была женщиной.

— Как маловаты, — думаю, — почему тогда прежде никто не говорил мне об этом?

— Чего остолбенел, пошли что ли? — говорит она и ведёт меня прочь, к выходу из пещеры.

Подожли, значит, мы, а там точно два стражника стоят, здоровенные, почти по плечо мне!

— Куда это вы? — спрашивает один из них.

— На охоту, — поясняет моя спутница. — Вождю свежатинки захотелось. Вот и следопыта взяла, чтобы дело быстрее спорилось.

Почти прошли уже мимо них. И тут второй вдруг говорит:

— Я здесь давно уж сторожу. Но никогда ещё не видел такого высокого человека!

На что первый ответил:

— А я хоть и недавно сторожу главный вход, уже и то знаю, что вождь на днях себе новую жену взял, говорят, огромного роста!

— Ну-ка, стой, — поясняют знаками уже оба, дай нам присмотреться к тебе поближе, а то темновато малость.

Ну я и сунул им под носы то самое, что они и хотели.

— Нет, это точно не женщина, — соглашаются они. — Только весь пых, видать вывесь пошёл.

Посмеялись, значит, они да и пропустили нас. Долго шли мы. Уже и рассветать стало. Наконец дошли до того места, где я оставил рюкзак.

Я и говорю ей:

— Может со мной подашься? Возвращаться опасно — как ты объяснишь пропажу невесты вождя?

— А может она сама убежала, колдунья, мол, была.

— Ладно, — говорю, — а как быть со следопытом очень высокого роста, его-то исчезновение чем объяснишь?

— А ведь верно, — соглашается она. — Я в горячке и не подумала об этом, так хотелось сестре и тебе заодно помочь!

— Вот потому и говорю, пошли со мной. Если что, то и со службы уволюсь, нежели мой капитан против твоего присутствия на борту возражать станет.

— А ведь ты точно не нашего рода, — заявляет она!

— Верно, — говорю, — как догадалась?

— Так солнце почти уже встало, а зрение у меня ещё хорошее.

И снова глядит в ту же самую точку, что и во время моей побудки. Тогда я наконец снимаю с себя медвежью голову и предстаю перед ней в истинном своём виде гориллы-переростка с планеты Земля. Она едва не падает в обморок, ослеплённая моею величием! Кажись, вот и вся история моего побега из плена.

В заключение остаётся добавить лишь одно. Капитану моему она понравилась не столько внешним видом, сколь своей молчаливостью и трудолюбием. И спустя неделю он все-таки дал согласие на её присутствие в составе экспедиции. Вскоре мы с ней сильно сдружились. А потом и вовсе даже поженились. И хотя отпрысков у нас нет, живём мы вполне счастливо.

Вождя же того вскоре свергли. И снова в племени воцарили женщины во главе с сестрой моей жены. Почему я об этом знаю? Так мы с супругой тоже были в составе делегации, заключавшей главный договор с вождями местных племён о совместной разработке полезных ископаемых их планеты.

15.01.2020

Апостолоп

Капитан первого ранга Политиков слыл толковым воякой, иначе бы он не дослужился до командира атомной подлодки. Поговаривали, что его должны были скоро назначить даже на должность начальника штаба дивизии. Так как прежний недавно вышел на пенсию. И вот на тебе, такой казус!

Случилось же вот что. Гуляя как-то по набережной с пятилетним внуком Колей, он любил брать его с собой на такие прогулки — очень уж нравилось мальчонке как встреченные ими моряки отдают его дедушке честь первыми. Да и как этого было им не сделать, ведь в их городе был всего лишь один адмирал, да и тот с одной звездой, который занимал с семьёй целый особняк и передвигался в основном на машине с эскортом. И вот в тот самый день им попался навстречу приятного вида капитан второго ранга, который, увидев Политикова, сделал вид, что не заметил его. И не отдав честь, ловко прошмыгнул мимо. Внуку это не понравилось и он обозвал офицера апостолопом. Но тот даже не обернулся. Пока дед успокаивал обиженного ребёнка, след капитана второго ранга и вообще затерялся в неизвестности. Так что права качать было уже поздно. И когда примерно через неделю на совещании командиров кораблей у командира дивизии им был представлен новый начальник штаба, настроение Политикова от этого нерадостного известия испортилось даже не вдвойне, а втройне. Ибо это оказался тот самый капитан второго ранга. Который, кстати, тоже узнал его, потому что до этого, как он сказал, никто из детей ни разу не называл его подобным мудрёным словом. И когда спустя полгода Политиков всё же вышел в отставку, увы, по выслуге лет, он уже предпочитал прогуливаться по набережной в одиночку. Как говорится — «береженого и Бог бережёт». Не то, неровен час, из-за Коленки ещё и пенсию подрежут. Да, где-то он всё-таки допустил просчёты в его воспитании. А ведь, кажется, делал всё по уставу!

28.07.2019

Когда-то

Когда-то. А когда? Да кто его знает! Лично я могу лишь предполагать, что это всё-таки было. Жил да был один человек, не сохранилось даже его имени. Потому что, видно, не стоит о нём и помнить. А ведь им мог быть кто-нибудь и из моих далёких предков. Ведь мы о них, в сущности, не знаем почти ничего. А не мешало бы знать свою родословную, хотя бы на несколько поколений вглубь, а не помнить только, как

обычно принято, максимум имя хоть кого-то из своих прадедушек да прабабушек.

Однажды тёмной осенней ночью Предок мой, осторожно раздвинув ветви, наблюдал с вершины дерева за полётом летучих лисиц, устремлявшихся на очередную охоту за фруктами. В лунном свете они скорее походили на демонов, чем на обычных животных. И подумал, глядя на это, мой Предок о том, что хорошо бы и ему вот так взвиться в небо и долго парить одному вдаль от своих собратьев. Ведь что они в сущности, одно лишь ЧМО шерстлявое, способное лишь обижать ближнего в угоду личным интересам. Будь даже те (интересы) в сущности своей ничтожны в сравнении с проблемами их общества в целом.

Ведь в роще почти не осталось деревьев, пригодных для заселения. Переместиться в другое же место вряд ли удастся. Так как остальные лесистые места давно вырублены под корень безволосыми пришельцами. Коли так пойдёт дальше, то их роще вскорости тоже придёт конец. Когда тем понадобится новая древесина для возведения их жилищ. Вот досада, не могут что ли жить на деревьях как все нормальные люди. Тогда бы мы с ними хоть конфликтовали за место под солнцем. Может, даже дрались бы. А так что? Им польза, а нам один лишь вред!

Ох, жизнь моя горемычная! Раз взлететь я не могу. Нет у меня крыльев, да и не вырастут уже похоже. Зато есть аж четыре конечности, при помощи которых я могу лазать по деревьям. Да роще нашей, точно, вскоре пипец. Вчера ночью я разглядел вдалеке силуэт очень похожий по виду на одного из безволосых. Выходит, уже и сюда добрались, подлюги. Значит, скоро, если я, конечно, не ошибся, начнётся серьёзная бойня! Ибо на кону будет стоять вопрос выживания! Договориться вряд ли удастся. А я так не люблю стычек, даже мелких. Может мне взять да и снова спустится на землю, но уже навсегда? Вдруг она не так опасна, как её малюют наши колдуны. Нет, пожалуй, лучше подождать, может я видел не силуэт безволосого.

Но он не ошибся. Спустя несколько дней ему все-таки пришлось сделать это. Боже, сколько же он протопал в тот день, только бы быть подальше от места развернувшегося сражения! И хотя он чаще двигался на четырёх конечностях, так ему было сподручнее, в мимике его морды определённо уже проглядывало что-то человеческое.

Как жаль, что мы не знаем имён подобных личностей. Благодаря поступкам которых Человеческая цивилизация и достигла таких огромных успехов. Но то, что мы всегда будем помнить о том, что они всё же были, это, несомненно. И память эта, похоже, генная. А она не возникает на пустом месте.

30.10.2019

Маленькие гадости

- Моисей Соломонович, как вы похорошели!
- Да неужто?
- А уж как помолодели, даже завидки берут.
- Может, и есть немного. Я ведь теперь спортом занимаюсь. Бегаю по утрам и в бассейн хожу по воскресениям.
- Надо же. А парик-то у вас какой! Где достали?

13.12.2019

Семьдесят семь

Иван Павлович собак не любил, потому как появился на свет в год тигра. А сами знаете — кошка с собакой не ладят испокон века. Так вот, шёл как-то этот самый Иван по аллее парка, что начинается в аккурат за его домом. Идёт, значит, он и, потому что у него сегодня хорошее настроение, встречным от мала до велика улыбается. На него иные уже и засматриваться начинают. Чего это, мол, дедушка делает. Неужто, бедненький, совсем спятил от жизни теперешней лихоманской. Ведь не станет же обычный человек улыбаться кому попало. Он и со знакомыми-то старается здороваться через раз. В особенности, когда понимает, что его те просто не замечают.

А дедушка и не спятил вовсе! Просто он решил наконец-то подобрать, пока окончательно не поздно. Ибо сегодня ему стукнуло ровно 77 годов. Число, сами понимаете, особенное. И хотя это тебе не три семёрки, впрочем, столько и не живут даже черепахи. Но всё-таки дата несомненно знаковая в жизни каждого злого человека. Вот он и решил отметить её по-особенному. То есть стать отныне совсем иным.

Не только не собачиться больше никогда с соседями по площадке, но и вообще даже слова грубого никому более не сказать.

И вот идёт он цветущей такой походкой уже по одной из боковых аллеек и видит — навстречу ему движется симпатичная дамочка бальзаковского возраста с собачкой. Плюгавеньким таким кобельком породы чихуахуа. Ну, улыбнулся, значит, он ей как можно шире, чтобы она поняла, что он не жалеет денег даже на дантиста. Да и отправился дальше по аллейке совершать променады. Но не прошёл он и десяти шагов, как неожиданно почувствовал сзади некий подвох. А когда понял в чём дело — было уже поздно.

Чёртов кобель-недомерок словно бульдог вцепился ему мёртвой хваткой в лодыжку. Да так, что едва не насквозь прокусил ботинок. И ви-

сел на нём, вражина, почти до самого полицейского участка. Лишь на ступеньках крыльца разжал челюсти и скрылся быстрее ветра в неизвестном направлении. Вслед за ним поспешила и хозяйка истошно вопя: «Тузик, куда ты, стой, так ведь нечестно!».

Вот и вся история. Не бежать же в самом деле вслед за ними и самому Ивану Павловичу. Ему хватило и того, что хоть кто-то из этой пары все же признал свою вину. Да и не догнал бы. Собака всяко бежит быстрее его, даже такая маленькая. Вот и думай после этого, а стоит ли и дальше продолжать улыбаться каждому встречному. Вдруг кто-либо вновь истолкует твою улыбочку неправильно.

30.10.2019

Да здравствует!

Мы, богатые люди, очень уважаем нашего президента Владимира Владимировича. Хотя для бедных он сделал больше! А всё потому, что понимаем (о том), что без сильной руки его мы только пыль под ногами человечества, а не горные вершины, на которые взобраться простому смертному, даже при специальной для этого подготовке, ну никак невозможно. Потому что ему просто не позволят этого сделать! Ведь именно дресс-код и есть главный двигатель прогресса общества. Поэтому, что позволено Юпитеру, то вряд ли сойдёт с «рук» быку.

Да, В. В. — поистине Человечище, хотя бы уже потому, что не делает ничего лишнего. Да и вообще всё у него идёт соответственно законам природы. То есть — самотёком. И это очень правильно! Если что-либо пошло не так, то, ясное дело, виноват не он, а сама мать-Природа! Ну, а на неё обижаются одни лишь дураки. Но мы-то — Россияне, люди толковые! Вон сколько дел наворотили за 28 лет новой власти. Ленину со Сталиным и тем, небось, завидно бы стало, увидь они наши достижения. А ведь какие порядочные люди были!! А коли что в этих начинаниях действительно выходит по-путному, то все заслуги приписываются лишь самому В. В., будто бы мать Природа и не принимала в этом участия. Видимо, в том и есть главное величие нашего президента, чтобы уметь всегда быть в струе, даже плывя против течения.

За это, смело скажу, немалое величие мы и молимся на него! Жаль, что бедные люди не всегда полностью осознают то, в каком они прозябают сейчас гениальном времени! Понимали бы, может, тогда и жить лучше стали. Ведь, коли за идею пострадать порой незазорно, то уж за праведное дело можно и вовсе голову на рельсы положить. И не только простому человеку! Вспомните того же Ельцина.

«Но ведь не положил же!» — могут возразить мне. Уж поверьте, точно бы положил, да только случай для этого почему-то не представился.

Так что, да здравствует Путин Владимир Владимирович! Наш Идол, а заодно и заступник всех обездоленных, впрочем, и не только. Ведь пока он у власти нам, богатым, есть чем заняться!

20.03.2020

Мужчина хоть куда

Несмотря на свои хорошо «за», Владимир Владимирович был еще мужчина хоть куда. Потому и нравился женщинам не только бальзаковского возраста, но и гораздо моложе. Чем беззастенчиво и пользовался. В этом деле он насобачился так, что дурил голову даже двадцатилетним, особенно тем, чьи родители могли баловать свое чадо серьёзными баблосами. И однажды он, благодаря своему искусству, сумел учудить такой номер, о котором не могли забыть долгие годы. Ибо это было поистине нечто.

Ему удалось по совету нужных людей познакомиться с дочерью ныне уже покойного, но в прошлом очень известного питерского деятеля. Едва ли не лучшего приятеля тогдашнего мэра — человека хотя и беспринципного, но горой стоящего за своих. И так удачно наш герой амурничал с дочерью этого деятеля, что, можно сказать, буквально разул ее догола в финансовом смысле. Как он мог это проделать с умненькой да еще и набалованной девушкой, лично мне не понятно. Видать и вправду он обладал каким-то исключительным природным даром.

Оказавшись без нужных средств, девица, ясное дело, сразу занервничала. И стала просить добавки у папы с мамой. Но и этого оказалось, в конце концов, недостаточно для ее прожорливого обожателя. Тогда она решила поплакаться своей бабушке по матери. Ибо папа её был круглым сиротой и воспитывался в детдоме. Муж же маминой мамы Тельман Залманович год как скончался. Ведь был он как-никак олигарх, к тому же добрейшей души человек. Не то, что его теперь уже вдова бабушка Софья. После того, как бабушка платочком утерла внучке выбежавшие в порыве нервного экстаза из глаз на щеки слезы, а заодно и поправив свою пышную прическу, состоящую из парика с приделанным к нему пышным шиньоном, она сказала внучке такую фразу: «Денег, значит, просишь? Познакомь-ка его сначала со мной, а там я сама уж прикину, что делать». На том и порешили.

Денег-то она внучке в итоге дала даже больше, чем та просила, но зато и ухажера внучкиного тоже к рукам прибрала. Да так, что он запыхал те-

перь уже к ней такой страстью, что если бы бабушка не согласилась выйти за него замуж, он бы точно повесился. А ведь ему было уже пятьдесят девять лет, ну а ей примерно в полтора раза больше.

Вот что значит настоящая любовь. Она наверняка бывает лишь раз в жизни. Ради неё человек готов поступиться всем, чем угодно, даже прежней любовью. Но посылается она Богом далеко не всем, а только избранным. Вот почему обычные люди еще долго помнили от зависти это, прямо скажем, неординарное событие.

23.09.2020 г.

Косметолог

Я сам косметикой никогда не пользуюсь. Да и зачем? И без неё выгляжу лет на десять моложе своего возраста. Но при этом хорошо понимаю, что иным без косметических средств — просто труба! Особенно женщинам. И тут у них аж два плюса.

Во-первых. За помощью её они становятся красивее, ведь даже умело наведённые тени и то иногда много значат. А уж прочие штучки, так те и вовсе превращают их, как в сказке Шарля Перро, из Золушки в принцессу.

Во-вторых. А это, пожалуй, главное. Косметика позволяет им выглядеть гораздо моложе своих лет! Ведь кремы, маски и даже лосьоны не только делают кожу упругой, но ещё и морщины разглаживают.

Вот и решил поэтому я, выйдя на пенсию, для подработки заняться торговлей косметикой. На пенсию Путина, сами знаете, не пощикуешь! Её едва на оплату коммунальных услуг хватает. А живу-то я более чем скромно, всего лишь трёхкомнатная «сталинка». А ведь ещё и на прокорм надо.

Но с чего же мне начать свой путь косметолога? По мне всякий, кто имеет отношение к косметике и есть косметолог! А не только тот, кто, возомнив себя врачом, даёт советы направо и налево, чем и как кому пользоваться, чтобы выглядеть красивее, а заодно и моложе. Да торгаш даже больше достоин этого звания. Ведь ему свой продукт надо обязательно распродать, а иначе враз разоришься. Тут уж точно одними рекомендациями не отделаешься. Здесь на личном примере всё подтверждать необходимо. Или хотя бы умело делать вид, чтобы сразу чего плохого не подумали.

Вначале дела у меня шли хорошо. Все видели, как я прекрасно выгляжу для своих лет, потому даже на слово верили. Порой приобретали у меня то, что у других косметологов не брали никогда. Но через пару годков клиенты стали, как им казалось, понимать, что что-то здесь определённо не так. Они, пользуясь купленной у меня продукцией, начина-

ют всё же замечать, что число морщин у них с каждым днём не только не уменьшается, а, похоже, и вовсе начинает увеличиваться! Я же по-прежнему свеж, как огурчик! Не одной лишней морщинки, и это в шестьдесят два года! Да это же просто возмутительно!!

Короче, стали самые ушлые из них, то есть дамочки, допытываться у меня почему это, мол, они стареют, а я нет? Пришлось сознаться (иначе они грозились вообще перестать покупать), что сам никогда в жизни не пользовался не только косметикой, но и с мылом-то лицо мыл лишь в детстве, когда мама заставляла. А так, помочил утречком водой пальчик, затем глазки им же протёр, вот и вся процедура! Услышав такую, как им показалось, наглую ложь, тётеньки не только не сдержали своего слова относительно покупок, они напоследок ещё и накостыляли мне, да так, что с неделю из дома ни ногой! Бодягой фингалы выводил. Вот и доверяй после это дамам, зверьё да и только!

И тогда я, долго не думая, решил заняться распространением косметики среди детей без ведома их родителей. Ибо не мыслил себя уже без этого ремесла, так как ничто иное подобных денег не приносило, даже сочинительство стихов к торжественным случаям и рисование злобных карикатур и дружеских шаржей по заказу.

Но так как я понимал (ведь я вырос в семье военнослужащего, то есть был уже с раннего детства совестливым), что детей обманывать подло, то решил не паривать им остатки своей продукции для взрослых. А в срочном порядке поменял их с убытком на косметику для маленьких.

Не поверите, но, оказывается, заграничным детям, можно сказать, просто необходимо применять косметику буквально с тех пор, как они научились ходить, а заодно и говорить! У нас же кремами, да и то мамиными, начинают девочки пользоваться лишь в старших классах! Хотя брови и реснички кое-кто уже и в начальной школе пробует приукрасить. Отсталая страна мы все-таки! Так я и ходил по школам да гимназиям под видом пожарного инспектора — ксива у меня была хорошая, за сто баксов покупал, — до тех пор, пока не напоролся на одну ушлую директрису, которая после того, как я отказал ей в доле, наябедничала на меня почему-то не в пожарную инспекцию, а сразу в налоговую. Вот и выписывай после этого ксиву на своё настоящее имя. Уж поверьте, подобное бахвальство точно неуместно.

Ну и взяли меня за жабры. Спасло лишь то, что их начальник добрейшей души человеком оказался. Наверное оттого, что многодетный отец. У него пять дочерей школьного возраста и все, как я понял, будущие красавицы! Поэтому, сам понимаешь, друг ты мой, товарищ нарушитель, отдай-ка мне свой товар, а уж я найду ему применение! Знаете, с радостью отдал. Так уж воспитан. Люблю делать добро людям, если есть для этого возмож-

ность. Даже обещал еще принести, уже после того, как меня отпустят, ясное дело, без последствий. Подумав, он согласился. Ну, я и пошёл.

А после носил ему регулярно в течение пяти лет эти самые тубики да баночки с детской косметикой до тех пор, пока он не вышел на пенсию. Потом он уже не просил. Хотя мог бы и позвонить. Я бы обязательно сделал ему скидку. Вскоре я бы уже окончательно забыл об этом человеке, если бы не одно «но». Где-то примерно за пару дней до моего семидесятого дня рождения пошёл я в магазин, закупить себе продуктов к праздничному столу. Икорки чёрной, коньячка французского, балычка из палтуса, шоколадных конфет ручной работы, ну и прочей там дорогостоящей дребедени. Стою в очереди на оплату. Вдруг чувствую, что кто-то, ласково тронув меня за плечо, говорит мне в ухо бархатым женским голосом, а заодно помогает поддержать корзинку, чтобы от неожиданности из рук не вывалилась:

— А я вас узнала!

Оборачиваюсь на звук. Мать моя! Передо мной стоит шикарная малышка лет двадцати. Как оказалось впоследствии — шестнадцати.

— Вы кто? — спрашиваю я, любясь её красотой.

И было чем. Один её макияж стоил не меньше ста евро!

— Я Клара, дочь Ивана Ивановича.

— Неужели! А какого?

— Да того самого! Бывшего начальника налоговой инспекции.

— И как он там?

— Сейчас всё больше на даче. Помидоры какие-то новые изобретает. Ну а вы сами-то как? Вижу, что ещё молодцом! Видать и вам косметика идёт в толк.

— Нет, я уже не торгую, хватит.

— Но видать всё еще пользуетесь.

Хотел я было ей сказать, что никогда не пользовался косметикой и моложавость моя природная. Но взглянув на неё повнимательнее, решил, нет, нельзя ей говорить правды, ведь это я, пусть и косвенно, повинен в том, что собственный папа приучил её к ней уже с детства. А ведь мог бы, балбес, и не делать этого. Мало ли чего другие люди говорят. Неужто у тебя самого мозгов не имеется? Не поймёт она этого, только расстроится зря.

— Конечно пользуюсь, — говорю, — без косметики мне уже нельзя! Но я в основном кремами да масками, чтобы морщин поменьше было.

— Вижу, сильно вам помогает. Лет на десять моложе, чем надо выглядите!

— Спасибо за комплимент, Кларочка! Как у самой дела?

— Вчера ЕГЭ на отлично сдала. Теперь вот собираюсь поступать в институт косметологии!

— В Питере уже и такой есть??

— Да! Два года как открыли. Находится в Кронштадте. — После чего, взглянув на мои часы, говорит: — Ой, мне уже пора! На свидание опаздываю. Может, ещё и свидимся когда-нибудь.

— Обязательно свидимся, — говорю я.

— Спасибо вам за то, что именно вы помогли мне определиться с выбором профессии.

Сказав это, она смачно поцеловала меня в щёку и тут же птичкой выпорхнула из магазина! Похоже, точно куда-то спешила.

Я же, заплатив кассирше за товар, двинул до своей хаты. По дороге с грустью размышляя о том, что всё лучшее в моей жизни, скорее всего, уже позади!

20.08.2020

Эх, старость, старость!

Эх, старость, щука ты подлая! Сил уж нет даже на пакости, а душа по-прежнему желает творить. Вот потому, собрав последний остаток, я медленно двинул к компу. Кое-как залез в кресло и принялся шустрить на сайтах знакомств, прикидываясь молодым да здоровым «кобелём», озабоченным поиском верной подруги. Фотографии в сеть в этот раз я выложил свои, тридцатилетней давности. Те, когда бравым полковником пехоты вышел на пенсию. Ну и полагал, что радостное да радужное у меня по-прежнему впереди. Но жизнь быстро расставила всё по своим местам. Уже через десяток лет я поиздержался настолько, что стал попросту никому не нужен. Ведь поить преданных друзей и ублажать якобы влюблённых в меня дам мне стало уже не на что. Все свои армейские значки, скопленные плодами каторжных трудов в течение не одного десятилетия, я к этому времени уж профукал.

Так что теперь мне оставалась лишь одно — развлекаться на свою пенсию. А это не бог весь что, даже на пенсию полковника. Вот и пришлось мне заняться освоением Инета. Он тогда только начал появляться и у нас. Вначале я базировался в основном на интеллектуальных сайтах, типа «Стихи» и «Проза.ру» или «Пенсионер — это круто!», где действительно мог показать на что ещё по-прежнему способен. То есть сочинить запросто стишок на спор, причем на любую тему, написать в один присест повесть не менее ста страниц, ну и показать, что я, пусть и пенсионер, а всё ещё эрудированный человек. Но и это наскучило мне вскорости оттого, что немного там можно было подзаработать. Литераторы и эрудиты, как оказалось, народ более чем прижимистый!

И я перешёл на сайты знакомств. Это было дело, как я понял, верное. Бабушки обожали бывших полковников. С молодыми я предпочитал не связываться. Пусть их ублажают лейтенанты. У тех ведь только одна любовь на уме. Ну а мне пора подумывать уже и о чем-либо более серьёзном. А среди старушек есть очень даже зажиточные.

Так я и пользовался услугами любительниц настоящих полковников, пусть и в отставке! Долго пользовался, сумел даже разбогатеть чуток от их щедрот. Но прибиться на постоянное довольствие к какой-нибудь миллионерше на пенсии так и не смог. Всё, понимаешь ли, счастья малость не хватало! То сын, получивший пожизненное, домой всё-таки вернулся, то внук какой-то в тропических странах наконец отыскался, а то и вовсе, взяла да и влюбилась в молодого! Тётеньки ведь не головой думают, а совсем иным местом.

Похоже, наступают мои последние дни и на сайтах знакомств. На очные ставки я уже не ходок! А заниматься одной перепиской в моём возрасте может уже и глупо. Для чего мне это? Если только ради интереса. Чтобы хоть под занавес понял, что такое платоническая любовь. Ладно, напишу ещё одно письмо какой-нибудь озабоченной бабушке — и баста! Буду лучше на балконе сидеть. Он у меня всё равно застеклён. Так что никто меня посторонним взглядом не сглазит. Да попивая пивко, на мир за окном буду поглядывать. Там ведь столько интересного! Ну всё, кажись, с письмом закончил. Значит, теперь срочно глядеть в окно, пока не стемнело.

Надо же. Вот идиоты! Хорошо, что пока ещё только дети. Ну зачем в белочек из рогаток пулять?! Для таких дел можно мишень и из бумаги сварганить. Или на дереве мелом начиркать. Впрочем, всё же интересно, кто же первым из них попадёт? Думаю, вон тот, рыжий с веснушками лет семи, не более, а уже какой скотина!

Эх, молодость, молодость! Как ты ещё глупа. Эх, старость, старость! Какая все-таки ты штука странная. Сил уж нет, а блудить по-прежнему тянет!

24.08.2020

Только не убивай!

Вырос я в семье военнослужащего, поэтому с измальства был приучен к труду и доброте! Помню, уже в пять лет я переводил старушек через дорогу. Светофоров тогда ещё было мало. А старушек ведь их всегда много. К десяти годам я настолько повзрослел, что теперь не только помогал одним старушкам, но и дамочкам помоложе. Носил им авоськи,

иногда до самого дома. С такими амбициями я к пятнадцати годам превратился в настоящего женского угодника. Готового, можно сказать, на всё ради одной доброй улыбки или воздушного поцелуя какой-нибудь очередной Дульсинеи.

Окончив школу, я попытался поступить в военное училище, как это некогда делали мои предки. Но ничего не вышло, подвело зрение. Не то мог бы стать офицером аж в четвёртом поколении! Не попал в училище, я всё же ухитрился поступить в Политехнический. Папа посодействовал. Он у меня был человек со связями. Правда, на вечернее отделение. Но и на том, как говорится, спасибо! К сожалению, такая форма обучения не давала отсрочки от армии. И я загребмел через год, осенью, на Балтийский флот. Не помогло и то, что у меня были дистрофия и плохое зрение. Врач-отставник письменно подтвердил, что в очках у меня видимость сто процентов. Хотя это была явная неправда! У меня правый глаз, даже при плюс восьми, никогда больше 0,6 не тянул. Что же касается недостатка в весе тела, то мне не хватает целого килограмма для того, чтобы быть признанным негодным к воинской службе. Да и отъежся я, мол, обязательно ещё в учебном отряде. А ведь я говорил ему о том, что страдаю запорами. И не был почти целую неделю там, где нужно. Но куда там, даже слушать не стал!

Папа мой был очень огорчён тем, что меня всё-таки призвали. Поговорив по душам с военкомом, он смог добиться лишь того, что меня определили не в часть обслуживающую вертолётный полк, стоящий под Балтийском, а направили в Пожарную школу в городе Кронштадте. Где я, получив звание младшего сержанта, был отправлен уже в воинскую часть. Где доблестно и прокантовался полтора года. После чего, по истечению срока службы, был отправлен в запас.

Не поверите, я был ничуть не огорчён тем, что отслужил в армии. Во-первых, она мне много дала, эта служба: я заматерел, а заодно и поумнел. К тому же, поднабрался жизненного опыта. Теперь-то я действительно знал, почём ныне фунт лиха. Прежде я мог это лишь предполагать. Во-вторых, форму-то я носил флотскую! То есть, не сапоги и портянки, а ботинки да носки. И прослужил при этом не три, а всего два года!

Поступив на работу простым слесарем (на большее я тогда был просто не способен), я продолжил обучение в СЗПИ по специальности инженер-механик по двигателям внутреннего сгорания. Коею специальностью благополучно и приобрёл спустя шесть лет. Окончив институт, я решил устроится уже по специальности. И так как профиль у меня был широкий — от корабельных двигателей до автомобильных, включая как дизеля, так и двигатели внутреннего сгорания, — то я и пристроился в автопарк поближе к дому. Жили мы тогда уже в Ленинграде. Папа сумел

таки перевестись из Кронштадтского гарнизона в Ленинградскую Военно-морскую базу! Работал я старшим инженером технического отдела. Начальник у меня был дядька добрый и работающий. Он по-своему жалел меня. Поручал мне вначале лишь простенькие дела. Предпочитал всю серьёзную работу делать сам.

Наконец изучив, как ему показалось, мои возможности, он и вовсе определил меня на рационализацию и новую технику. Посчитав, что так будет всяко лучше. Он не ошибся! Уже за первый год работы только один я придумал и внес не менее двадцати рацпредложений, а по общему их числу и произведённому ими экономическому эффекту мы сумели взобраться даже на пьедестал! Сказать точнее, заняли второе место среди парков своего управления. Короче, за три года моей работы в этой должности нашей конторой были взяты второе, первое и третье место по дизайну представленными на годовых конференциях стендами. Помимо этого, дважды были на втором месте по экономическому эффекту. А один раз и вовсе заняли третье место в самом Главке — тоже по дизайну, куда входило пять управлений и примерно двести парков! И всё это благодаря моим способностям и чуткости начальника технического отдела.

А потом я случайно попал в вытрезвитель и мне пришлось уйти из-за разногласий с Главным инженером. Он, видишь ли, сам-то сильно зашибал, но подчинённым этого не позволял. Тут же, понимаешь ли, целый вытрезвитель. И у кого? У передовика производства! Так что уходика ты, дружок, пока не поздно в другое место, по собственному желанию. Иначе потом стыда из-за тебя нагребёшь. Ведь, как говорится, стоит только начать!

Понял я его. А как понял, то и запросился сразу в Управление на повышение. Ясное дело, меня взяли! Они же не знали о том, что я только что из вытрезвителя. Новый начальник отдела кадров, чтобы не портить статистику, дал мне хорошую характеристику, которую подписал сам директор. Да и знали меня в управлении. Особенно в технологическом отделе, где и заведовали помимо технологий ещё и рационализациями с новой техникой. Сам папа гроссмейстера Салова — он тогда и был там начальником — мне руку пожал, поздравляя с вступлением в должность старшего инженера по новой технике.

Там я проработал в этой должности около года. Неплохо работал, квартальные премии регулярно получал. А потом неожиданно случилась реорганизация, а по мне — и вовсе реформа в Главке. Горбачёв дико шустроил первые годы после того, как его избрали. А перед тем, как сняли, совсем озверел! И сделали в его угоду из одного автотранспортного главка два! Пассажирское автотранспортное управление и Промышленное ав-

тотранспортное управление. В него-то я и попал работать уже в качестве рядового инженера.

Работы на новом месте как таковой не было. Сидели, чаи гоняли! Впрочем, мужиков иногда всё же посылали на проверки в парки, чтобы хоть как-то обозначить существование конторы. Потом половину из нас, конечно же, сократили. Правда, с предоставлением взамен другой работы. Меня направляли то в гараж Обкома, то в транспортное управление Ленгорисполкома. И везде со мной вежливо беседовали и вроде как брали. Но потом оказывалось, что место уже занято. Извините, ошибочка, мол, вышла!

И сумели меня таки пристроить лишь в транспортный цех «Орбиты» — сервиса по ремонту телевизоров и бытовой техники. Да и то, чисто случайно! Прежний работник на повышение пошёл, вот меня и взяли на его место. Оклад там был хороший, на целых шестьдесят рублей больше! Кажись, и премиальные были. Но и там я продержался всего полгода. Хотя вроде как на неплохом счету был. До тех пор, пока начальник сервиса меня на своего тестя не заменил, вышедшего только что на пенсию. Я вначале было заартачился, чтобы предложили что-либо иное. Но они пригрозили статьёй, и я сдался, написал по собственному желанию. И даже без отработки был выставлен сразу же за дверь! Такие тогда были лихие времена! Закат эпохи Горбачёва.

Больше на работу в госучреждение я уже не пошёл. Решил организовать шарагу сам. Ведь в это время пошли уже первые кооперативы. Но одно дело — думать, и совсем уже иное — делать! Как не бился, так и не смог я организовать собственного кооператива. Лишь впустую потратил немало денег на юристов да и всяких там исполкомовских прихлебателей. Пришлось поступить в напарники к одному знакомому из Сестрорецка, тоже поэту-любителю, прошедшему платный курс у самого Сосноры!

Председатель нашего кооператива оказался нормальным пацаном. И конечно, человеком талантливым. Как и всякий горький пьяница! Развернули мы деятельность бурную. Торговали чем придётся. Но лучше всего получалось книгами. Работы было столько, что появилась необходимость укрупниться. Вот тут-то я и допустил роковую оплошность. Не только записал в члены кооператива своего приятеля Гришу. В нём-то я был уверен, но и пару малознакомых маклаков с книжной ярмарки, что тогда находилась в клубе Водоканала рядом со Смольным. И которой командовал Ося, одноклассник известного питерского артиста Лосева. Кто мне их подсунул, уж и не помню. Знаю лишь одно, что один из них по имени Вован был бывшим военным, капитаном интендантской службы. Рискнувшим уволиться из армии в поисках новой, ещё более успешной жизни.

Ну, а раз я сам сын военного, то, стало быть, не могу не иметь доверия к подобному человеку. Вот и вписал его не только в сам кооператив, так ещё и уговорил председателя сделать его членом правления! Тут-то и началась самая гадость. Этот Вован Васильев был, может, человек в целом и неплохой, но с явным душком. Он не только на своей чёртовой службе привык работать как вол на пашне, то есть начинать рано по утру и заканчивать глубоким уж вечером. Он ещё и предпочитал командовать нами, ссылаясь на то, что он кадровый офицер и посему умеет делать это! Зарабатывали в нашем «Хобби» мы более чем хорошо! Одна только точка на станции метрополитена «Лесная» давала, с учётом выплаты аренды, не менее трёх тысяч в день чистогана. Так что в месяц выходило примерно 90 тонн и это — в 1989 году! Когда средняя зарплата по стране была двести рублей в месяц.

Поэтому я, председатель да и Гришка не знали куда девать деньги. Вовану же этого было мало! Он мечтал о кооперативной трёхкомнатной квартире, ибо ютился с женой и дочерью у тёщи с тестем в двухкомнатной. А может и вовсе снимал её у кого-то и врал про то, что живёт с тещей. И достал он нас таки, в конце концов, после того, как мы всей шоблой съездили на машине с нашим товаром по обмену фондами с коллегами из Москвы и Минска. С Минска-то мы привезли то, что и хотели, даже отказавшись брать залежавшийся товар на реализацию. Зато в Москве этот «красавчик», пока я к родственникам заезжал, сумел-таки отличиться! Взял целых две фуры в долг, как ему показалось, с нужной литературой. Тогда давали в долг товар и фурами. Потому что не знали такого понятия, как инфляция. Более того, он сам, без разрешения, поставил подпись и печать на документы! Вот и доверяй после этого людям. Позже он, конечно, оправдывался перед председателем тем, что это дело верное. Нет, он не обманывал. Заработать действительно на этом было можно много. Но надо было для этого очень потрудиться и понервничать не один месяц. Через некоторое время я не выдержал и всё ему высказал. Председатель в это время был в очередной творческой командировке под названием запой. Выслушав меня внимательно, капитан Васильев, долго не думая, попытался вызвать меня на кулачки. Но я вежливо отказался. Тогда он пообещал нам с Григорием выплатить вперёд наши доли, лишь бы мы ушли из кооператива.

— Ага, — говорю я, — и организовали свой?

— Можно и так, — говорит он и достаёт из кармана пачку баксов. А доллар — он и в СССР доллар!

В те дни за спекуляцию валютой не так уж строго трепали. Пришлось согласиться. Получили мы с Гришей, я пятнадцать тысяч зелёных, а он десять да и убрались по-доброму, пока ушлый Вовчик не передумал.

Затем он и председателя уделал. Подсунул ему бабу, которая обвинила его в изнасиловании. И поставил вопрос ребром: либо уходи, либо иди в тюрьму за совершённое свинство. Пришлось и тому уйти! Только с долей Вова его сильно «нагрел», едва на иномарку хватило. Пьянь, а туда же — за руль! А ведь это председатель, а не какое-то там фуфло! Видать, бабе за работу хорошо дал.

Вообще-то Вова Васильев был не жадный. Просто любил, чтобы его считали за главного. И ради этого был готов на многое, даже расстаться с последним баблом. Потому и толк из него потом вышел. Стал не только председателем «ООО Скат» — одного из элитных поставщиков канцелярии в магазины Санкт-Петербурга, — так ещё и купил в Невеле фабрику по переработке макулатуры. Причем всё лишь на свои собственные средства.

Я же к тому времени так ничего и не добился. Капитал свой не только не увеличил, а можно сказать, наполовину профукал. Наконец, надоело мне заниматься книгами. Ведь их уже примерно к 1995 году стали брать значительно хуже. Наелись, видать. А в кризис девяносто восьмого и вовсе перестали. И решил я торговать картинами. Благо, сам рисовал неплохо. Дешёвые картины тогда неплохо покупали. Иногда удавалось продавать даже самым сработанные, подешевле, конечно, чем остальные, но всё равно приятно.

Воспользовался я, значит, тем, что доллар сильно пошёл вверх вопреки прогнозам Ельцина. Правда, не дотерпел как надо, по десять рублей слил. Хорошо, что хоть только половину от имевшихся. Да и накопил картин у знакомых мне живописцев, думал, так будет вернее. Связи-то я быстро завожу. Говорить умею ладно, ну и собой пригож. Я и сейчас еще собой иногда в зеркало люблюсь. А ведь прошло с тех пор уже двадцать девять лет! По мне я всё тот же, лишь волос на голове поменьше стало. Это потому, что сильно поумнел за эти годы. Да седина появилась, особенно на усах. Небось от переживаний. Ибо всю жизнь всё сам и только честным трудом! Прямо как наш незабвенный Виктор Степанович.

Пусть я генералом казачьих войск, как он не стал, но с голой задницей тоже к старости не остался. Так вот, торговал я, значит, картинами лет эдак восемь. Прямо скажу — с переменным успехом: когда густо, ну а когда совсем пусто. Может быть, и дальше бы торговал. Да только стали сильно поборам придавливать, причём, кроме милиции с бандитами, еще и налоговики. Им, видишь ли, лицо моё знакомым стало. Больно уж на одном месте примелькалось. Стали меня пытаться, почему не оформляю патент?

— Зачем он мне, — спрашиваю? — Я сам всё нарисовал. Сам всё и продал.

— Не врите! — говорят. — Вот эта картина подписана А. Никитин. А вот эта Б. Басурманов!

Говорю:

— Просто так захотелось. Сегодня я, к примеру, Никитин, а завтра уже — Басурманов. А послезавтра стану и вовсе каким-нибудь Свёклиным! Вам-то что? Может, так мне продавать легче. Я ведь и манеру заодно меняю, чтобы люди не догадались.

— Хитрости ваши нам, конечно, понятны. Да мы против этого ничего и не имеем. И всё же оформите, пожалуйста, патент. Точно потом не пожалеете!

Ну я и оформил. Да так, чтобы долго помнили. Всё, что только можно мне было делать, себе урвал! Тут тебе и торговля сувенирами, и изготовление рамок, и продажа картин, и реализация цифровых носителей. Короче, всё что подпадало под понятие «изготовление и последующая торговля».

Зря старался, раскрутиться так и не смог! Видать, слабоват был для таких дел.

И к 2008 году, когда грянул очередной кризис, обнищал настолько, что был очень недоволен тем, что ввели для предпринимателей пенсионный налог, причём не только страховой, но ещё и накопительный. Более того, выплата разом за весь год. Начали с десяти тысяч, но через пару лет добрались и до тридцати! Причём для тех, кто старше 1966 года, вроде как отменили накопительную часть. Зато страховую сделали в размере тридцать тысяч. Получалось так, что молодёжь платит два налога, а мы один, но в такую же цену! По моим понятиям, это было явно несправедливо. А тут и папа умер. Помогавший мне хоть как-то деньгами.

За те полгода, что мы с мамой ждали наследства, я вконец обнищал! Ведь похороны, а уж тем паче памятник в России больших денег стоят!! И тогда я прикинул свой трудовой стаж, и осознав, что проработал уже значительно более двадцати пяти лет, решил закрыть патент, что с большим удовольствием и сделал. Не платить же, в самом деле, впустую 50 тысяч в год. Да, да! К тому времени пенсионный налог дорос и до такой цифры. К тому же до пенсии мне оставалось всего ничего, ровно шесть лет.

Хорошо, что хоть успел, как говорится, в последний вагон. Не то бы пришлось ждать ещё год или полтора, если бы после нового года родился.

Нет, власть точно портит человека! Ты уж извини за эти слова, Владимир Владимирович, но правды, как и шила в мешке не утаишь. После смерти матушки моей я и вовсе впал в хандру. Еще бы, совсем один остался, коли не считать бездетной тётушки её сестры. Да и опять же, очередные расходы на похороны. Вот и стал я, дабы мне хоть немного

взбодриться, по сайтам знакомств шарить. В поисках подходящего женского общества. Ну и познакомился там однажды с Марией Петровной, ставшей впоследствии верной моей приверженицей.

С первой встречи меня поразила такая любовь, какая, наверное, бывает раз в жизни. Красавица редкостная, глаза — озёра горные, такие чистые и синие! Черты лица ангельские. Кудри как у ягнёночка новорожденного, такие же мягкие да шелковистые. И видом статная да упитанная. Княгиня, да и только! И такая она вся при этом ухоженная. В общем, слов описать её полностью нет. Да и я ей, похоже, приглянулся. Вначале больше по скайпу ворковали. Она жила в области. И приезжать в гости могла лишь по выходным. Надломленное семейными неурядицами здоровье не позволяло мне радовать её так, как хотелось. Но постепенно, благодаря её заботе и усилиям (готовила она чудесно), я постепенно стал приходить в себя. И уж было совсем поправился, как вдруг вновь очередная беда, как снег, свалилась на мою голову!

Умерла моя тётушка. И опять всё тоже: похороны, подача документов, а вслед затем уже ожидание самого наследства. От всего этого, как водиться, новый упадок. Ну и как следствие этого — ещё большая забота обо мне со стороны Марьи Петровны. Как тут не оценить такую женщину по достоинству? Ежели она всё для тебя делает, то и ты в долгу не оставайся! Ну и начал я привыкать к мысли о том, что она, мол, и есть моя заветная суженая, настолько, что чего только в думах своих ей не сулил. На словах же, однако, ещё сдерживался. Проверял её. Всякое ведь может быть. Думаешь, это твой друг, а потом оказывается, что он и есть твой первейший враг! Вот поэтому и молчу я до поры до времени в тряпочку. Даже то не сказал, что тётка моя мне квартиру по завещанию оставила. Впрочем, она и не спрашивала. Похоронил я тётушку, поставил памятник. В общем, всё сделал так, как ей обещал. И стал опять жить да поживать да добра со здоровьем наживать! И всё благодаря заботам несравненной моей Марьи Петровны. Тут она и на пенсию вышла. А работа у неё хорошая. Всякому бы такую. Должность заметная, ну и зарплата соответствует.

— Работать, — говорю, — тебе никак нельзя бросать, в Питере такую вряд ли найдёшь, тем более у нас, в Сосновой поляне.

— Как же ты без меня-то будешь? Ведь устал, небось, жить один?? А я всё наездами да наездами! — спрашивает моя ненаглядная.

— Да что я, — говорю, — потерплю уж. А вот дочку твою за это время обязательно пристроить надо. Такая красавица, а до сих пор не замужем!

— Так никто не хочет записываться, — поясняет Марья Петровна. — Предпочитают свободный брак. Ей бы кто ребёночка хотя бы сделал, а мы уж сами воспитаем!

Видя такую дремучесть, я начинаю злиться:

— Уродины и те замужем! А уж твоей куколке сам бог велел при муже быть. Ты уж не обижайся, но пока дочку не пристроишь замуж, тебе ко мне переезжать нельзя! Неправильно это будет.

— Думаешь? — спрашивает меня любимая и видно, что вроде как и грустно ей сразу стало.

— Не печалься, — говорю, — милая, мы её обязательно пристроим! У меня есть друг-художник. У него есть сын, тоже художник. Красавец парень. На год моложе твоей Рады. Рост метр девяносто, борода каштановая, волосы до плеч, на Иесуса Христа чем-то похож!

— Ладно, — говорит, — уговорил. Но пришли вначале фотографию. Она у меня капризная.

— Понимаю, — говорю. — Сегодня и пришлю.

— А насчёт работы я, — говорит — подумаю. Возможно, ты и прав. Хоть деньжат за это время поднакоплю.

— Правильно мыслишь! — ободряю я её. — Пенсию, коли ещё работаешь, обязательно откладывать надо. На чёрный день!

На том и порешили.

Не поверите, не понравилась дочке «Христова» фотография!

— Мы лучше, — говорит, — хотим!

Каковы!! Оно и понятно — безбожники!

Да мы, мол, и сами найдём. Ну и нашли Димсяндрия какого-то! Не сравнить с моим протеже ни ростом, ни масштабом личности! Тот дипломированный художник, а этот всего лишь помощник машиниста. К тому же ещё и не курит!

— Ну и нашли, — говорю, — вы себе сокровище.

— А что, — говорит Петровна, — Раде он понравился. Лишнего слова не скажет да и руки золотые!

— Ладно, — говорю, — согласен! Но к себе не приводить!

— Так она и к нему не хочет!

— Не понял?

— Будут квартиру снимать.

— По мне это правильно! — говорю.

Сняли они квартиру. Стали в ней жить. Всё вроде ничего. Да только дома полюбовник мало бывает. Всё диджеем на свадьбах да дискотеках подрабатывает. А Раде это не нравится. Не зря же мама Маша говорила, что она капризная! Придирается к Димсяндрику Рада за это постоянно. Всё хочет на какой-то разговор вызвать. Но тот лишь отмалчивается. Не понимаю я нынешнюю молодёжь. Ну чего тебе не имётся? Денег даёт, вещи покупает, за квартиру платит! Так сказать, кормит тебя да поит, к тому же и времени у тебя свободного навалом. Проверь тетрадки да

и только, коль учительницей работаешь, пока кавалера дома нет! Ан нет, и ты туда же, права качать! Потом ей вроде как детей захотелось. Димсяндрий вроде как не отказывается, а заделать почему-то никак не получается! Тогда она его жениться принуждать. Думала, может его хоть тут советсье замучает, и он начнёт над воспроизводством уже по-настоящему работать. И это не получается! Опять не мычит не телится. Тогда она вконец озлилась. Написала ему записку, что уходит от него к маме, притом навсегда. Да и сбежала нафиг! Он хоть и обиделся, но помириться потом всё же захотел. Да она уже ни в какую. У Рады к этому времени новый ухажёр объявился. Причём не какой-то там помощник машиниста, а старшина Госавтоинспекции! Показали мне его фотографию для оценки. Не чужой ведь я для них человек!

— Представительный, — говорю, — мужчина, да ещё и при погонах!

— А не врёшь? — спрашивают.

— Да чтоб мне провалиться, если вру! — божусь я.

Глупенькие. Поверили на слово! Впрочем, я и не врал. Просто я тогда так думал. Одно только не угадал. Вид хотя у него и был представительный, но был он все же какой-то странный малый! Взяток брать не умел да и работал с ленцой. Все считал, сколько ему еще годков выслуги до пенсии осталось. Но идти за него она пока не хотела. Жил-то он с матерью, к тому же не в квартире, а в каком-то деревянном бараке. Они, видишь ли, беженцы из Эстонии.

А тут у них как раз новый руководитель района вступил в должность — Владимир Михайлович Бобиков. Заботливый такой. Не только на словах, но и на деле. Взял да построил в кратчайшее время два новых дома! Один для репатриантов, а другой для нуждающихся в жилье цыган. В этом городе цыган особенно много. Ведь в границах его протекает могучая река, Волхов — колыбель всей земли русской! А цыгане, сами знаете, почти все рыбаки. Вечно чего-нибудь да удят, если не в реке, то в кармане или душе ближнего. Вот и получил, наконец, Яша Зябликов вместе с мамой Леной вместо двух комнат в бараке трёхкомнатную квартиру на первом этаже в новом доме. Правда её (квартиру) и Димсяндрик получил, даже на этаж выше! Притом в той же парадной, но, увы, всего лишь двухкомнатную. Но дома пока не появлялся. Продолжал, как и прежде, снимать жильё!

Как я не намекал Марье Петровне на то, что пора бы Раде с Яшей узаконить свои отношения, она всё делала вид, что это не главное. Лучше бы ей вначале ребёнка заделал, а там видно будет.

— Нет, — говорю, — ты не права, он ей точно симпатизирует! Жить-то не в барак пригласил, а уже в новую квартиру, да ещё трёхкомнатную! Поверь мне. У него серьёзные намерения.

Как в воду глядел! Не прошло месяца, как дочка Марьи Петровны забеременела.

— Действуйте, — говорю, — то есть куйте пока железо горячо. Да и пока пузико на нос не полезло!

Стали действовать. Вроде как подался на уговоры, бабушке позвонил совета спросить. Та возьми да скажи: «Зимой жениться грех. Жди апреля!». Ну он и ждал! Аккурат в день рождения Ленина и обвенчался. Это на пятом-то месяце! Но ничего, затянули её как следует, вроде и незаметно стало. Я был на свадьбе этой. Коньяк пил да икрой красной закусывал. После же, когда все уже перепились, плясал с Марьей Петровной до упаду! И так хорошо мне в те мгновения было, что меня разом прорвало, всё, что думал сделать для них хорошего, то враз и выложил!

— Люблю тебя, Маша, больше жизни, — говорю, — половина моего будет твоим! Дочка твоя, считай, моя дочь! Даже зять твой — не хрен взять! И тот мне как двоюродный сын!

— А не врешь, — спрашивает, — может ты, это всем говоришь?

— Ты, что, — говорю, — вот те крест! Тебе первой такие возможности мои открываю.

И при этом крещусь, как умею.

— Разве так крестятся? — говорит она. — Надо вначале на живот персты класть, а уж затем креститься влево и вправо! Но всё равно верю!!

Покраснел я малость от случившейся неувязки да и говорю ей:

— Уж поверь, пожалуйста. Я же не какое-нибудь там трепло, а вполне серьёзный и обеспеченный человек!

В конце сентября Марья Петровна наконец-то стала бабушкой. Внучку по моему наущению Раисой назвали. Вот тогда я и спрашиваю свою любимую женщину.

— Маша, все твои первоочередные мечты вроде как сбылись. Дочка замужем, сама уже бабушкой стала. Деньжат поднакопила, ведь уже три года на пенсии. Переезжай теперь ко мне в Сосновую поляну, ох и заживём! Ты работать пойдёшь. А я для тебя, сама знаешь, ничего не пожалею!

— Я ещё денег мало накопила, — говорит.

— А хочешь, — говорю, — за границу поедem?

И поехали! Уже в этом году в Италию. Впечатлений бездна! Я ведь первый раз за всю жизнь побывал за границей. Это в шестьдесят лет! Впрочем, где живём? Не в Америке ведь. Это они по всему миру болтаются — космополиты! А мы, российские патриоты, всё больше по родной державе путешествуем. Она у нас вон какая большая! Ко всему этому, еще и обокрали во Флоренции цыгане тамошние. Кошелёк упёрли со всеми моими деньгами! Наглые донельзя. Я ведь не промах, только с третьего раза у них это получилось. Хотя я сразу понял, в чём дело и вроде как до-

гнал воришку. Да всё равно ничего не получилось. Моя твоя не понимает! Зови, мол, полицейского, он разберётся. Как же, разве летом докричишься его в полдень, тем более во Флоренции, где и в тени-то плюс тридцать пять! Лишь изведёшься понапрасну. В это время все они по забегаловкам пивком прохлаждаются!

Хорошо хоть созкскурсники пожалели. Сложились каждый сколько мог да и передали мне в пакетике. Молодцы, всего пятьдесят евро недобрали! Я даже потом, когда считали, прослезился. И клятвенно обещал Марье Петровне впредь сам нуждающимся помогать. После того, как на следующий год проехали уже и в Грецию. Там мне ещё больше понравилось. Цыгане не такие наглые! Да и памятников древней культуры малость побольше. А уж как гид Петя мне заполнился! На русском лопочет не хуже меня. Да ещё и книги пишет по истории православной церкви, причём на русском языке!

Когда приехали из Греции, я и говорю Марье снова:

— Когда же ты, мля этакая, ко мне совсем то переедешь. Ведь ты же, кажись, обещала.

— Потерпи, ещё чуток, — говорит. — Как внучку в садик отдадут, тогда и приеду!

— И когда это будет?

— Примерно через год!

— Хорошо, — говорю, — потерплю ещё. Ты только не обманывай.

— Мамою клянусь, не обману, — говорит.

Успокоился я. Раз родными клянётся, то точно не обманет.

Продолжает, значит, она ездить ко мне. Вроде даже как и почаше стала! Похоже, дело и в самом деле на мази. Вскорости точно в мой дом навсегда переберётся. Да нет, чего-то не очень торопится. Тут и ковид, понимаешь ли, объявился, а с ним и карантин. И так грустно мне вдруг стало от всех этих запретов, что я стал в наглую торопить её. Навязывая ей в открытую часть своего имущества. То, мол, коттедж давай построим в области, а то и того лучше — готовые апартаменты за границей купим, там, куда ещё пускают. Только для этого необходимо одну из квартир продать!

— Нет, — говорит, — не спеши, нужно бы ещё пару лет посдавать, чтобы наличными обрасти.

Говорю ей, глупой:

— Всё равно без продажи квартиры не потянуть. А если продолжать сдавать, — объясняю ей, — то надо сдавать уже обе. Но для этого придётся мне либо к тебе перебираться жить, или у вас в городе квартиру покупать для себя. Но мне даже однокомнатную пока не потянуть! Нет у меня на книжке столько.

— Переезжай, — говорит, — я не против. Только я в Питере хоть немного пожить хочу. Всем ведь уже растрезвонила, что провожу выходные лишь там, у бойфренда!

— Так чего же тогда не перебираешься??

— Я же сказала тебе, что через год точно приеду!

— Ты мне это уже третий год обещаешь!

— Нет, точно, — говорит, — приеду, я же обещала. Впрочем, ты же сам намекал, что до шестидесяти лет надо бы поработать!

— Когда ж это было? — спрашиваю.

— Да пять лет назад, когда только познакомились.

А ведь верно, говорил я ей так. Потому что тогда таких видов на неё не имел. Но сейчас-то я совсем по-иному думаю! Как же её пронять? Да ещё этот чёртов карантин! Когда же он кончится? Ладно, рискну, думаю.

— Так это, я могу и по завещанию половину моего имущества на тебя хоть завтра отписать!

— Да брось ты, — говорит — я люблю тебя и без этого. Впрочем, если хочешь, то сходи к нотариусу!

— А вторую, — говорю, — на Раду отпишу.

— А это, — говорит, — совсем уж ни к чему. Мне никто не помогал! Всего сама достигла. Вообще-то ей это будет приятно.

На том и порешили.

А тут ещё в мае Отец Отечества объявил о завершении нерабочих дней. Это на самом пике заболеваемости!! Додолбали таки его Госкорпорации. Для которых барыши превыше всего на свете. А сколько к этому времени народу без средств и работы осталось! Впрочем, Бог ему и им Судия, а не я!

Тогда-то всё и случилось. Примерно месяца через полтора, то есть в конце июня.

Я немного ногу подвернул, потому сидел дома. Марья Петровна ныне приезжала нечасто — карантин всё-таки. К тому же еще и ужесточение условий передвижения на транспорте, лишь по куар-коду. Из-за того, что число заразившихся неуклонно растёт. Да и смертность, особенно в Питере, от этой заразы значительная, чуть ли не 7%! То есть в десять раз больше, чем при обычном гриппе, как тут не беречься. Поэтому теперь мы стали чаще общаться по скайпу. И почти в каждой беседе она как бы в шутку спрашивала, а не передумал ли я из-за пандемии брать её к себе. Ведь закончится-то она, похоже, не скоро. А может и вовсе решил от неё отказаться? И приударить за теми, кто поближе. Как же, приударить тут. Люди даже разговаривать живую друг с другом и то боятся!

В конце концов я озлился на неё за подобную надоедливость. Да и говорю ей:

— Ты вот все шутики шутишь. А ведь я могу и в самом деле передумать. Возможно, и не надо перебираться тебе ко мне окончательно. Коли душа к этому не лежит. Работай лучше, пока держат! Больше денег накопишь.

— Ах, вот ты как заговорил, — обижается Марья Петровна, — а я тебе так верила!

— Я тебе тоже, — говорю, — даже завещание хотел на вас с дочкой написать!

— И как, написал?

— А вот этого я тебе уже не скажу!

— Почему??

— Из принципа.

— Небось, дома документ держать будешь?

— Конечно, где ещё? — говорю.

— Я даже знаю где, — говорит она.

— Ну и где? — спрашиваю.

— Не скажу. Ишь, хитрец какой выискался, всё ему знать-то надо!

— Ладно, — говорю, — замнём об этом. Когда приедешь?

— В эти выходные. Раз у тебя нога болит!

— А не боишься??

— Ничего. Надену маску и перчатки.

— И правильно сделаешь, — соглашаюсь я. — Бережёного и Господь бережёт!

— Ну, бывай, — говорит.

На том и закончился этот наш разговор по скайпу.

Как она обещала, так и сделала! Приехала, значит, в субботу. Ласковая такая! Гостинцев, причём побольше, чем обычно привезла. Когда собрались мы с ней уже почивать, она и говорит мне:

— Зайчик, не пора бы нам поменять наволочки на подушках?

— На своих, — говорю, — и меняй. Мои же не трогай! Они у меня ещё чистые.

Спим-то мы в разных комнатах. Она на диване, а я — на софе. Хотя вначале спали вместе. Но потом почему-то не срослось. Говорит, я кричу часто во сне, и это ей мешает спать. Я же напираю на то, что она сама сильно храпит. Где ж тут уснёшь под такой рокот!

— Ладно, — говорит, — спи уж так, грязнуля. Но утром всё равно наволочки поменяю!

— Там видно будет, — говорю и ложусь спать.

Вижу, что злится такому моему ответу. Плевать, думаю. Имею право на голос! Я ведь пока в этом доме хозяин. Уже сквозь сон слышу, как, ругаясь матом, она уходит в свою комнату. Всю ночь спал плохо. Постоянно просыпался оттого, что кто-то сильно шуршал то ли сверху, то ли за

соседней стенкой. Я абсолютно не ориентируюсь, откуда идёт звук. А почему, непонятно. Видно это такой врождённый дефект у меня. Настолько измучился этим шуршанием, что вырубился под утро так, что даже не заметил, как Марья Петровна ко мне за подушками притопала. Очнулся только тогда, когда она, взяв в руку подушку, склонившись надо мной, стала дёргать свободной рукой другую, чтобы вытащить её из-под моей головы. Спросонок я так испугался (ибо, увидев подушку в её руке, не-весть чего подумал), что заорал:

— Только не убивай. Я ещё не писал завещания.

— Я так и знала, что ты трепло, — сказала любимая и, что было сил, выдернула из-под меня подушку!

Мы и сейчас ещё не разговариваем, хотя прошло больше месяца с тех пор, как это случилось. И я её понимаю! Обязательно составлю завещание, куда впишу её с дочкой! Но только тогда, когда мы окончательно победим ковид! Полагаю, это будет скоро. А может, и нет. На всё, повторяю уже не в первый раз, видать, лишь воля Божья.

3.09.2020 г.

Настоящий полковник!

Я всегда был человеком общительным. Уже в раннем детстве я стремился познакомиться, а если возможно и подружиться не только с мальчиками, но и с девочками. К тому же я умел быть верным товарищем. Это качество не раз сослужило мне добрую службу во время моей службы в вооружённых силах. Лишь благодаря ему я всего за пятнадцать лет прошёл путь от лейтенанта до полковника!

Помню, Вовку Непутёвского целых два километра по лесу на себе тащил, пока нас с вертолёта его подчинённые не обнаружили. А он потом меня за это даже не поблагодарил. Более того, при первой же возможности, якобы на повышение, на самый Север задвинул! Правда, командиром части. Уж лучше бы своим замом сделал — подлюка! Тогда бы и я теперь, возможно, уже в генералах ходил. А так, турнули со службы всего лишь полковником.

Впрочем, сам виноват. Зачем к Даше Зойгу на СУ-31 летал? Мало ли, что опаздывал на День рождения! Знал же ведь, что папашка её показухи не любит. Да думал ради счастья дочки простит. Да, выходит, круто просчитался! А ещё говорят, что в Российской армии даже многозвёздочные генералы и те порядочные люди. Я же вам вот что «по-чесноку» скажу: настоящий и правильный вояка во всей армии — это полковник! И звание уже немаленькое. Да и зажаться как следует вряд ли уже успеешь,

потому как в эти дни только о будущем генеральстве и думаешь! И стараешься служить настолько честно, что иногда даже страшно становится — а не болезнь ли это какая-нибудь, притом неизлечимая?!

Но, говорят, лишь только генералом становишься, менталитет твой сразу начинает меняться. И ты, хотя и продолжаешь выслуживаться перед вышестоящим начальством, всё же считаешь себя гражданином уже совсем иной касты!

То есть ты как бы теперь человек с большой буквы, а не какой-нибудь там обычный служака! И становишься ты не воином, а сущей «Зверюгой»! Поэтому стоит ли удивляться тому, что именно Зойгу первым и поспособствовал моему преждевременному увольнению из армии.

Выйдя на гражданку, я по-прежнему оставался человеком общительным. Только стал с каждым годом всё более сторониться своих старых знакомцев. Особенно тех, с кем познакомился, служа в Армии. Они вроде как это понимали и тоже мне не досаждали. Но на днях мне всё же крупно не повезло! На Невском, у Дома книги, я нос к носу столкнулся с Непутёвским, пришлось зайти в кафе и отметить нашу встречу! Оказывается, он совсем недавно тоже был отправлен на пенсию в чине вице-адмирала.

Живёт же он теперь в Москве на Кутузовском проспекте!! Купил там квартиру по Северному сертификату. Я, конечно же, порадовался на словах тому, что мой друг, пусть и бывший, живёт теперь в столице, и что квартира у него в таком почётном месте. Но в душе всё же затаил обиду. Ведь и я бы мог устроиться не хуже, коли бы женился на Даше Зойгу! Но, видать, не судьба.

— А ты как поживаешь? — спросил меня адмирал.

— Да я что? Так в Питере и живу. Один, правда. Родители уже умерли.

— Так и не женился?

— Нет, — говорю, — зачем? И одному неплохо!

— Можно было бы и погостить у тебя пару деньков. Да не могу! Улетаю через два часа в столицу. Уже и вертолёт для меня командующий ЛВМБ приготовил.

— Что за срочность? — спрашиваю.

— В Кремль на прием вызван срочно. Видать, что-то предложить хотят.

Видя кислую мину, от этого сообщения на моём лице, адмирал продолжает:

— Не всё же тебе, везунчику, под крылышком Фортуны греться!

— Это я-то везунчик?! — изумляюсь я.

— А то нет! Живешь один в квартире! Сам себе хозяин! Меня же жена с дочерью каждый день чихвостят за то, что тесно, мол, жить втроём в такой халупе, пусть и на Кутузовском. Я ведь когда получал, не предпола-

гал, что дочь так скоро от своего мужа банкира убежит и к нам подселится. Вот и попросил себе лишь то, что вице-адмиралу по статусу положено. Ни метра больше не прикупил!

— И сколько ему положено? — интересуюсь я.

— Двухкомнатная, площадью восемьдесят два квадратных метра.

— И только, — говорю я.

— Да это же, чудак, на Кутузовском!! В другом месте может быть и «стольник» за эту цену отдали!

В душе я аж багровою от зависти. Надо же, двухкомнатная и та восемьдесят два метра! Живут же люди. Но вслух, однако, нагло заявляю:

— Неплохо. Но у меня дела обстоят всяко лучше!

— Как это? — удивляется адмирал.

Вижу, что он уже начинает злиться.

— Да у меня одна квартплата летом и то — двенадцать тысяч! А зимой с отоплением под двадцать набегает!!

— Вот это да! Я даже в лютые морозы никогда не платил больше четырнадцати, — теперь, уже откровенно обижается Непутёвский. — А ведь я вице-адмирал, ты же только полковник! Это явный непорядок!! Впрочем, у тебя наверняка льгот нет??

— Льгот нет. Но справляюсь, — ехидно говорю я. — Жилплощадь больно хорошая!

— Метраж какой?

— Сейчас скажу, — делаю вид, что считаю в уме. — Примерно 146,5 квадратных метра.

Вижу, что адмирал не то что розовеет, а, можно сказать, уже лиловеет прямо на моих глазах!

— А комнат сколько?? — сия вопрошает он.

— Шесть! Но балкона только два, — несколько смягчая свой пафос, поясняю я. Потому что вижу, что адмиралу в самом деле становится от зависти нехорошо.

— Может, воды?? — предлагаю я и подзываю официанта.

— Нет уж, лучше врача! — из последних сил хрипит адмирал и падает в обморок!

Пришлось вызывать. Слава тебе, Господи, вовремя успели в медицинскую академию доставить. Не то точно бы ему каюк пришёл!

Только что за человек этот Непутёвский?! Не зря, видно, говорится, что горбатого лишь могила может исправить! Снова никакой благодарности!! А я его, можно сказать, от верной смерти спас! Более того, даже видеть меня наотрез отказался. Когда я захотел его в больнице навестить. Какой же он всё-таки слабонервный. Продержался бы чуток подоле, я бы ему тогда и объяснил, что комнат у меня хотя и шесть, но квартира-то

у меня не одна, а целых три. Сто сорок шесть же метров — это общая площадь. Потому-то у меня всего и два балкона!

Да, впрочем, что теперь пенять на это. Хорошо хоть не помер мой «приятель». Иначе точно бы срок схлопотал. Нашли бы за что! Ведь вице-адмирал гораздо нужнее государству, чем полковник!!

27.07.2020 г.

Плохая память

Я родился в семье из высшего общества. И посему мог уже в детстве многое себе позволить. Чем без зазрения пользовался. Вступив же во взрослую жизнь, я немного остепенился. И лишнее позволял себе лишь по праздникам, как все нормальные люди. Только одно по-прежнему со мной было нехорошо. Память моя с годами всё более ухудшалась!

К тридцати годам я уже частенько не мог вспомнить, особенно если ударялся в разгул, что со мной в это время было! Ибо входил в такой раж, что ничего не замечал вокруг, кроме того, что в данный миг меня интересовало! Потом я вдруг неожиданно словно очухивался, но, как и говорил выше, уже абсолютно ничего не помня.

Поговаривали, что я иногда пропадал по несколько дней кряду. А когда возвращался, то толком никак не мог объяснить не только чем я занимался, но и вообще, где в это время был. Видать, уже тогда внутри меня жил кто-то иной! К счастью, теперь он уже умер. Это случилось примерно года за четыре до выхода на пенсию. Я мог бы, конечно, и не работать, притом всю жизнь. Такие большие сбережения мне оставили в наследство родители!

Но я не смог этого сделать. Так как жизнь дармоеда была мне явно не по душе. Хотя, честно признаться, я тратил значительно больше, чем зарабатывал. Кем я только не работал! И всё ради спортивного интереса. Одно время был даже сплавщиком леса. Но с возрастом я стал понимать, что мне с моими закидонами (я имею ввиду провалы в памяти) следует опасаться занятий, связанных с большой долей риска. Впрочем, были у меня и другие странности. Но об этом позже.

Когда мне исполнилось пятьдесят шесть, я познакомился с одной женщиной. Вдовой. Это была добрая и отзывчивая дама, к тому же ещё и красивая! Не знаю почему, но и она во мне тоже что-то сразу нашла. И завертелась у нас такая любовь, которой, я уверен, иной раз и молодые позавидуют! Женщина она была хозяйственная и потому зажиточная. Причём всего достигла только благодаря своим личным заслугам!

То есть, как говаривали прежде наши руководители, — одним лишь честным трудом. Ко всему прочему она ещё имела и дочь красавицу. Притом на выданье!

После того, как я стал дружить с этим семейством, странные дела с моей памятью стали происходить всё реже! Да и зачем мне было ударяться в какой-то там разгул или загул? Ведь счастье моё было рядом! А после того, как я уговорил женщину переехать жить ко мне в коттедж, я и вовсе забыл о том, что со мной иногда бывает. Дочка же её настолько мне приглянулась, что я, не только никогда не имевший собственных детей, но даже не считавший для себя возможным заботиться о чём-либо ребёнке кроме собственного, решил во чтобы то ни стало удочерить её. Мотивируя это тем, что хочу заботиться и о ней. Странно, как всё-таки быстро порою добреет человек, если он видит к себе сердечное отношение. А они относились ко мне действительно хорошо. Дочка звала меня за глаза двоюродным папой. Хотя в моём присутствии ограничивалась лишь именем, а иногда и отчеством, когда хотела со мной о чём-либо поговориться.

Препоны в усыновлении с их стороны я конечно не встретил. Ибо порядочные люди не запрещают друг другу поступать благородно! После того, как я стал папой не только по названию, но и обязанностям, плохой человек внутри меня окончательно умер! Во всяком случае, я склонен думать именно так. За последние три года он не только не пытался хоть как-то спутать мою память, я, можно сказать, уже даже стал сомневаться, а был ли он вообще в моей жизни. Возможно, все эти «там помню, а тут нет» всего лишь выдумка моего воображения. Прежде больного, но теперь-то уже окончательно излечившегося. Более того, через какое-то время я начал вспоминать то, чего, казалось, и быть не могло, во всяком случае в моей жизни. И тогда я стал сомневаться в том, а действительно ли я тот, за кого себя выдаю. С каждым днём сомнения мои становились всё больше. И, наконец, я решил проверить их на практике. Коли я отец, то, значит, у нас с дочерью должны быть очень похожие ДНК. Но я, хоть убей, не помню, чтобы я прежде когда-нибудь давно был знаком с её матерью.

Нет, сейчас я, конечно, хорошо знаю, даже люблю эту женщину. Только всему этому сроку, согласно документам, не более шести лет. Именно тогда я написал на неё завещание на половину всего моего имущества. А дочурке её, впрочем, теперь уже и моей, на днях стукнет тридцать! Недолго думая, я хитростью получил ДНК дочери. Не мог же я ей сказать правду. Так порядочные родители не поступают. И тут же отдал в лабораторию на анализ. Ответ, пришедший оттуда, поразил меня так, словно это был удар молнии! Поверьте, я знаю, что это такое. Зацепило в детстве, даже рисунок до сих пор на правой лопатке остался.

Оказалось, что это действительно моя дочь! Почему же я тогда никак не могу вспомнить не только самого момента зачатия, но и лицо женщины, подарившей мне такое чудо? Хотя сейчас я его вижу каждый день. И должен был бы, казалось, всё же узнать его, несмотря на изменения, произошедшие с ним за эти годы.

Так я промучился несколько дней, ни с кем не поделившись своей заботой, боялся напортчить. А потом вдруг неожиданно вспомнил! Это произошло во сне о том, что я могу иметь детей только через пробирку. Потому как, имея позднее развитие, уже в армии переболел свинкой.

Но как же тогда оказалось, что эта девочка действительно моя дочь? Может, это подлог? Только зачем? Ведь всё и без того достанется ей и её матери! Я так расстроился этому открытию, а заодно и озлился, что не показывался из своей комнаты целых три дня! Сославшись на то, что мне нездоровится. На четвёртый день я, наконец, решился. Будь что будет! И вышел к завтраку. Там-то я и заметил альбом, который прежде не видел. После завтрака, когда все ушли, я тайком стащил его и стал листать. Тогда всё и прояснилось! Оказывается, моя любимая женщина в ранней юности работала лаборанткой в одной известной частной больнице, где я проходил комплексное платное обследование в надежде закосить от армии. Там-то она, видимо, и запаслась моими «живчиками». Ведь в то время, как показали результаты, я был более чем здоров по многим анализам.

Да, видать не зря говорят, что воистину неисповедимы пути твои, Господи!

И всё-таки я им ничего не сказал. Для чего? Я и так уже сделал всё как надо. Хотя, может, и скажу когда-нибудь потом.

9.09.2020

Бабилов

Арутюн Львович Бабилов был человеком запасливым. С самого детства он постоянно чего-нибудь, да коллекционировал. Вначале это были марки. Которых он набрал немало. Но однажды поддавшись искушению в лице красивой и уже взрослой женщины, ему же в ту пору едва стукнуло пятнадцать, продал самые ценные из экземпляров, как позже выяснилось, за бесценок маклакам из филателистического магазина. На вырученные баблосы он и закрутил любовь со своей тридцатилетней красоткой. Но роман оказался недолгим. Лишь кончились у юного донжуана деньги, как «Земфира» к нему сразу охладела. И тогда он поклялся мстить женщинам в меру своих сил. Правда, это плохо у него получалось.

Ибо был он прирождённым бабником. Впрочем, как и его папа, известный врач-гинеколог.

Профукав все свои марки на продажную любовь тётенек, Арутюн на время малость утомился. А папе с мамой было в это время явно не до него. У них начался климакс, и не только в семейной жизни. Так что о прежних щедрых подачках можно было теперь забыть! И тут он неожиданно, даже для самого себя, обнаружил в себе новую страсть. Ему понравилось, что у него, ни с того ни с сего, вдруг прорезался красивый и сильный голос. Тогда, долго не думая, Арутюн решил стать оперным певцом. И так увлёкся этой идеей, что стал собирать, точнее будет сказать коллекционировать пластинки с записями классических вокалистов. Они стоили дёшево, да и выбор был не такой уж большой. Так как подобные фиговины, в отличие от пластинок с записями эстрадных божков, мало кто покупал. Поэтому за два года он собрал почти всё, что издалось фирмой «Мелодия» с тех пор, как появились первые долгоиграющие пластинки и в СССР. К тому же отец передал в его ведение и свою коллекцию вместе с патефоном. В неё уже входили пластинки пятидесятых и даже сороковых годов. А они были гораздо ценнее.

Но ведь собирал Арутюн не для того, чтобы, в конце концов, их продать, как можно дороже. Нет, он по этим записям знакомился с творчеством исполнителей как нынешних, так и прежних дней. Окончив-таки школу до конца, то есть десять классов, не в пример некоторым, уже после восьмого бежавшим от трудностей в ПТУ да техникумы, герой наш решил сразу поступать в консерваторию. Полагая, что его таланту место именно там, а не в каком-нибудь музыкальном училище, где готовят не солистов, а лишь артистов хора.

Но увы, его ждало полное фиаско! Арутюн не только не набрал нужную для поступления сумму балов, он даже не прошёл предварительного прослушивания. Хотя пел партию князя Игоря, которую разучил не только по пластинке Андрея Иванова, но ещё и просмотрел, на всякий случай, по клавиру оперу «Князь Игорь» с ятями, купленному им у знакомого букиниста за целых пятнадцать рублей! Деньги по тем временам немалые.

Короче, сказали, что хотя у него и прекрасный голос, но владеет он им ещё недостаточно хорошо. Да и со слухом, похоже, есть небольшие проблемы. Поэтому в консерваторию ему пока рано. Пусть лучше попробует поступить вначале в музыкальное училище. Впрочем, правильнее, пожалуй, будет, если он походит в какую-либо музыкальную студию для любителей. А уж потом начнёт поступать в музыкальный вуз.

Сперва он сильно обиделся на то, что его дар настолько низко оценили. Но поостыв, а заодно и осознав, что у него, похоже, всё-таки бас, а не

баритон, решил не гнать пургу, пытаясь сразу схватить удачу за хвост. Может, стоит вообще повременить с обучением вокалу годков эдак пять? Ведь, как он прочёл на днях в одной умной книге, полностью бас формируется лишь к двадцати пяти годам.

Посоветовавшись с родителями, он решил поступить в технический вуз, чтобы хоть как-то заполнить эти нелёгкие годы созревания его, как он полагал, великого голоса. В институт-то он поступил даже на инженера-конструктора ракетных установок. Это тогда престижная специальность была. Но только на вечернее отделение. Так что через год его забрали в армию. Там он, правда, почти не пел, берёт голос. Лишь иногда во время наряда на кухню при чистке картошки напевал вполголоса некоторые из своих любимых арий. Товарищи по работе были не против, особенно те, что происходили родом из глухой деревни. Ибо его трубный голос напоминал им рёв лося из родимых лесистых мест. Закончив срочную службу в чине старшины первой статьи, он снова вернулся на гражданку, чтобы не только закончить вуз и получить специальность инженера-конструктора, он по-прежнему надеялся стать в итоге оперным певцом.

Ну что ж, как говорится, тебе и карты в руки, коль хочешь в очередной раз испытать судьбу. Институт Арутюн, конечно же, закончил. Даже поработал по специальности несколько лет. До тех пор, пока СССР окончательно не развалился. И наступила новая власть! Уже не социалистическая, а капиталистическая. К этому времени и мечта стать великим оперным певцом уже окончательно затухла. После четырёх безуспешных попыток поступить в консерваторию. Поэтому и подрабатывать начал в церковном хоре, а потом уже и в синагоге. Когда окончательно выяснилось, что его папа Лев Аронович наполовину еврей, причём по матери. Но и это не приносило ему должной радости.

И тогда он, чтобы наконец-то начать настоящую, притом полноценную жизнь, решил заняться коммерцией. Ведь на зарплату инженера, пусть даже ведущего, разве можно достойно прожить при такой сумасшедшей инфляции и таком беспредельном бардаке во всём: от экономики до политики! Надо отдать ему должное. Успешно Арутюн подвизался на данном поприще. За лихие девяностые он сумел так приподняться, что купил себе квартиру не только в центре Питера. Причём не где-нибудь, а в аккурат неподалёку от квартиры Миши Боярского, только на другом берегу Мойки. Тоже на первом этаже и также трёхкомнатную. Маму он взял жить к себе, а квартиру родителей оставил целиком папе Льву. Тот под старость совсем скатился, приведя в свой дом молодую любовницу — и это при живой жене!

Благодаря доброте жены и сына, папа Лев зажил на широкую ногу. Продал на хрен всё, что было ценного из вещей. Затем заложил и саму

квартиру. После чего укатил доживать жизнь с любовницей на Канары! Где благополучно и помер, спустя несколько месяцев. Судиться за наследство Арутюн не стал, мама запретила.

Сказала:

— Мы ведь, сынок, не бедствуем с тобой. Пусть хоть эта девочка проживёт теперь в своё удовольствие!

А тут ещё и новые виды цифровых носителей появились, какие-то СД-диски. Которые звучали, как Арутюн убедился, куда лучше, чем прежние виниловые. И получается, на кой шут он столько старья никомушного набрал в виде пластинок от фирмы «Мелодия»? Да ещё и классики нагрёб! Что теперь с ними делать? Если только попытаться продать, пока ещё не поздно. Ведь не все же настолько разбогатели, чтобы обзавестись сиди-вертушками! Но продать удалось лишь подаренные папой пластинки, да и то коллекционерам. Явно дешевле их реальной стоимости. Ибо у этих «жучков» всегда всё уже есть!

— Впрочем, можно взять и дубликат, — как говорили они, — но уже за совсем иные деньги.

С долгоиграющими же пластинками, особенно фирмы «Мелодия», дело обстояло совсем уж плохо! Удалось пристроить лишь половину, да и то по бросовой цене в кооператив, который вывозил в Китай всё советское, там была одно время на это мода. Но потом и эта шарага накрылась. Видать, китайцев всё-таки не так много, как, порой, кажется. Раз им всего за несколько лет подобного «дерьма» за глаза хватило!

Осознав это, Арутюн Бабилов изрядно взгрустнул. Хотел уж было остатки на помойку вынести. Но, хлебнув как следует коньячку, всё же одумался. И ограничился лишь объявлением на Авито. Продаю, мол, дёшево коллекцию пластинок классического вокала. Не забыв при этом вкратце перечислить названия лучших, по его мнению, из оставшихся у него пластинок. Впрочем, даже такая краткость оказалась излишней. Пластинки соглашались брать только оптом по цене десять рублей за штуку, да и то, коли состояние у них хорошее. Попадались, правда, и такие, которые вроде как платили дороже, но брали лишь выборочно.

Бабилов долго крепился, отказываясь как мог от подобных предложений. Да потом всё же согласился. Когда ему вначале написала, а потом уже и позвонила одна молодая девушка, судя по фотографии на Авито очень приятной наружности. Эдакая восточная красавица! Согласился даже не потому, что тоже считал себя восточным человеком (ведь не зря же родители дали ему имя Арутюн), а скорее из-за того, что ей была нужна пластинка Марии Каллас и именно серии «Из сокровищницы исполнительского искусства», причем за любые разумные деньги в подарок своему другу.

Когда девушка приехала на приличном, по его меркам, авто, Мазде третьей модели золотистого цвета с автоматической коробкой передач. Он специально выглядывал в окно, объясняя по сотовому телефону, как лучше подбехать к парадной. Он не только напоил её элитным кофе, но и угостил кексами, которые испекла его мама, как он считал по-сыновьи, великая в этом мастерца. После чего предложил самой назвать цену. Немного подумав, она сказала:

— Я, конечно, понимаю, что это вещь редкая, иначе бы любимый её не попросил. Но у меня с собой только двести долларов! Если что, я вам остаток на карту перешлю.

При слове двести, да ещё баксов, глаза потомка Льва вспыхнули каким-то нечеловечески ярким огнём, а рот широко приоткрылся. Однако понимая, что его действия могут неправильно истолковать, Бабилов поспешил принять прежний вид.

— Это самое то, что я и хотел, — не проревел, а скорее пропел Бабилов. Это с его-то «музыкальными» способностями. Видать и правда никак не ожидал такого оборота событий.

— Большое вам спасибо, — сказала красавица и положила, даже не глядя, пластинку в целлофановый пакет.

«Какая порядочная! Неужто такие, ещё не перевелись», — подумал Бабилов. «Надо бы её отблагодарить», — решил он. И потому спросил:

— Скажите, пожалуйста, неужели ваш любимый в самом деле настолько серьёзно увлекается классическим вокалом?

— Ещё бы, ведь он будущий режиссёр!

— Надеюсь, музыкальный?

— Точно не знаю. Но очень может быть, что и так!

— Тогда, знаете что, я вам подарю все остальные свои пластинки. И даже вместе с проигрывателем! Он у меня хороший, первой категории, «Вега» называется. Дам ещё и наушники в придачу, тоже первой категории!

— Право, не стоит так себя утруждать, ведь он просил только эту.

— Я же от чистого сердца! Вдруг ему затем понадобится и что-то другое?

— Вы полагаете?

— Конечно. Он же у вас звукорежиссёр! А тут, я просто уверен, собрано всё самое лучшее. Да не волнуйтесь вы. Я всё сам снесу к вам в машину!

— Ладно, несите, коли не жалко!

Ну, Бабилов всё и снёс в её машину. Уже погрузив пластинки и проигрыватель в багажник, он не удержался-таки и спросил у девушки:

— Вы, наверное, подарите ему пластинку на день рождения?

— Что вы! Просто он ставит студенческий спектакль про эту певицу и ему нужен для реквизита хотя бы один предмет с её изображением. А на пластинках этой серии точно есть изображения исполнителей на обложке, причём крупным планом! Это ему его наставник подсказал.

— Ну это надо же! — сказал Арутюн Бабилов, широко открыв рот. Да так и стоял, пуская не только слюны, но и слёзы, ещё долго после того, как машина с девушкой от него отъехала!

«Вот и делай после этого людям приятное. Нет, лучше не рисковать, не то они ещё не так огорошат тебя!» — подумал Бабилов и, наконец, закрыл рот, проглотив при этом такой комоч слюны, что едва не поперхнулся.

И всё-таки Арутюн Львович Бабилов в какой-то степени по-настоящему счастливый человек. Ведь хотя бы раз в жизни ему действительно повезло.

На днях он установил рекорд России, взяв ля субконтроктавы! И теперь его имя станет известно многим. Это ли не альтернатива взамен должности Великого певца.

17.09.2020 г.

Конспираторы

— Да здравствует Путин!

— Правильно, пускай не хворает, президент всё-таки!

— Путин — лучший! Он красавчик!!

— А мог бы быть ещё лучше!

— Как это??

— Если бы мама таким родила!

— Но лучше-то он быть уже не может?!

— Хуже — да. А вот в том, что вы только что сказали, позволю себе усомниться.

— Так, значит! А какие у вас доказательства?

— Человек несовершенен! Вы, надеюсь, хоть с этим согласны?

— В целом да. Но...

— Никаких исключений! Поэтому даже наш президент и тот не достиг ещё предела совершенства!

— И всё же, он лучший?!

— Без сомнений! Он первым показал, что человеку труд только в радость.

— Не понял. Объяснитесь!

— Тогда зачем же он увеличил пенсионный возраст на целых пять лет?

— Это-то понятно. Потому что слишком много развелось льготников да пенсионеров! И с этим надо было хоть как-то кончать.

— Правильно, все знали об этом, даже вы. И только лишь он один догадался!

— Я же и говорю, он лучший!!

— Несомненно! Ведь кто, как не он, ратует за ослабление курса национальной валюты. Давая этим понять, что экспорт главнее импорта!

— Разве это не так?

— Так, но ведь у каждой медали всё же две стороны.

— И какая это по-вашему: лицевая или тыльная?

— По мне так это вообще ребро!

— Ага! Уразумел! Значит, вы против политики президента. А ведь народ её в целом одобряет! Конечно, есть некоторые перегибы. Он и сам об этом иногда говорит. Но всё это от того, что вокруг ещё много врагов! Особенно за рубежом. А вот я его курс одобряю. И пусть это пока ещё не лицевая сторона медали, а только тыльная, я уверен в том, что он и на ту сторону перейдёт. Это же Путин, а не какой-то там Распутин!!

— А вы знаете истинную фамилию президента?

— Да, слышал. Даже читал глупые нападки в интернете относительно того, что он Циноввер какой-то там, а вовсе не Путин! Но это же брехня! Мало ли кто на кого похож. Да и вообще вся логика там шита белыми нитками.

— А про отчима читали??

— Это тот, который его усыновил через бабушку??

— Именно. Как его фамилия была?

— Путин, а звали Вовой. Как и нашего нынешнего президента. Дай, Господи, ему здоровья хотя бы до 2036 года!

— Стоп, дорогой вы мой человек. Хватит с вас и этих слов о тридцать шестом годе! Так и до 37 дойдёте. И уже не на словах, а на деле!

— Да пошёл ты!

— Сам иди! Я никого не боюсь. Мне что Путин, что Распутин, что сам Беспутин, хороший, впрочем, боксёр, лишь бы толк был!

— Правильно, толк лично для вас!

— Сам такой. А фамилия отчима Путина была Распутин. Он её переделал в Путин потом.

— Это ещё нужно доказать! Вот потому нам, патриотам, и живётся не очень хорошо, что кругом одни вредители вроде вас, которые даже на подаренной им медали и то ищут блох! Ну всё!! Мне пора уже на митинг. Желаю удачи, человек-правдурб!

— И мне тоже пора. Вы на какой, коли не секрет?

— На несанкционированный.

- Так и я туда же!
- На Навального??
- Ну что вы. Не дорос ещё!
- А я перерос уже и это!

Спустя некоторое время, уже на митинге Навального.

— Ты посмотри, как он меня провёл! Как всё врало-то! А сам, кажись, в первых рядах.

— Надо же, каков хитрец! Что плёл-то! Сам же мимо меня только что на трибуну пошёл речь держать!!

01.10.2020

Шуточки

Почти всю ночь Лойко Наумович не мог заснуть, мучился мыслью о том, как ему половчее подать объявление о сдаче квартиры на Авито. И лишь уже под самое утро, когда усталость взяла-таки своё, он провалился в небытие.

Проснувшись, он сразу же взглянул на часы. Они показывали 12:05. Так что было скорее пора обедать, чем завтракать.

— Ну я и разоспался, — пропел сиплым баском Лойко. — Впрочем, это ничего. Попью наскоро кофейку и за дело, кропать объявление.

Просидев за компьютером не менее двух часов, — именно столько ему понадобилось, чтобы сочинить текст и забросить фотографии, — Лойко, наконец, решил, что с него, пожалуй, хватит. На сайтах знакомств он погостит в следующий раз. Когда уже сдаст квартиру. Ведь на тётенек нужны деньги, притом немалые! А денег у него в данный момент — курам на смех, всего тысяча рубликов, да и та на паперти заработана. Мало стали нынче нищим подавать. А ведь он работал всю субботу и полдня в воскресенье! Всё ковид-19 грёбанный! Совсем людей средств лишил. Не только зарплату не платят, так ещё и многих с работы гонят почём зря! Если так дальше будет, то и квартиру не сдашь. При этой мысли герой наш вначале сильно вспотел, а потом и вовсе на его плешивой голове даже последние волосы и те зашевелились. Но потом он сумел всё же хорошо подумать и пришёл к выводу о том, что уж его хату рядом с метро да ещё в центре завсегда снимут. И тут же сразу и успокоился. Только рубашку с майкой пришлось, однако, переменить. Иначе можно простудиться. На улице, как-никак, конец сентября. А широты-то северные! Только, значит, он вышел на балкон подышать перед ужином свежим воздухом, как ему уже и звонок!

— Это, мол, вы сдаёте квартиру там-то и за столько-то?

На что Лойко, как и ожидалось, ответил утвердительно.

- А когда можно её посмотреть?
- В любое удобное для вас время.
- Тогда завтра в 6 вечера годится?
- Договорились.

Примерно за полчаса до приезда предполагаемых съемщиков, Лойко Наумович навёл в квартире такой марафет, что, как говорится, въезжай, бери ключи да живи. Не только чисто и опрятно, но ещё и паркет так надраен мастикой, что аж в глазах рябит от его блеска. Надо отдать ему должное, он не прогадал в своём усердии. Квартира его настолько понравилась предполагаемым жильцам, что они сразу дали ему добро на съём. И так как Лойко предполагал всё сделать лишь по-честному, то есть оформить письменный договор с данными как его, так и квартиросъемщиков дабы после не возникало ненужных кривотолков, то сразу и захватил с собой требуемые бланки. Только паспортов у молодой пары не оказалось. Они же не предполагали, что им сразу всё понравится. Но они обещали завтра же приехать уже со всеми деньгами и документами. А пока готовы оставить залог.

- Сколько? — спросил Лойко.
- Три тысячи хватит?

Лойко согласился, даже не задумываясь. Раз дали столько, точно не обманут.

Договорились так: завтра в полдень они будут снова по этому адресу уже с деньгами и документами. Выпроводив гостей, Лойко Наумович решил остаться переночевать на этой хате. Для чего сходил в магазин и накупил там продуктов на ужин и завтрак. Потратив на это всю свою тысячу. Почему бы и нет? Ведь у него есть ещё целых три, пусть пока и чужие. Но завтра-то они точно будут уже его кровные. Ибо войдут в счёт за оплату аренды. Эту ночь Лойко проспал как убитый. Потому и проснулся значительно раньше, что-то около десяти. Наскоро перекусив, он тотчас снова принялся наводить ещё больший марафет, чтобы вообще всё теперь блестело, а не только полы!

Увлёкшись этим делом, он едва поспел к сроку, да и то только потому, что поставил будильник на без десяти полдень. Приведя себя кое-как в порядок, то есть наскоро переменив одежду на менее потную, а заодно и побрызгав себя одеколоном, чтобы поменьше пахло от него рабочим классом, Лойко стал ждать визита будущих квартирантов. Но они по какой-то причине запаздывали. Наконец в 12:30 он решил сам им позвонить. Номер их он вычислил по журналу звонков. Но на звонок оператор сообщил, что данный номер находится вне зоны доступа. Впрочем, ему вскоре позвонили они сами. И сильно извиняясь, сказали о том, что они передумали снимать у него квартиру.

— Как же так, — возмущился Лойко Наумович, — ведь я же, поверив вам, уже закрыл объявление!

— И сколько оно стоит, ваше объявление? — осведомились в телефоне.

— Если давать на месяц, то тысяча. Коли на два — то полторы!

— Вот и чудненько! Мы же вам в залог оставили целых три. Так что думаем, вы не в такой уж и обиде. Ещё раз, теперь уж дико извиняемся!! — сказала молодая пара и дала отбой.

— Какие же всё-таки иногда бывают среди людей сволочи! — зло подумал Лойко. А если бы объявление стоило не полторы, а три тысячи?? Я бы тогда вообще ничего не выиграл! Впрочем, в следующий раз буду умнее.

Но на этом беды его не кончились! Всученные ему деньги оказались фальшивыми. Это выяснилось в метро, когда он хотел купить в кассе жетоны. Выходит над ним жестоко и при том сознательно подшутили!! Осознав это, он едва не заплакал. Впрочем, в полицию его не забрали за фальшивки. На слово поверили, что он здесь не при чём. Боле того, один полицейский даже обменял ему их на жетон, плюс дал сто рублей на дальнейшую дорогу до дома.

— Нет, всё же мир пока еще не без добрых людей, — решил Лойко Наумович и, пройдя турникет, двинул «рысцей» вниз по эскалатору, дабы побыстрей добраться до своего основного дома. Ибо именно в тех местах находился источник его заработков. Не болтаться же ему через весь город!

И чем ближе он подбирался к дому, тем всё более отчётливо его серое вещество долбила идея о том, а не продать ли ему обе своих квартиры? А затем вернуться туда, откуда он родом. То есть в табор. Но поймут ли его родные?? Ведь им так хотелось, чтобы их сын осел в большом городе.

09.10.2020

Спасибо за науку

Семён Владленович хотя и был уже в преклонных годах, но до сих пор ещё держался бодро! Во всяком случае, никому не жаловался, даже близким, на состояние своего здоровья. Более того, он не любил распространяться и о своих жизненных неурядицах. Но когда-то давно он не был таким. В молодости он часто жаловался не только близким, но и приятелям на свои трудности, прося у них совета. Только что те могли? Лишь попытаться немного утешить его морально, предложив выпить на брудершафт!

Ведь давно известно, что первый советчик и есть самый злейший твой враг! Да он и сам, похоже, понимал это. Хотя подсознательно ещё на что-то надеялся. И вот однажды, когда ему исполнилось сорок пять лет, Семён Владленович вдруг неожиданно ни с того ни с сего серьёзно заболел. Да так, что хоть свет гаси и сразу умирай, чем так мучиться! Уже и родители заметили, что ему явно не по себе. Когда же ему стало совсем плохо, как это часто бывает, уже далеко за выходом его из больницы, он всё-таки решил посоветоваться с папой о том, как же ему быть дальше? Может, занять у того денег на какого-нибудь профессора, а иначе ведь и погибнуть окончательно от такого состояния можно.

— Папуля, — сказал Семён, — мне действительно очень плохо.

— Да я вижу, не слепой же! — уверил его отец. — Но ты пойми, сынок, уж такова жизнь. Дети малые и те — умирают!

— Ну дай хоть денег на хорошего специалиста. Вдруг всё и обойдётся.

— Да разве я бы пожалел, коли знал бы, что это точно поможет!

На том разговор был и окончен!

В итоге Семён Владленович и сам справился с болезнью. Не сразу, конечно! На это потребовались многие годы. Во всяком случае, пока был жив его папа, он чувствовал себя явно не лучше. Порой и сам непритворно изумлялся тому, какой же он всё же живучий да терпеливый! А когда папа всё-таки умер, ибо два века, кажись, никто ещё не жил, он словно некогда птица Феникс воспрянул, можно сказать из самого пепла! И это в семьдесят лет!! Да он и не мог поступить иначе. Ведь у него на руках осталась престарелая мать. Но недолго пришлось ему радовать матушку сыновьей заботой. Спустя пять лет скончалась и она. Аккурат через день после своего столетнего юбилея.

Успев-таки отметить семьдесят пятую годовщину своего горячо любимого, к тому же ещё и единственного сына!

После кончины матери Семён Владленович, ясное дело, немного взгрустнул. Мать всё же! Но потом решил наконец-таки начать устривать и свою личную жизнь. Ибо понимал, что и так уже чересчур повременил с этим. И так как очень старался, то и познакомился вскоре с «девушкой» на целых пятнадцать лет его моложе! Что тут сказать? Молодец, да и только! Хорошая оказалась женщина, пусть и деревенская. Не только умная да добрая, но к тому же и работающая! Да и детки её, сын с невесткой, тоже показались Семёну Владленовичу хорошими людьми.

Так что зажили они весело. Он с Софьей Залмановной в своей двухкомнатной квартире в Питере, а молодые по-прежнему в трехкомнатной в глухой провинции Ленобласти! Наведываясь друг к другу лишь по праздникам. Но такое мыканье не могло продолжаться долго. Ведь дети теперь оставались без должного присмотра. Причём в такой дали, как

посёлок Загря. Поэтому Семён Владленович принял вполне разумное решение, предложив молодым продать свою квартиру. На вырученные же деньги заняться коммерцией, он подскажет какой. А на оставшиеся деньги взять в ипотеку однокомнатную или даже студию, она дешевле, где-нибудь в области, неподалёку от Питера. К примеру, в Мурино. При этом с нуля — так, всяко, выгоднее. Потом, если у них всё же появится, наконец, дитё, он уступит свою квартиру, она всё-таки двухкомнатная, а сам перейдёт с Софочкой жить в их студию.

Но молодые, как это у них обычно и принято, послушались совета лишь наполовину. Ипотеку взять-то взяли, но квартиры своей не продали! Так и продолжали в ней жить, а заодно работать, он — водителем директора кирпичного завода, а она секретаршей того же директора. Не поверите, но это нисколько не огорчило Семёна Владленовича. Напротив, это его обрадовало. Потому что он в очередной раз убедился в том, что ребята Софьи Залмановны порядочные люди! Не посмели-таки, как видно, и не хотели воспользоваться его добротой. И это спустя два года после его, можно сказать, открытого над ними отцовства.

А раз так, то в следующий их приезд он приготовил для них уже особенные подарки! Которые торжественно и вручил им. Подарки были знатные. Поэтому его и поблагодарили хорошо, даже в щёчку «сынок» поцеловал! Чего прежде никогда не делал. Ещё бы, ведь повезло ему как: золотые часы на запястье, да к тому же фирмы «Роллекс», стоимостью не одну тысячу долларов! А невестке Семён Владленович подарил кулон из палладия с бриллиантом в три карата, причём отменного качества. В общем, потратился порядочно. Софья Залмановна после того, как те отбыли домой, даже выговорила ему за это.

— Больно ты их балуешь! — сказала она. — Оценят ли??

— Полагаю, что да.

В это же самое время где-то на подъезде к посёлку Загря в салоне подержанной Мазды второй модели с ручной коробкой передач происходил примерно такой разговор.

— Дорогой, какой всё-таки отчаянный маразматик твой новый «пашка»! Не проще ли было дать нам деньгами??

— Да он точно большой оригинал. Но ничего, мы их сами в ломбард заложим! А на вырученные деньги ипотеку и погасим.

— В ломбарде столько не дадут. Впрочем, я знаю, кому их задвинуть!

— И кому же, если не секрет?

— Да нашему директору.

— А ведь верно.

Ну они и задвинули. И даже ипотеку на полученные от директора деньги выкупили! Но спустя примерно через год расплата за со-

деянное всё же наступила. Это когда директор во время турпутёвки в Антверпен решил на всякий случай проверить товар на качество у тамошних ювелиров. Сумел-таки, подлюга, вывезти такие ценности за кордон! Оказалось, вещи эти даже не стоят того, что он за них дал! Максимум семьдесят пять процентов в твёрдой валюте. Пришлось согласиться! Не везти же их обратно. Вдруг наши специалисты и этого не дадут!

Досталось же «сыну» и невестке, когда директор вернулся из-за бугра. Не только последними словами клял. Но и вообще хотел уволить, на фиг! Насилу опомнился, когда понял, что этим себе только хуже сделает. Короче, заставил их отрабатывать должок сверхурочно. Её понятно чем. А его зачислил дояром на свою ферму! Чтобы дело с отдачей побыстрее спорилось, заодно приказал и студию в аренду сдавать, когда дом достроят. Пришлось и с этим смириться.

— Что-то ребят давно не видно? — поинтересовался как-то Семён Владленович у Софьи Залмановны.

— Работают в поте лица! Говорят, директор на них за что-то обозлился.

— А как с ипотекой?

— Дом уже сдают.

— Быстро теперь строят, однако!

— Слушай, Сёмушка, я что-то не поняла, если рубль укрепляется, то, значит, доллар за границей дешевлеет??

— Скажешь тоже!! Вот, к примеру, бриллиант, что я невестке нашей подарил, год назад стоил миллион, а сейчас он стоит уже 800 тысяч.

— Ты хотел сказать всего 800 тысяч?!

— Молодец! Правильно. Но в долларах он остался стоить столько же.

— Как это?

— А вот так! Кстати, как там мои подарки: «Роллекс» да кулончик? До сих пор, наверное, на них не нарадуются. Ведь сколько бабла в них вбухал!

— Извини, дорогой, но мне уже пора в магазин, потом поговорим.

— Хорошо.

— Миша, сынок, старый дуралей говорит, что вас, похоже, напарили идиотов!

— Он что, так прямо и обозвал нас?

— Да не, это я от себя. Он просто сказал, что в долларах ничего не должны были потерять!

— Но ведь в Антверпене директору сказали, что в рублях будет не два лимона, а всего лимон семьсот тысяч.

— Но ведь дали-то ему в долларах?!

— Ну да! Ах он, «сука» начальственная!! Выходит, он просто ничего не понял.

— Надо думать!

— Спасибо, мамуля! Передай привет от меня своему Семёну Владленовичу. Да скажи, что я очень благодарю его за науку.

— Какую, сынок?

— Просвещения по поводу стоимости курса доллара! Но в следующий раз пусть лучше дарит деньгами.

Но конец у этой истории всё-таки был хороший. Директор, устыдившись своего произвола, не только извинился перед сыном и невесткой Софьи Залмановны (он после того, как окончательно осознал, что в итоге не только ничего не потерял в финансах, а, напротив, кое-чего даже выиграл), заказал уже за свой счёт по фотографиям у знакомого ювелира копии проданных им в Антверпене предметов! Которые затем и вручил несправедливо пострадавшим.

И те могли наконец-таки в первый раз за последние полтора года навестить Софью и Семёна.

Да, чуть не забыл! Подделки Семён Владленович конечно не заметил. Но то, что молодые стали относиться к нему немного иначе, всё же углядел! Наивно полагая про себя, что это они наконец-то по достоинству оценили не только его честность и порядочность, но и щедроту души!

21.09.2020 г.

Байки от Сержа Троглодитного
(Цикл рассказов)

Алиэкспресс

Живёт у нас на площадке в квартире напротив один очень необычный человек. Зовут его Зенон Львович. Ну, Львович, это и мне понятно. А вот Зенон?? Спросил, не постеснялся. А чего? Я ведь тоже уже на пенсии. Говорит мама так обозвала в честь какого-то греческого философа. Чтобы не рос наивным дуриком, так как само имя уже хоть к чему-то разумному в поступках малость обязывало.

Так вот, любит этот Зенон, как говорят знающие его основательно люди, дурью маяться. Вот и теперь, мол, подсел дальше некуда на какое-то там Алиэкспресс. А ведь самому уже под семьдесят. Дай, думаю, спрошу его сам — правда это или опять очередные наветы завистников. Всё неймётся, паразитам, что они с женой одни в трёхкомнатной квартире проживают. И как только увидел его у пивного ларька, как и обычно с кружкой в обеих руках, на меньшее он почему-то не соглашается, выдать — норма такая. Ну и говорю ему:

— Львович, ты эдак скоро и три уделаешь!

— Нет, — говорит, — Сергуня, это вряд ли. С возрастном мы ведь только хиреем.

— Это верно, — поддакиваю я. — Но ты ещё о-го-го!

— Да и ты, вроде как, тоже не хвораешь. А ведь, кажись, уже на пенсии.

— Верно, с год уже как получаю.

— Повезло тебе, что успел заскочить в последний вагон! Не то точно бы повкалывал лишнего хотя бы с годик.

И так я расстроился от него услышанному, что и себе заказал кружечку, правда маленькую. Я ведь можно сказать, непьющий. Ну и стали, значит, мы с ним продолжать нашу беседу.

Поговорили чуток о нынешней жизни. Похвалили президента за его разворотливость, главный же в стране. Димсяндрия, напротив, малость покритиковали за его нерешительность. Тут я, улучив момент, и спросил соседа о том, что он нашёл такого в этом Алиэкспрессе, что даже чужие люди этому дивуются? Вижу приятно ему сладенькое в уши, а может и в сами зубы, даже порозовел малость.

— Ты, — говорит, — Сергуня, хоть и моложе меня, а видеть техническим прогрессом уже не шибко интересуешься.

— Почему это? — обижаюсь я.

— Интернет есть у тебя? — как бы не замечая моего пыха, спрашивает Зенон.

— Есть, и быстрый!

— Тогда ты совсем дурак. Ведь Алиэкспресс — это первейшая сила в России на сегодня в онлайн торговле!

— Подумаешь, — огрызаюсь я. — Я же не торговый работник. На кой оно мне?? Я лучше книгу умную почитаю, чем буду в инете непонятно для чего шариться.

— Ладно, замнём. А скажи-ка мне, Сергуня, любишь ли ты свою Надюшу?

— Конечно! Даже очень.

— Подарки ей даришь?

— А то как же!

— И как часто?

— Так это, на Новый год обязательно. Затем 8 марта. Ну и в День рождения.

— И это всё?

— К сожалению, да, подарки ведь стоят дорого!

— А вот тут ты, братец, неправ, причём дважды. Главное не цена, а внимание. Чем чаще женщина видит от тебя знаки внимания, тем больше она будет гордиться тобой перед подругами. А те, стало быть, ещё злее завидовать. Ведь их мужья такие же как и ты, и внимания от них можно добиться лишь по большим праздникам, чего, мол, мелочиться. Я же поступаю не так.

— А как?? Говори уж, не томи.

— Я покупаю на Алиэкспресс в большом количестве бижутерию и дарю её супруге при всяком подходящем случае.

— Да ну тебя! Бижутерия — это халтура, на неё даже пробу не ставят! Мне за такой подарок Надюша сразу по кумполу настучит.

— Ещё как ставят!

— Врёшь.

— Не, честное слово. Это же Китай! Великая, я тебе скажу, страна. Там наши законы совершенно не работают. Только лучше всё же предупредить о том, что тебе нужен штамп заранее. Чтобы продавец случайно не забыл это сделать.

— Не, меня это не интересует, — говорю. — Я лучше меньше да лучше.

— Как скажешь. Только одно не забудь напоследок, серебро там не покупай. Его там по нашим ценам нету. Если что и есть, то это медяшки посеребрённые со штампом. А вместо топазов, цитринов и прочих — обычный фианит.

— Понял. Так я пойду, нет, лучше побегу, а то уже замёрз малость! — говорю я и преданно смотрю Зенону Львовичу в глаза.

— Иди уж, мне все равно за тобой не поспеть.

Я и «пошёл». И пока бежал всю дорогу, корил про себя соседа за скупость и расчетливость. А как домой пришёл, то и вовсе расстроился окончательно. Ибо вспомнил, что у Надиной дочки скоро день

рождения. Значит, надо дарить подарок. А денег у меня осталось мало. До пенсии же ещё ох как далеко. И что же мне теперь делать??? Не заниматься же их у знакомых, могут ведь и не одолжить. Ладно, была не была! Посмотрю-ка я повнимательней в интернете на этот самый Али-экспресс. Может и найду все же серебришко дешёвое. И нашёл-таки!!! Только прав был Зенон Львович, не серебро это оказалось, а нейзильбер (белая бронза) посеребрённый, да ещё и с кубическим циркониюм вместо топаза! Но это выяснилось совсем не скоро и только в ломбарде. Да и вообще, тот сам плох, кто чуть что не так, сразу несёт подаренное в ломбард. Вот и верь после этого зарубежным штампам и сертифика-там!

11.12.2019

Белочка

Когда мне совсем уж нечем заняться, я обычно хожу в парк, что за домом, кормить птичек. Вот и на днях, когда совсем невмоготу стало смотреть новостные передачи, а иное я вообще не смотрю. Ибо все их истории типа сериалов про любовь или братву я, можно сказать, и сам сочинить могу! Взял, значит, я хлебушка для птичек ну и всякой там мелкой шушеры. Себе же, как и обычно, шкалик коньячку да шоколадку с орешками на закуску. Да и двинул прямо на детскую площадку. За ней как раз и кормушки на деревьях установлены, где для птичек, а где даже и для белочек. Да-да, в нашем парке есть белочки, причём много! Окраски любой: от ярко-рыжей до почти чёрной. Только белочек я не очень жалую, уж больно они шустрые. Чуть зазеваётся ребёнок при кормлении этих самых белочек, как они у него орешки едва ли не из ручонков вырывают. А если он возмущаться начнёт, так и напрыгивают: давай, мол, пострел ещё, не то хуже получишь.

Пришёл, значит, я на место, покрошил хлебушка птичкам в кормушки да и сел неподалёку на скамеечку прямо под раскидистым дубком, ну и давай любоваться как голуби, отогнав синичек и воробьёв, жадно уплетают хлебушек в кормушках. От, дристуны мордатые, сколько же их развелось! Постреляли бы, что ли, добрые люди, а то ведь через ваше обжорство птичья мелюзга и вовсе может прокорма лишиться. И чего-то расстроился я, да так, что выпил одним духом едва ли не пол шкалика! А такое со мной редко бывает. Я ведь пью-то, как воробей, да и то лишь по праздникам или как сегодня под особое настроение. Выпить выпил, а закусить-то забыл. Шоколадка так и осталась непочатой рядом на скамейке лежать. Вдруг слышу какое-то шуршание в ветвях, прямо над голо-

вой. Глянул — нет, никого не видать. Ну, думаю, померещилось. Никому я не нужен! Белки не только коньяк не пьют, они, наверняка, и шоколадку, даже с орехами, не жалуют. Это мысль вроде как сразу и развеселила меня. Решил я проверить, так ли это на самом деле. Плеснул я чуток коньяка в крышечку от шкалика да и поставил подальше от себя на скамейке. Я ведь знаю белок. Вроде их и нет нигде поблизости, а чуть что у тебя вкусенького завелось, они уже тут как тут, словно невесть откуда появились.

И точно, только я, значит, отвернулся, чтобы шоколадку на кусочки покрошить, а заодно и выковырять из неё несколько орешков на всякий случай, может кому-нибудь окромя меня сгодятся. Как одна рыженькая сверху буквально молнией прыгнула на скамейку. И сразу прямо к пробке. Сунула, значит, мордочку к коньяку поближе. Да вдруг как чихнёт и, видать от неожиданности столь непривычного ощущения, а может, еще и со страха, кто его знает, развернувшись, тут же прыгает мне на голову! Да так шустро, что я и пискнуть не успел, где там слово «мама» сказать. И продолжает дальше поливать соплями теперь уже мою голову. А заодно ерошить, точнее драть коготками, остатки моих волос.

Что тут прикажешь делать? Ведь это не только неожиданно, но ещё и неприятно. Поднял я, значит, руку, хотел спихнуть её с головы, чтобы чего большего не натворила. Да вовремя передумал. Вдруг укусит ещё. Это же всяко больнее. А может она и вовсе заразная какая. Буду лучше я похитрее. Взял в руку орешек побольше из шоколадки да и поднёс к голове. Слышу, чих вроде как прекратился. А потом и вовсе сменился подозрительным сопением. Подобное продолжалось секунд пять, затем, какие-то маленькие мохнатые лапки вцепились в мою руку, в то место, где я держал орех, и силой вырвали у меня его. После чего раздался шустренький скрежет острых зубок, а вслед за этим резкий толчок задних лапок, аккурат в мою проплешину. После чего гибкое тело белочки вновь скрылось в ветвях дуба.

Отерев платком малость поцарапанную, но сильно вспотевшую голову, я решил сразу же отправиться домой. Потому что впечатлений на сегодня для меня было уже более чем достаточно. По пути я зашёл в магазин и купил себе кепку. И хотя сейчас середина лета и на улице жара, я больше никогда не выйду на улицу без кепки. Потому что, как говорится, лиха беда — начало. Сегодня белочка прыгнула нечаянно на голову, а завтра, может, так же и птичка на неё нагадит! И тут меня словно бы осенило, а если это будет кирпич?? И я снова пошёл в магазин, теперь уже строительный, за каской!!

24. 12. 2019

Неудавшийся донжуан

Познакомился я тут с женщиной. Красивая. Что руки, что ноги — длинные да стройные. А коса, аж до самых пяток! Только для чего это — непонятно, видать, что-то прикрывает ей. А какая она умная! Я это сразу почувствовал, ещё на первой нашей встрече.

— Идём, — говорит, — вначале в музей, а потом, если успеем, то и в кинотеатр заглянем. Ведь именно сегодня премьерный показ нового блокбастера про любовь.

И действительно, всё успели. Даже до дома потом её еще довёз на такси! А ведь не близко было, с Невского аж до самого Кронштадта. Ну да ладно, сам виноват. Думал в гости пригласит, далеко ведь обратно добираться. Как же, пригласила! Сказала, что уже поздно, а ей завтра на работу рано вставать.

До Ораниенбаума добрался как раз к пяти утра, когда первые автобусы до Питера пошли. А вы как думали?? По дамбе пешком, да ещё тёмной зимней ночью. Никак тут быстро, уж поверьте, не получится. Почему пёхом топал? Я же не предполагал, что она такая! Вот потому до самой двери и проводил. Таксист же, видать, тоже не додул, чем мои амурсы могут закончиться. Вот и уехал не дождавшись. А может и ему завтра рано вставать. А в два часа ночи, я вам доложу, в тех краях никаким транспортом уже не пахнет. Видать, все там любят поспать!

Так что набрался я ощущений, пока добрался до дома, дальше некуда! Но всё равно на следующий день не поленился позвонить ей и предложить вновь свои услуги. Типа, погулять да в кино сходить. Она почему-то согласилась. Ну я и оттаял. Полагал поняла, значит, что была неправа. Так мы и таскались с ней по Питеру каждые выходные в течение трёх месяцев! Больше, правда, я её на такси до дома не провожал, да и на автобусе тоже. Впрочем, она и не просила. Зато в гостях она у меня таки побывала! Но на ночь всё же не осталась. Пришлось снова такси оплачивать! Когда она уехала, я в сердцах даже подумал, а оно мне надо?! Я же не дойная корова, в конце концов. Ну и озлился малость.

Но, как только она позвонила и пригласила меня в выходные погулять по Кронштадту, вся хмарь из моей головы сразу вылетела. Более того, я решил совсем уж покрасоваться в этот раз. Приоделся да и денег взял побольше, на всякий случай. Еще и напялил на безымянный палец правой руки перстень с сапфиром. Камень хоть и плохенький, зато настоящий. Купил по интернету в одной из развивающихся африканских стран. Гуляем мы с ней по Кронштадту. Зашли сначала в музей истории города, потом уже и в собор. Они там рядышком. Музей мне понравился лишь тем, что там входные билеты дешёвые. Смотреть

же ровным счётом нечего. У Соборных господ дела обстояли явно получше. Икон, подаренных большими людьми, и тех более десятка. А народа и вовсе — толпы! Особенно китайцев. Я и не предполагал раньше, что они в душе такие христиане. После собора пошли по дороге к садику, где Петр Первый стоит. Тут она и обратила, наконец, внимание на мой перстень.

— Откуда у тебя, — спрашивает, — такой шикарный камень?

— Купил, — говорю.

— Небось, дорого стоит? Это, кажись, сапфир.

— Недёшево, — говорю, — камушек-то настоящий!

— Да я вижу. Не дура же! А подарить слабо?

— Это ещё зачем? А кому??

— Как кому? Мне, конечно!

— Так он же мужской!!

— Ну и что, зато он очень мне нравится! Ну так как?

У меня от этих слов аж рубашка прилипла к спине, так взволновало меня это её предложение. Ну, думаю, попал! Что теперь делать-то??

— Так он тебе, пожалуй, велик будет.

— Дай померить.

Пришлось дать.

— В самом деле, — говорит она, — велик. Впрочем, нет, самое то на большой палец!

— Но так ведь не носят! — чуть не плача говорю я.

А она:

— А я буду!!

Что тут поделаешь! Пришлось подарить. И такая тут тоска меня сразу взяла, что не только продолжать гулять расхотелось, но и вообще эта дама мне почему-то тут же разонравилась. И так домой мне вдруг захотелось! А она, наглая, меня за руку так и тянет, вести, мол, куда-то желает. Словно и не замечает, в какой я печали.

— Не, — говорю я уже со слезами, — ты иди куда хочешь, а я поверну к автобусной станции. Совсем, понимаешь ли, забыл, что мне сегодня в вечернюю смену.

— Ладно, — говорит она, — на работу, так на работу. А я хотела тебя к себе в гости пригласить, с мамой и братишкой познакомиться.

«Однако, — думаю я, — это что же такое получается? Выходит, мне ещё и на брата с мамкой раскошелиться придётся, если соглашусь?».

— Нет уж, — говорю я сам себе приказным тоном, — прочь отсюда, дебил перезрелый, так хоть одним перстнем отделаюсь! Сказал, значит, это сам себе, да и двинул дальше, теперь уже что было во мне сил по направлению к автобусной станции.

Больше я с ней не виделся. Хотя она и пыталась до меня неоднократно дозвониться по сотовому. И я считаю, что поступил правильно. Ведь если человек выпараживает с боем то, что ему даже не подходит, что же он тогда сделает с тобой за то, что ему в самом деле к лицу?!

10.01.2020

Хомячок

Я человек по натуре добрый. Приятельствую даже с теми, с кем иной и какать рядом не сядет. А что, ведь не обижать же людей за одно лишь то, что они такими некачественными на свет явились. Так вот, числится у меня в приятельницах тётя Клава, жена соседа моего Гриши из квартиры напротив. Давно мы уже с ней знаем. Да только толка — как была злющая, так и осталась! Это несмотря на то, что уже раз двадцать чай с ней у меня дома, причём без её мужа, попивали.

А с мужем то её с тем и вовсе пару раз так набрались, что она его на себе аж до своего порога пёрла. Почему только до порога? Так не тащить же всякую пьянь в свою постель. Ей и на коврик перед дверью самое место. Да и соседи обязательно застыдят, если обнаружат такое вот Чмо у себя под ногами. Не, не её, а его! Она же не дура, всё-таки, чтобы к пятидесяти годам не знать, как такие дела грамотно перед общественным мнением обставить.

Как-то раз углядела эта самая соседка у меня в спальне, не подумайте чего плохого, она туда случайно забрела, клетку с хомячком уйгурской породы. Это тот, который узкоглазенький и всего лишь с мышку величинной. Ну и говорит:

— Подари-ка мне, мой разлюбозный сосед Сержик, эту клетку с хомячком. Он вон у тебя какой махонький! Видать, плохо ты его кормишь. Оно и понятно, без хозяйки живешь. Тут самому бы пожрать суметь, где там о ком-то ещё думать! А я женщина хозяйственная, у меня еды всегда в достатке, так что потчевать его стану, не чета тебе.

— Не, — говорю, — не отдам!

— Почему это?? — удивляется Клава. И смотрит на меня своими колючими глазами так, словно влезть мне в самую душу хочет. Меня от такого взгляда вмиг аж пот с мурашками прошиб.

«Вот, — думаю, — влип, как же теперь выкрутиться?»

— Да ты не злись, — говорю. — Я бы с радостью. Для такого человека, как ты, разве подобного добра жалко. Только он болеет сейчас. Ему бы поправиться вначале. Перемена обстановки — это ведь всегда большой стресс. Тем паче для такого крохотного зверюги.

— Сколько же ему на поправку надо?

— За неделю, полагаю, выздоровеет. А там и забирай, как и хотела, прямо с клеткой. Причём, заметь, бесплатно!

— Не поняла??

— Это я так шучу.

— Теперь понятно, юморист хренов. Помни, что у тебя только неделя, ни часом больше! — сказав это, Клава выпила со мной чайку на посошок и пошла будить своего обормота мужа. Ведь это происходило в воскресенье. А в выходные эта «скотина» никогда не встаёт раньше полудня.

Дурак! Ведь с утра до полудня, да ещё в выходные, такого наворотить можно! И тут задумался я не на шутку. И хомячка жалко, каково-то ему будет в чужих руках? Может, руки эти потные да грязные. Не-не, это я о том, вдруг его и Гришка когда-нибудь приласкает. Ведь всякое в жизни бывает. Да и ссориться с Клавдией не резон. Пусть мы с ней и кореша, но натура-то у неё, что у гарпии необъезженной! Ей только слабинку дай, вусмерть затрахает конфликтами! А какой из меня конфликтёр? Я потому и стараюсь дружить со всеми, чтобы никого не злить по возможности. Но через пару дней я уже знал, что делать. А всё потому, что не поленился взять недельку в счёт отпуска на работе.

И вот что я удумал. Прежде всего мне необходимо найти в зоомагазинах города хомячка уйгурской породы, как две капли воды похожего на моего. Ну и затем всучить его под видом того соседке. Но только как быть с клеткой? Хомячку же нельзя пастись на воле. Он мне тогда не только на подушки нагадит, так ещё и погрызёт чего-нибудь! А оно мне надо?! Ладно, куплю и клетку. Но уже попроще, чтобы никто в будущем, хотя бы из-за неё, на живность мою не позарился. Уж коли решил что, то, стало быть, это сразу надо и начинать воплощать в жизнь. Так всяко быстрее получится.

Не поверите, лишь к выходным отыскал зверюшку, которого, если даже их посадить рядом, нипочём не отличишь от моего! Так что сами представляете, насколько велика была моя радость, когда я в воскресенье с самого утра, пока сосед ещё спал, предстал с клеткой, внутри которой сидел уйгурский хомяк, перед очами моей соседки. И хотя я был еще в пижаме, это отнюдь её не смутило.

— Проходи в кухню, я как раз кофейку сварганила. Гришка раньше обеда всё равно не проспит! Вчера у друга на дне рождения был. Ну я и прошел прямо с клеткой. Поставил оную на окно да и сел за стол попить кофейку. Надо сказать, хорошо посидели! Есть что вспомнить. Но к обеду, когда сосед, наконец, в чувство пришел я уже был дома. Сидел на кровати и глядел с тоской и в то же время какой-то затаённой тревогой на то, как мой хомячок бегаёт по клетке, пытаюсь как можно быстрее пометить всю новую территорию.

В понедельник, когда мой внеплановый отпуск уже закончился, я снова вышел на работу. Вначале всё шло хорошо. Несколько дней соседка обо мне словно бы и вовсе забыла. Даже чаю попить ни разу не зашла! А потом ЧП и случилось. Хоть и мегера, а видать, тоже слабину дать может. Не постеснялась, курва, даже на работу мне позвонила. А у меня отчётный период! Мне в это время, сами понимаете, всякое волнение крайне противопоказано. А тут на тебе! Хомяк, мол, мой у неё пропал. Из клетки вылез да исчез куда-то.

— Он что, не под замком, что ли, был? — спрашиваю.

— Да нет, — говорит, — под замком. Видно, Гришка, подлец, ему ключ подсунил, чтобы мне напакостить, а самому остаться не причём.

— Ты что, — говорю, — совсем, что ли. Хомяки ключами пользоваться не умеют! Это же не обезьяна.

— А ты почём знаешь?

— В книге читал!

— Тогда, значит, это Гришка сам его и выпустил? У, подлюга, отравлю!

— Да погоди ты! Может еще найдётся.

— Как же, жди.

«Ё-моё, что же делать-то теперь», — печалюсь я? Надо бы, когда вернусь домой, первым делом клетку с хомяком в кладовку спрятать. Иначе я точно не жилец! Ежели она собственного мужа за одно нехорошее дело отравить пожелала, то меня, какого-то соседа, узнав о моём обмане, точно насмерть погубит. С этой мыслью я, бросив отчёт, как угорелый и примчался домой. А там соседка моя уже ждёт меня на кухне. Она, оказывается, уже сумела сделать дубликат и с моих ключей, ведь она заведующей домом быта работает. Говорит, что не со зла, так, на всякий случай. Мы же с ней не только соседи, но и друзья. И уже, не оправдываясь за ключи, смело, да нет, скорее нагло так, заявляет мне:

— Похоже зря я, Сержик, сильно волновалась. Хомячок-то мой нашёлся!

— Где? — спрашиваю, а что еще мне оставалось делать. Не признаваться же!

— Сидит в клетке, что у тебя в спальню на подоконнике.

— Ты уверена, что это именно он?

— Так вылитый!

— А может я себе ещё одного купил.

— За кого ты меня держишь, сосед? Всё, хватит, пошли забирать!

Ну что тут скажешь! Гадина она и есть гадина!

Пришлось допустить и отдать.

— Не, это точно не Гришка, виноват. Просто у тебя не хомяк, а гений животного мира! А вот это тебе, за душу твою честную, — говорит она

и достаёт из авоськи бутылку армянского коньяка пятилетней выдержки. — Ведь мог бы и не признаться.

А хомяк тот потом нашёлся. Оказывается, Гришка его на работе забыл, куда носил, чтобы диспетчершу поугагать, дабы поговорчивей была по работным делам. Очень уж она, как говорила, мышей боялась. Пришлось и вторую клетку отдать, так как соседи нипочём не захотели мне хомячка возвращать. Ещё бы, зря что ли за него целая бутылка дорогого коньяка мне была подарена!

4.03.2020

Один в большом доме

Чем я становлюсь старше, тем большим предстаю перед другими нытиком и брюзгой. А всё потому, что уже с самого детства поставил перед собой слишком высокие цели. Преодолеть которые, как потом оказалось, было лично мне не по силам. По-видимому, это происходило оттого, что я был не в меру высокого мнения о своих способностях. Вначале я захотел стать оперным певцом. Голос у меня был роскошный. Бас редкого тембра и огромного диапазона. Даже в семнадцать я уже довольно легко держал ля контроктавы внизу и ре-бемоль второй вверх. Но музыкального слуха у меня, можно сказать, почти что не было. Во всяком случае такого, чтобы на слух петь хотя бы похожее на оригинал. Заучивать же куски по нотам, в коих я хоть как-то разбирался в силу своей природной любознательности, мне явно было запаadlo. Ибо полагал, что с таким голосом всё должно проститься.

Я даже в консерваторию попёр поступать, кое-как, на глазок, заучив партию князя Игоря, а заодно и хана Кончака. Полагал, что гению этого хватит для того, чтобы его оценили по достоинству. Хотя клави́р с собой всё же захватил на всякий случай. Ну и проорал Заставному всё так мощно, что он бедный аж заплакал от зависти. Я тогда так думал. Теперь-то я понимаю, что кое в чём он был всё-таки прав, когда не взял меня в свой класс, сославшись на то, что одного, мол, голоса мало для того, чтобы стать большим артистом. Да и с нотами у вас, как бы помягче сказать, молодой человек, не всё в полном порядке. Вам бы в музыкальное училище вначале, а потом уже только в консерваторию. Я обиделся, конечно. Горячий был тогда ещё. Словно какой-нибудь кавказец! Ведь школу-то я в Баку закончил. Ну и сказал ему на прощание пару ласковых слов. После чего, уже не мешкая, покинул это оказавшееся для меня несчастливое место. Параллельно этому я мечтал быть ещё и художником. Точнее сказать, я им уже был. Накалякал картин немало и мнил уже себя если

не новым Леонардо, то вторым Шиловым уж точно. Но и этой мечте не суждено было сбыться.

И так как я не поступил в консерваторию (живописи же, я полагал, мне и вовсе не надобно учиться, считал — и так всё умею), то загремел на срочную службу во флот. Там-то я окончательно понял, что я из себя представляю в действительности. Ибо служа в армии, я мог видеть работы других матросов, в особенности тех, что уже закончили до службы хотя бы художественную школу. Глядя на них, я начал сознавать, что мои мазилки ничуть не лучше. Стало быть, я не так талантлив, как о себе возмнил. В чём я после дембеля окончательно убедился уже в первый год своей гражданской жизни, выставив по знакомству для продажи свои натюрморты в комиссионном магазине. Я не только не продал ни одного из них в течение полугода, так еще и заплатил изрядный залог, чтобы забрать обратно мои «шедевры».

В довершение к двум этим напастям, я страдал ещё и третьей. Мнил себя одарённым поэтом. И строчил минимум по стихотворению ежедневно. Выбрав несколько десятков из тех, что получше, я, не задумываясь, понёс их в дом Писателя на Шпалерной. К самому критику Рубашкину. Тот раз в неделю снисходил со своих высот на землю, дабы попытаться в очередной раз выискать хоть один великий талант среди молодых стихотворцев. Но пока, как я подозревал, попытки его были тщетны. Великие ведь вообще рождаются редко, а поэты тем более. Я, конечно, не считал себя великим стихоплётом, но на поддержку своего дарования в лице данного маститого чиновника определённо рассчитывал. Увы, и в этот раз я жестоко разочаровался. Дело даже не в том, что мои стихи в ту пору были действительно слабыми, в чём я теперь просто уверен (сейчас я пишу значительно лучше, иногда даже печатаюсь в провинциальных газетёнках), а в том, как он отнёсся к тому, что начинающий поэт принёс ему, уже замшелому метру, свои творения. Он даже читать их начал в первый раз только в моём присутствии. Это спустя две недели после того, как я отдал рукопись в его руки. То есть уже тогда, когда по регламенту к этому времени должен был мне представить заключение уже в письменном виде! И сразу же в мой адрес сплошная критика! То рифма и ритм хромают, то нет глубины мысли, то ещё чёрт знает что. Короче, в итоге он выразился так:

— Стихи — это не всплески эмоций. Это нечто большее! В них не только должны быть чувство и содержание, но ещё введение, продолжение и заключение со смыслом! А не просто какое-нибудь там примитивное окончание.

Что тут скажешь? Голова да и только, этот Рубашкин! Так что пошёл я в очередной раз не солоно хлебавши обратно в свои пенаты. Решив от-

ныне больше дурью не маяться, а как все нормальные люди устроиться на работу и начать учиться заочно, чтобы не зависеть от стипендии да подачек родителей. Вот так я учился и работал. Через десять лет уже, правда, только работал! И дослужился-таки до главного инженера филиала в одном из транспортных предприятий. А тут и перестройка началась. Вскоре и кооперативы появились. И я решил удариться в коммерцию. Но не долго мне пришлось использовать своё служебное положение в личных коммерческих целях. Вскоре мне стали поступать предьявы от начальства в том, что я делюсь с ним не по правилам. А этого быть недолжно! Я хотел было их урезонить заявлением об уходе, заодно намекая на то, что отстёгивать больше мне просто пока не по силам! Они же возьми да подпиши. Знали, опытные были волки, что святое место пусто не бывает!

И оказался я как в сказке Пушкина в итоге — снова у разбитого корыта! Хорошо хоть приятель помог. К себе в книжный кооператив устроил. В те годы книги покупали хорошо. Деньги у народа ещё водились. Да и в открытую теперь стали издавать то, что было прежде под запретом. Вот коммерсанты да жучки мелкие вроде меня и жировали, причём довольно долго. Даже новая, голодная до денег власть им была не помехой. Некогда ей было заниматься всякой шушерой. У неё первым зачином стояло великое дело приватизации!

Первые годы нового времени, примерно до года девяносто шестого, люди всё ещё часто покупали книги, теперь уже на последние гроши. Верно как и я по наивности полагая, что скоро социализм опять вернётся. Ведь не может же длиться подобный бардачный беспредел вечно. Тогда все зланные книги точно снова запретят! И будет можно втридорога их продавать из-под полы. Но перемены власти не случилось. Случился лишь Великий кризис 1998 года. Когда даже заявление Ельцина о том, что он положит голову на рельсы, если случится подобное, не помогло удержать в узде доллар. Голову Боря, правда, не положил, но премьера за разгильдяйство всё же турнул! Потом и сам Борис Николаевич канул в небытие. Много, конечно, напортачил он за годы своего царствования, но две правильные вещи всё-таки сделал! Первое: в виде ваучеров отдал всё имущество государства в руки народа. Хотя поторопился немного. Объявив вначале рынок, а не переходной период. Второе: приватизация жилья.

Новый же государь Владимир Владимирович тоже очень хорош как начальник! Но лично мне запомнился меньше. Думаю потому, что правит и по сию пору. И все лучшие дела у него ещё впереди! Особенно после обнуления его прошлых сроков президенства. С тех-то самых пор, как я стал заниматься книжным бизнесом, коплю я деньги на чёрный день. Немало уже наскрёб. Но всё ещё недоволен! Не могу до сих пор вопло-

тить в жизнь то, чего всей душой желаю. Идеи иметь свой собственный замок! Ну, замок, это я загнул, конечно. Хотя бы особнячок захудалый, этажа эдак в три, площадью примерно пятьсот квадратных метров. Думал, накопил уж. Пора и строиться начинать. Ан, нет. Тут тебе возьми да и объявись эта ненужная война на Донбассе! Как следствие — лютые санкции от ЕС и США. И бедный наш рубль в очередной раз опущен дальше некуда! Ведь не будешь же всё держать в валюте. Деньги крутить надо, чтобы капитал заметно увеличивался, а делать это я мог лишь в рублях. Впрочем, перевёл бы все доллары и евро в рубли, точно бы ещё больше потерял. У меня же нет валютной выручки от экспорта товара за рубеж. Наши книги там мало кому нужны. Да и то только антикварные. Впрочем, недавно моя мечта частично всё же сбылась. Уже после начала пандемии. Один мой прежний приятель (знакомы ещё с лихих девяностых) попросил меня присмотреть за его поместьем на Псковщине.

— Заодно, — говорит, — и понюхаешь, что это значит быть хозяином большого дома. Может и раздумаешь свой собственный строить.

— Как же, жди, — говорю. — Для меня это главный смысл всей моей жизни!

— Идея фикс, что ли? — посмеивается приятель.

— Да хоть бы и так, — говорю. — Тебе-то что?

— Да так, — говорит, — просто спросил. Вот тебе ключи, а заодно и документы на временное проживание.

— Сам куда направляешься? — спрашиваю.

— На Занзибар еду. Виллу покупать.

— А где это? — спрашиваю.

— В Танзании. Домик прямо на берегу Индийского океана.

— Понятно, — говорю. Про Индийский океан у нас даже ребёнок знает. — Когда обратно ждать тебя?

— Точно не знаю. Но за полгода определённо успею. Я же виллу поэксплуатировать должен! Вдруг фуфло сунули.

— Могут и сунуть! — авторитетно заявляю я. — В Африке они все такие.

— Ладно, бывай, — говорит приятель и, крепко пожав мне руку, садиться в свой автомобиль и уезжает.

Нашёл его «хатку» я сразу. Домишко серьёзный. Лямов на полтора-ста вместе с участком, не меньше! Напоминает по виду Екатерининскую горку в Ораниенбауме. Даже цвета одного — голубого. Заборчик вокруг его угодий небольшой, так, для форсу, метра полтора, не более. Правда верх из колючей проволоки. Короче, тренированному человеку, если очень надо будет, то и перепрыгнуть можно. Странно, думаю. Видать, неспроста. Либо все его тут боятся. Либо охрана у него супер крутая. Да

где же она, охрана эта? Калитку ключом открыл, до дома по аллее дошёл. Стою теперь перед дверью на крыльце, буду и её открывать! А до сих пор никто так и не поинтересовался, что я-то здесь делаю? Ведь я явно не свой пока ещё в этом доме. Открыл дверь, внутрь вошел, а там красота да и только! И подобное на всех трёх этажах. И что совсем уж непонятно, внутри ни души! Ни охраны, ни горничной, ни кухарки завалящей, чтобы позвать тебе приготовить.

Во, думаю, попал. Как же тут жить? Так вот и зажил один во всём доме! Прямо как бобыль в своей хате. Всё сам да сам! Готовить сам. Убирать тоже сам! В магазин за продуктами и то сам, причём пешком! Машина хоть и была в гараже, скромная, правда, для такого дома, всего лишь КИА какой-то навороченной модели. Да что из того? Мне водить авто зрение не позволяет, впрочем, я и не умею.

Первое время мне было интересно по этажам шастать, а заодно и по комнатам шарить в поисках чего-либо интересного. Но примерно через месяц это мне надоело. И я стал по-настоящему тяготиться своим одиночеством. Да и обстановка своей излишней роскошью тоже давила на меня. Ведь я к такому не привык. Поэтому в мозг всё далее закрадывалась мысль о том, а надо ли столь много для потехи души всего лишь одного человека? Кому потом это всё достанется? Опять же государству. Ведь наследников у меня нет! И такая на меня тут напала тоска, что я решил обязательно с кем-нибудь познакомиться.

Пошёл в местный клуб «кому за» да и привёл оттуда в «хибарку» друга, девушку. Моложе меня лет эдак на пятнадцать, то есть примерно годков сорока пяти. Гитара, да и только! К тому же ещё и симпатичная. Поваром в ресторане в Питере работает! Сюда к брату погостить приехала. Он охранником в соседнем поместье работает. В том, что за поворотом, прямо у озера. Знаю я это место. Особнячок, конечно, не чета дому моего приятеля, но тоже ничего. Привел я её в дом. Полагал, пригодится, повар всё-таки! Она и пригодилась. И не только как повар! Впрочем, рукастая была женщина. Всё делала так, словно этому всю жизнь обучалась. Покуролесили мы с ней тоже примерно с месячишко. Потом мне она и говорит:

— Или ты женишься на мне и после забираешь к себе уже насовсем. Или я тотчас уезжаю обратно в Питер и выхожу сразу же на работу!

Жениться-то я, может быть, на такой женщине и не прочь. Только куда я возьму её? Не в квартиру же свою двухкомнатную! Правда, она в самом центре Невского проспекта. Но это же тьфу да и только в сравнении с теперешними моими хоромами! Я же не говорил ей, а зря, что хозяином лишь на время поставлен. Тогда бы точно на такого, как я не польстилась! Пришлось сделать вид, что я не могу на ней жениться, так как уже женат, даже паспорт пришлось поддельный предъявить, у меня

есть такой на всякий случай, от подобных заморочек, в нём написано, что у меня не только супруга, но ещё и трое детей: Саша, Паша и Даша, потому как она в это верить не хотела, полагала, что я специально, так говорю из-за того, что она бедная, а я — богатый.

— Хорошо, — говорит она, уже немного успокоившись. — Я уйду. Но за это ты мне ответишь!

— Перед братом твоим? — говорю. — Так я этого не боюсь! Зови. Лучше сразу, в упор со всем разобраться, чем получать потом тычки из-за угла!

— Не боишься, значит! — говорит она и видно, что о чём-то серьёзно начинает задумываться. — Впрочем, чёрт с ним, с братом. Я думаю, ты и добровольно способен оплатить мне мою отзывчивость и доброту.

— Понимаю, — говорю. — Бери что хочешь! — и распахиваю перед ней дверь в один из самых богатых покоев. — Ведь деньгами ты постесняешься взять?

— Можно, — говорит, — и деньгами. Получается ровно тридцать дней по тысяче долларов в сутки.

— Чего? — ошарашиваюсь я, тридцать тысяч зелёных за какое-то там фу-фу, пусть и в течение месяца.

— А ты как думал? Старый балбес! Ведь я женщина роскошная!

Вот удосужился, думаю. Это же целых два лимона деревянными! Как представил сколько это может весить, особенно в мелких купюрах, чуть плохо не стало. Как же мне выкрутиться теперь из этого с наименьшими для себя потерями?

— У меня нет, — говорю, — таких денег, хоть убей!

— Как это нет! — сердится она. — Да один сервиз, что на чайном столике стоит в этой комнате (я видела такой по телевизору) и тот десять тысяч баксов стоит! Напольные же вазы для цветов явно эпохи Минь (а их целых пять штук) так те вообще минимум по тридцатке каждая!

Надо же, изумляюсь я про себя. Какие знания! А какой клушей прикидывалась! И одновременно радуюсь возможности рассчитаться с ней хотя бы не наличными деньгами.

— Вот я и даю тогда тебе к сервизу в придачу ещё и вазу. А это уже не тридцать, а сорок тысяч долларов! Денег же наличных у меня и правда сейчас нет, так уж получилось. Хочешь, чек выпишу?

Вижу, женщина снова задумалась. А если женщина хоть когда-то думает, то уже одно это действие и само по себе хорошо, потому что такое случается крайне редко.

— Замётано, — говорит она, — пиши чек! Но вазу я всё равно возьму.

— Может, лучше сервиз? — предлагаю я, — пусть он дешевле, зато продать его будет проще.

— Нет, вазу! — зло отрезает она и идёт брать.

Сунула, значит, вазу под мышку. Причём с трудом. Ваза-то большая! С ведро — не меньше. Да и тяжёлая. Получила от меня чек, выписанный строго в соответствии с данными предъявленного мной паспорта, ну и ушла, даже не попрощавшись. Да и хрен с ней! Хорошо, что хоть так отделался. Правда, вазы жаль. Она ведь, в отличие от чека, настоящая!

Теперь, думаю, надо спасаться, пока не разнюхала. Только как такой домино бросить. Я же обещал другу, что дождусь его. Обещать-то обещал, да выдать не судьба. Напишу записку, что, мол, плохо с мамой стало, потому и уехал. О входной двери пусть не волнуется, закрою на замок, как и положено, да и калитку в заборе тоже. Ключи оставлю в почтовом ящике. Да у тебя и самого, надеюсь, дубликат имеется. Как сказал, так и сделал. Да и удрал сразу восвояси.

А через месяц и думать об этом забыл. Для себя же решил, что точно покупать дом не буду до тех пор, пока не женюсь! Да только женюсь-то я вряд ли. Потому как уже и на личном опыте знаю, чего можно ожидать от женщины в экстремальной ситуации. Месяца этак через три после того, как я возвратился, мне вдруг звонит этот самый приятель. Я уж и забыл, что мы с ним обменялись номерами на всякий случай. Да и говорит мне, паршивец:

— А ведь я знал, что ты не выдержишь и сбежишь ещё до срока!

— Почему это я сбежал? Просто к маме ездил, — оправдываюсь я.

— Да нет у тебя уже мамы! Я справки навёл. Ладно, замнём! Впрочем, правильно сделал. Такой большой дом одному человеку ни к чему. Супруги же у тебя, как я понимаю, пока нет?

— Нет.

— Ну, коли женишься, тогда тебе и карты в руки! Как старому приятелю точно цену сбавлю.

Я не удержался и спрашиваю:

— За сколько же ты собираешься его продавать?

— Выставил за три. Но тебе отдам, как брал, то есть за два с половиной миллиона евро.

— Ну и правильно, — говорю. — Он таких денег стоит.

— Так что подумай о свадьбе, пока «поезд» ещё не ушёл.

— Не-не, я же сказал, что пока не готов жениться, — отбрыкиваюсь я. Хотя понимаю, что сделка и впрямь выгодная. Да и в аккурат по моим накоплениям. Но ведь женитьбы-то я больше всего и опасаясь. Можно, конечно, попробовать заключить фиктивный брак. Но и это опасно, вдруг потом эта «фикция» оттяпает больше, чем я предлагал. Так что пришлось в итоге твердо сказать уже самому себе «нет» в вопросе покупки дома.

— Впрочем, как хочешь. Как говорится, насильно мил не будешь. Кстати, недавно ко мне в дом какая-то симпатичная цыганка приходила, лет сорока, может чуть старше, пыталась качать права по поводу липового чека, выданного ей, якобы, в этом доме. По описанию обманщик на тебя смахивает, но фамилия у него явно не твоя. Ты, случаем, ключи никому в руки не давал?

— Нет, — говорю, — сразу в ящик положил.

— Тогда лады! — говорит приятель. — Слушай, ты не знаешь, куда одна из напольных ваз третьей комнаты второго этажа подевалась! Их же, кажись, пять, а не четыре было.

— Прости, — говорю, — но я одну из них нечаянно уронил. Она возьми да и разбейся. Если что, готов оплатить убыток.

— Да брось ты, — говорит друг, — она же поддельная. Копейки стоит. Разве стану я настоящие вазы эпохи Мин без охраны держать! Всё ценное у меня в подвале, в бункерном сейфе спрятано. Похоже, заболтался я тут с тобой. Прости, но мне, как только что сказал секретарь, пора уже ехать на встречу. Так что до встречи, — после чего приятель сразу положил трубку.

Ну, думаю, ты и ловкач, «братец»! Умеешь пыль в глаза пустить. Зарядно и за себя порадовался, что вновь с минимальными потерями избавился от очередной навязчивой идеи

6.08.2020

БОМЖ

— Что вы думаете об устройстве нашего государства, а также о политике его руководства? — неожиданно спросил я у Ивана Ивановича, когда мы вместе покуривали на скамейке в парке. Он — после сытного обеда, остатки которого еще лежали рядом с ним. Я же после того, как, сделав пару кругов трусцой вдоль спортивной площадки, присел немного отдохнуть.

— Так ничего не думаю. Оно мне надо?

— Вот всегда вы так, Иваныч! Постоянно уходите от прямого ответа.

— Так не понимаю я, милейший, ничего ни в экономике, ни в политике.

— А я считаю, что устройство в целом верное! Только надо бы, чтобы богатых было поменьше.

— Да, богатым быть, наверное, хорошо, — задумчиво произнёс Иваныч.

— Не знаю. Я таким еще не был. Ну, а бедных и вовсе не должно быть!

— Как это?

— Пусть все будут одни середняки!

— Такие, как ты, Серёжа?

— Хоть бы и так. Чем же я плох-то? Работаю в культурном учреждении. Уже ведущий библиотекарь! А скоро, может, и заведующим стану. Так что такие, как я, по моему убеждению, и есть пример для равнения и подражания.

— Так-то оно так. Да только никогда не будет по-твоему!

— Не понял??

— Как были бедные во все времена, так и останутся и впредь. Вплоть аж до Страшного суда!

— Ну уж нет! — решительно возражаю я. И сделав пару особенно больших затяжек, бросаю сигарету в урну. Не от злости, а потому, что уже искурил её даже больше, чем до самого фильма.

— Ладно, Иван Иванович, бывай. Мне уже пора и до дома, архивчик разбирать одного известного поэта.

— Иди-иди, милоч!

— Не хочешь спросить, как его зовут?

— Ну и как?

— Израиль Галактионович Нахрапкин!

— Ишь ты, как красиво обозвался!

— Не, это всего лишь псевдоним. По-настоящему он Наум Наумович Наумкин.

— О первом вообще не слышал. Второе же имя мне что-то смутно напоминает. Но чего? Уже не вспомнить! Знаешь, Серёжа, я много чего совсем не помню. Но об этом после. Иди уж. Архив, небось, заждался.

Я и пошёл. Не пытаться же человека внаглую, когда он обещал сам всё потом рассказать,

Чем же известен этот Израиль Галактионович Нахрапкин? Прежде всего тем, что двадцать лет назад был первым поэтом нашего города. Было издано несколько сборников его произведений, пользовавшихся неизменным успехом среди горожан. Он даже приобрёл подержанное авто с автоматической коробкой передач, что в те годы было большой редкостью, продавая дамочкам и юным красоткам свои книги с автографами. А потом он вдруг неожиданно бесследно исчез! Поехал на заработанной честным трудом машине на рыбалку куда-то в область и уже не вернулся. С тех пор о нём ни слуху ни духу!

В этот раз я нарыл в доставшемся мне на исследование архиве пару стихов, не вошедших в изданные сборники. Что обрадовало меня чрезвычайно. Ведь это было пусть и маленькое, но всё-таки открытие. Если так дело пойдёт и дальше, то скоро я смогу набрать на журнальную пу-

бликацию. А там, чем чёрт не шутит, может, и сборник издам. Вначале под псевдонимом, конечно. Потом уже как получится. Если надо будет и тайну имени раскрою!

Поэтому, когда мы в следующий раз встретились с Иванычем опять на скамейке, только уже не в парке, а на детской площадке, что во дворе моего дома. Он там после утреннего сбора бутылок и жестянок отдыхал. Я же там оказался из-за того, что углядел его в окно, когда поливал цветы на кухне. Я был в особо приподнятом настроении!

— Привет, Иван Иванович, как дела?

— Здорово, Серенька. Что-то ты сегодня в хорошем настроении.

— Так есть от чего. Да и ты, Иваныч, тоже нынче никак доволен?

— Знамо дело! На целых три евро посуды пустой набрал.

— Слушай, помнишь, что ты мне прошлый раз обещал кое-что рассказать о себе?

— Как же, помню, Серёжа. Спрашивай, не стесняйся, чего знать обо мне желаешь.

— Желаю я знать, почему ты многого из своей прошлой жизни не помнишь? Ведь нынче ты вроде как в своём уме. По мне, так вообще неплохо соображаешь!

— А потому, дорогой мой товарищ по разговорам, что так оно и есть! Я даже имени своего настоящего не знаю.

— Так Иван Иванович — это что, не твои настоящие имя и отчество?

— Как же, мои! Это меня так другие бродяги прозвали. Я ведь ими найден был в лесопарке. Можно сказать, почти без признаков жизни. Когда они привели меня в чувство, то стали спрашивать, кто я такой и как меня зовут? А я знать ничего не знаю. Не только не ведаю, кто я и откуда, даже имя мамы своей и то вспомнить не могу. Вот и прозвали они меня как им на ум взбрело. То есть Иваном Ивановичем.

— А, вот оно что, — говорю я. — И ты до сих пор так и не вспомнил, как тебя зовут. Да, это беда!

— И не говори. Иногда даже выть с горя хочется! Но я всё же держусь. Вот и сегодня, бутылочек и жестянок пустых с утра пораньше набрал. Позже пойду, сдам. На вырученные деньги маленькую куплю, ну и закуски чуток. И этим снова заглушу тоску по прежней своей жизни, о которой знать ничего не ведаю! А заодно и по имени.

— И правильно, по моему разумению, делаешь. Вдруг ты был когда-то кем-то! И звали тебя не Иван Иванович, а, скажем, Александр Сергеевич Пушкин! Или что-то в подобном роде.

— Да ну тебя, Серёжа! Расскажи лучше, почему сам-то такой довольный уже с утра?

— Так я тебе, Иван Иванович, хочу стишок зачитать, а может и два!

— Зачем это??
— Хочу узнать твоё мнение.
— Так я же в поэзии не силен!
— И всё же?
— Ладно. Давай, только побыстрее. Иначе я до обеда сдать посуду не успею!

И я начал декламировать:

— *Будущего не существует!*

Есть только настоящее!

А кто против этого протестует,

Обращайтесь к психологам чаще!!

— Ну как? — спрашиваю.

— По мне так не очень. Но явно знакомое!

— Как это?

— Прочитай-ка ещё одно?

— Пожалуйста:

Не говори, что холодно сегодня,

А где-то, в Африке, всегда жара!

— Стоп. Я вспомнил! Дальше должно быть так:

Ступай-ка лучше в преисподнюю,

Тебе туда давно уже пора!

— Блин, верно! А ты откуда знаешь??

— В этом цикле есть ещё такое пятистишие:

Какое счастье в твою честь,

Сказать очередную лесть!

Какая мука провожать!

А после возвращения ждать!

И снова вскоре провожать!

— Что же это такое, в самом деле?! — про себя думаю я. Откуда этот грязный бомжик знает не только конец стихотворения, но ещё и уверяет, что есть еще одно. Более того, даже читает наизусть его строки! Тут явно какой-то подвох. Пойду-ка я лучше домой, где еще раз, уже со всею тщательностью пороюсь в архиве. Вдруг он всё-таки прав. Тогда это будет уже не открытие, а скорее сенсация.

Как сказал, так и сделал. А Иван Иванович, тот, как и обещал, пошёл сразу сдавать жестянки и склянки, чтобы успеть сдать всё до обеда. Должен заявить честно, опасения мои подтвердились. Я действительно нашёл это стихотворение. Оно было на самом дне коробки. Так что же теперь получается? Выходит, этот Иван Иванович был настолько близко знаком с пропавшим поэтом, что тот запросто знакомил его со своими еще даже неопубликованными произведениями. А может, это он сам

и есть? Коли так, тогда точно придётся повременить с публикацией, даже под псевдонимом.

И тогда я решил схитрить! И вот что из этого вышло! Я опубликовал в местной бесплатной газете начало очередного обнаруженного мной ещё неизданного стихотворения Израиля Галактионовича Нахрапкина и попросил написать к нему конец.

Вот оно.

*Зимы совсем я не люблю
И через силу лишь терплю!
С весною я почти что дружен,
Хотя мне гон уже не нужен.
Ведь вслед за ней приходит лето!
Вот где раздолье для поэта.
С утра до вечера тепло!
А на балконе просто Рай!
Прояснишь водочкой чело,
Закусишь как бы невзначай.
И тут же в руку карандаш —
Строчить очередную блажь!*

Ответ не заставил себя ждать! Он был уже в следующем номере.

*За летом осень — время благ!
Очей, кажись, очарованье.
Но я не Пушкин!! Увяданье
Не стану славить с замираньем!
Пусть славят те, кто полон врак!*

А под опубликованным было напечатано:

Конец досочинил Иван Иванович Бомж.

Когда Ивана Ивановича, наконец-то, как следует помыли, а заодно подстригли и побрили, он действительно стал похож на последний по времени портрет поэта Нахрапкина. Только, говоря языком Эзопа, примерно двадцать лет спустя. Да, это была определённо сенсация! Поэт, пропавший без вести более двадцати лет назад, наконец-то вновь оказался в кругу своих почитателей. Причём в целостности и сохранности! И всё это благодаря мне! Простому российскому библиотекарю!! Да, за это стоит и в самом деле выпить!

Поскриптум.

Иваныч, вернее, Нахрапкин-Наумкин оказался человеком порядочным и уже вскорости отблагодарил меня, посвятив мне такое стихотворение:

*Пуškai поэтом ты не стал,
А ведь хотел, я это знаю!
Тебя я всё же уважаю.
Ты совесть хоть не потерял,
Когда соблазнам потакал!*

26.08.2020 г.

Девчушечка

Познакомился я несколько месяцев назад с одной девочкой лет четырнадцати, не более. Она ко мне на семинары приходила. Я тогда подвизался на некоторое время преподавать уроки изящной словесности в библиотеке, что на Ветеранов находится. Приглянулась мне она. Думаю, чадо ещё по жизни незрелое, а туда же, к высокому уже, понимаешь ли, тянется! Ну и стал ей поэтому уделять внимания поболее, чем другим абитуриентам. Ведь в основном ко мне ходили люди пенсионного возраста. Причём большинство из них были мужчины. Они ведь не уделяют столько времени хозяйству да внукам. Правда, было ещё несколько старых дев. Но те почему-то особенно плохо усваивали материал. Очевидно, пришли сюда не только за этим. Девочка эта мне настолько нравилась, что я частенько предлагал ей задержаться после занятий. Сначала мы попросту беседовали о чём считали нужным. Ей было интересно выслушать мнение взрослого, да ещё и начитанного человека по тем или иным волнующим её темам. Мне же было просто приятно побыть в обществе такого «розанчика». А потом я уговорил её заглянуть ко мне домой. Где после незначительных раздумий, видя её явную понятливость, предложил взаимное сотрудничество. То есть я буду платить, а она делать!

Так и повелось у нас с тех пор, что ровно два раза в неделю она приходила вечером ко мне в квартиру и в течение двух часов (дольше я не мог, ведь мне уже стукнуло шестьдесят годков) печатала мои опусы. Которые я диктовал ей с листов, собственноручно заполненных моим корявым почерком. Спросите, почему сам не печатал? С детства не терплю двойной работы. Да и печатаю одним пальцем. По-другому из-за плохого зрения у меня почему-то не получается. Хотя видел недавно по телеку, что можно печатать вообще вслепую!!

В основном это были короткие рассказы в жанре мрачного юмора. И допечатались мы с ней до того, что я уже и об издании нового сборника подумывать начал. Как узнала она об этом, то ещё пуще помогать мне стала. Я же не на бесплатную работу её приглашал. Теперь почти каждый вечер заходила. Молодец, думаю, все бы так работали.

Наконец, настал-таки тот долгожданный день, когда мы закончили печатать все отобранные для этого мной материалы. Тогда она и спрашивает меня:

— Сергей Соломонович, вот вы мне за работу по печатанию заплатили три тысячи триста тридцать три рубля.

— Правильно, — говорю, — милочка, потому как вышло ровно триста тридцать три страницы с четвертью. Что и составит из расчёта по десять рублей за страницу именно столько!

— Это-то я поняла, — хлопает глазками девочка. — А сколько же вы сами получите после издания своей книги?

— Это зависит от того, куда удастся пристроить рукопись.

— А всё-таки??

— Полагаю, тысяч на двадцать могу рассчитывать.

— Да, негусто, — говорит девочка и смотрит на меня с жалостью.

Ну, тут меня и прорвало! Ляпнул-таки правду.

— Глупая! Да ведь с писателями принято рассчитываться долларами.

Вижу, как вроде удивилась сильно она услышанному! Ещё бы — двадцать тысяч гринов это тебе не двадцать тысяч рублей.

Потом вроде как нехотя успокоилась. Да и говорит мне:

— Спасибо вам, Сергей Соломонович, за доброту. Но мне уже пора! Мама будет иначе беспокоиться. Если что нужно будет, обращайтесь уже без стеснения

— Обязательно обращусь, — говорю. Ну, девочка и ушла.

На следующее занятие в библиотеку она почему-то не пришла. Не пришла, так не пришла. Мало ли что бывает? Жизнь то у неё ещё молодая! Может, интересы какие посторонние на этот день появились. Тем паче, деньгами немножко разжилась. Мама-то у неё, как она говорила, прижимистая. На мороженное и то не сразу даёт. А папы, кажись, и вовсе нет! Когда же она не пришла и в следующий раз, я начал волноваться. С чего это вдруг такая прилежная и понятливая девочка, не предупредив, перестала посещать мои лекции. Честное слово, даже обидно стало. Мне уже и гранки для проверки прислали, а похвастаться этим не перед кем. Другие слушатели этого не поймут. Слишком уж они взрослые! Скажут, совсем зажрался, да и только! А эта точно бы оценила. Ибо сама внесла немалую лепту в создание моей новой книги.

Долго не думая, — чего душу травить неведением, когда всё узнать самому несложно, — я взял да и позвонил по телефону её матери, по домашнему. Девочка мне только этот номер давала. Потому как сотового ни у неё, ни у её матери по бедности, похоже, не было. Мама мне всё и выложила! И то, что дочка больше никогда ко мне не только на занятия, но и в гости не придёт. И что я вообще в скором времени буду очень удивлён и озадачен! После чего бросила трубку.

Странно, подумал я. Я-то тут причём? Что я сделал её дочери такого уж плохого, что та меня, видите ли, видеть не хочет. Да уж! Вот и делай после этого добро людям, даже таким ещё подросткам. Черт с ней, думаю, когда остынет, непременно иную песню запоёт! У кого она ещё деньжат за такие услуги зарабатывает? Все ведь сами предпочитают печатать.

Оказалось, я ошибся. Не только не поостыла, кажись, совсем перекалилась. Короче, как раз накануне презентации моей новой книги в «Доме писателей» на Звенигородской приходит ко мне в почтовый ящик повестка о том, что я вызван к следователю ответчиком по заявлению несовершеннолетней гражданки Клавдии Цеткин. В том, что я неоднократно домогался её интимной близости!

— Что за чушь! — вскипел я. — Тут явно какая-то ошибка.

И тут же побежал в милицию, хотя мне было назначено лишь на послезавтра. Был бы поумнее, точно не стал бы так торопиться. Лучше бы вначале презентацию провёл. И лишь потом отправился по повестке! А так, только лиха натерпелся заранее.

Следователь сказал, что дело, очевидно, дойдёт до суда. Потому что это пахнет педофилией! Ведь девочке всего пятнадцать лет. Правда, есть смягчающие обстоятельства. Она не говорит о том, что вы пытались её изнасиловать или принуждали делать что-либо непристойное ради вашего удовольствия. Но вы, можно сказать, регулярно гладили её по коленке. А иногда и хлопали по попе! Когда бывали в особо хорошем расположении духа.

— И вы ей верите? — спрашиваю я у следователя.

— Почему бы и нет, — ухмыляется следователь. — Ведь люди бывают разные. Тем более вы, как творческий человек, натура, как я полагаю, особенно пылкая! Я слышал, что вы известный поэт.

— Писатель — поправляю я.

— Вот-вот, я и говорю, что вы натура творческая.

— Сколько, — говорю, — надо дать на лапу, чтобы это дело замять, да так, чтобы от него и кругов по воде не осталось?!

— Так вы, стало быть, признаёте законность её требований? — настаивается следователь.

— Нет, не признаю, но понимаю, что если уж она осмелилась, то пойдёт до конца!

— Правильно мыслите! Всегда лучше договориться полюбовно, когда это возможно, — говорит он и смотрит на меня эдак хитренько.

— Верно, — говорю я, — сейчас у каждого своя правда. Даже если ты ни в чём не виноват, это ещё кое-кому доказывать нужно!

— Рад, что мы всё же пришли к соглашению. Поверьте моему опыту, так будет гораздо лучше. Вам же ещё писать и писать! А подобное дело может сильно подмочить вашу репутацию.

— Да оно её просто уничтожит! Даже если не посадят, то так обгадят, что вовек не отмоешься.

— Да и просит она не так уж много. Я думаю, вы без особого труда выплатите всю сумму, даже наличными!

— И сколько же это будет??

— Двадцать тысяч ей за моральный ущерб. Плюс пять мне за то, чтобы я дело не возбуждал.

— Наверняка не рублей, а долларов? — спрашиваю я.

— Ну что вы, — подленько улыбается следователь. — Всего лишь евро, мы же всё-таки больше дружим с Европой, чем с Америкой.

Услышав подобный приговор, я не на шутку задумался. Не менее минуты клял себя в душе разными подлыми словами. Потом глубоко и печально вздохнув, все же согласился!

«О времена! О нравы!» — как говаривал когда-то один классик. Каждый зарабатывает, как может, а иначе не выжить!

11.09.2020 г.

Содержание

Агентство «Туши свет» (Цикл рассказов)	3
Дело первое. Об обмороженном сыне Главного полицейского	5
Дело второе и последнее. Полковник Сунь	11
Зеленый брюлик (Цикл рассказов)	19
Зеленый брюлик	19
Перстень Распутина (Небылица)	22
Врач	24
А ты на что готов ради друга	27
Конфуций	29
Моторкин	30
Покрасовался	32
Рюрик и Олег	33
Я был знаком с самим Л. Черным	36
Нахум и Наум (Цикл рассказов)	39
Прогулка	40
Хитрецы	42
Бражка	45
Порадовали!	47
Пивка не желаете? Или мудрый благодетель	50
Надя	52
Сакура	56
Зябликовы (Цикл рассказов)	59
Каждый сверчок — знай свой шесток!	60
Заветный гвоздик	62
Убью гадину!	65
Лучший друг	68
Приплыли	73

Типажи (Цикл рассказов)	75
Умник	76
Апостолоп	83
Когда-то	83
Маленькие гадости	85
Семьдесят семь	85
Да здравствует!	86
Мужчина хоть куда	87
Косметолог	88
Эх, старость, старость!	91
Только не убивай!	92
Настоящий полковник!	106
Плохая память	109
Бабинов	111
Конспираторы	116
Шуточки	118
Спасибо за науку	120
 Байки от Сержа Троглодитного (Цикл рассказов)	 125
Алиэкспресс	126
Белочка	128
Неудавшийся донжуан	130
Хомячок	132
Один в большом доме	135
БОМЖ	142
Девчущечка	147

Издательство «Альгаспера».

Подписано в печать 00.00.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 8,84.
Печать офсетная. Тираж 000. Заказ № 000000.

Отпечатано в типографии